

Илья Кнабенгоф

ПРОВОДНИК

От автора

Эту книгу я дарю своим двум друзьям, один из которых собственным примером своей жизни не давал мне ни расслабиться, ни отдохнуть, а второй – не давал мне оступиться, когда я слишком увлекался. Один уничтожал мою жалость к себе, у второго всегда находилось для меня мудрое слово. Воину и Мудрецу посвящается эта книга.

*«Откуда взяться тишине и волшебству, когда вокруг весна?! –
-логично мысля, говоря по существу, подумай-ка сама...»*

Евгений Фёдоров (группа «Текиладжаззз»)

22.03.20...г.

Уши болели. Во рту стоял привкус *крови*. Оглушительный подавляющий гул растекался во все стороны, стремясь скрыться за горизонтом. Его высокое мерцание разваливалось, постепенно теряя целостность, и отдельные маленькие брызги звуков катились куда-то в высоту подобно... ну, этому самому... ну, этому... чему? Что-то знакомое было для него в этом звуке. Звон чего-то стеклянного, нет, медного по... по чему? Гул утекал вниз, в землю, теряя свою плотность, и вот уже он не был слышен ухом, а лишь отдавался во всём теле дрожью, которая всё замирала. Амплитуда колебаний резонанса спадала, и уже можно было попробовать вздохнуть. Он осторожно попытался приоткрыть глаза. Это было нелегко. Глаза как будто склеились и сильно болели. Влажным жаром жгло веки. Сквозь узкую щёлочку он увидел что-то рыже-коричневое, пятнистое, какие-то крупинки на жёлтом, вот какая-то букашка пробежала по... - «стоп!... листья... это - листья», - радость узнавания охватила его - «Значит... я жив... и со мной более-менее всё в порядке...» Но в следующую секунду разум окончательно проснулся в нём.

- Э... а... собственно, где я?

В течение времени, пока он задал этот вопрос самому себе, мозг лихорадочно соображал, какое бы ему придумать правдоподобное объяснение данному состоянию и, собственно, как составить минимальный план, что делать дальше.

- Я лежу на земле... Ура... Это уже неплохо, падать, видимо, некуда. Так-так...

Осторожно приподняв голову, он огляделся. Хотя в воздухе присутствовали обычные звуки, чирикали птицы, шумел слегка ветер, тишина после... после чего?... была давящей. Стоящие вокруг деревья слегка двоились в глазах.

- Интересно, что это так бумкнуло?! - спросил он себя и радостно отметил, что чувство юмора ещё служит ему.

Удалось немного снять напряжение. Только теперь он почувствовал, как болят все мышцы. Он чувствовал, как дюйм за дюймом, очень медленно, железная хватка оставляла его руки и ноги, и они начинали слушаться.

- Ага... видимо, осень... листьев нет... снега только припорошило, видать...

Ещё не до конца понимая, холодно ему или тепло, он приподнялся на руках и сумел встать на четвереньки. Из кармана выпало что-то и скрылось среди листьев. Он пошарил рукой, попутно отметив, что она вся в крови, нащупал что-то твёрдое и поднёс к глазам. Резкость восстанавливалась скачками. Всё плыло вправо, как заевшая пластинка.

Это была фигурка, вырезанная из камня. Он машинально сунул её в карман куртки.

- Куртка! Я в куртке.

Только сейчас он понял, что неплохо бы осмотреть себя.

- Хм... интересно... чьи-то штаны... не мои... свитер полосатый... не мой... ботинки... ботинки мои! И куртка.

Куртка была не его, но явно что-то знакомое в ней было.

Он поднялся на ноги. Кругом одни деревья. Реденькая рощица уходила во все стороны. Всё тело было мокрым, но одежда оставалась сухой. Он ещё раз осмотрел руки. Они были какими-то влажными, какими-то маленькими, съёжившимися. Пальцы были в подсыхающей крови. На тыльной стороне ладони тоже была кровь. Кое-как очистив руки от липкой земли, он тщательно осмотрел себя на наличие ран. Их не было. Ни одной.

- Не моя. Хм... странно...

Вдруг он услышал далеко за деревьями шум.

- О... шоссе, что ли? Ну-ка, ну-ка...

И он медленно заковылял в направлении звука. Теперь уже более ясно он слышал нежный и журчащий звук проезжающих машин. Смертельная жуть пережитого покидала его, уходя постепенно в небытие, секунда за секундой...

- Неужто я так напился? - думал он, пробираясь через залежи высохших веток, - и как меня угораздило в это болото попасть? Хорошо, хоть не замёрз. Ведь утро уже... наверно, утро. Светло.

Он глянул вверх, и среди деревьев увидел клочок ясного синего неба. Дальше было черно и серо. Чернота в небе растекалась, убегая к краям, освобождая место голубой прозрачности.

- Гроза была, что ли? А я сухой... Нет, всё-таки, какого дьявола и какая скотина меня сюда затащила? И где эта самая скотина сейчас? И вообще, снег кругом ...Бред какой то...

Он на мгновение вдруг осознал, что не чувствует ни малейшего признака алкоголя во рту, но шок, всё ещё сотрясавший его, заставил забыть это маленькое несоответствие.

- Вот чёрт! Что я скажу на работе? Или сегодня выходной?

Он внезапно остановился. Ясность рассудка ударила его, как фотовспышка.

- А какой сегодня день-то? А... месяц?

Далее он тут же понял, что вопрос, какой сейчас год, даже задавать не стоит. Он не знал.

- А кто я? Ми... ни... что-то с «и»... потом «а»,... нет, «о»... Рюха! Почему «Рюха»? Аааа... Андрюха!

Память включилась. Двор, школа, учительница, открывающая классный журнал, её синие глаза, необычайно синие глаза... они так ему нравились...

- Ивченко! - голос хлётко ударил звоном изнутри в макушку, и он даже зажмурился.

Анна Андреевна. Ну да... Голос её забыть трудно. Насмешливая улыбка, сияющие синие глаза и длинные прямые светло-серые волосы. Для парней в классе это был удар ниже пояса. У девчонок в классе шансы упали до нуля. А она стояла высокая, стройная, в обычном платье, без серёжек, цепочек, брошек и прочей ерунды, которую в изобилии надевали на себя учителя постарше, стояла около первой парты, опустив на неё свою руку, и держала другой рукой журнал.

- Ивченко!

- Андрей! - стукнуло изнутри. Память погасла, пропахав борозду в нужном направлении, и он пошёл собирать по этой канаве, что найдётся.

- Андрей, значит, Ивченко. Ну, как же, помню! - он даже улыбнулся, представив эту картину со стороны. Идёт парень по лесу, сам с собой разговаривает, в чужих штанах, и идёт незнамо куда неизвестно откуда.

- Здрасссьте, Андрей Владимирович. Это вы, что ж, школу свою изволили вспомнить? А, ну-ну... - он старался развить и поддержать в себе настроение юморить, так как

чувствовал, что, того и гляди, наделает со страху в штаны. Шок прошёл, и нервы начинали давать о себе знать.

- Ну и что же с нами произошло? Дрались?

Во внезапной догадке он протянул руку к затылку, но никакой шишки, ни других следов удара он не обнаружил.

- Нет, мы люди мирные, - ответил он, успокоившись, хотя причин для этого было мало. Версии рушились одна за другой.

- Я не пьян. Не побит. Не обворован. Мало того, с чужими вещами, даже не простуженный, с руками в чужой крови, с утра выхожу из леса... Бред!

Оставалось надеяться на друзей. Может, они развяжут языки?

- Шоссе! - он вывалился, обрадовавшись, из последних сил на обочину. - Теперь уж не пропаду.

Стараясь держаться прямо на непослушных ногах, он вытянул руку, тормозя машину. Машин было не так мало, как, казалось бы, должно быть посреди леса. Три-четыре проехали мимо, обдав его вонью выхлопных газов, но сейчас эта вонь была ему милее любого аромата. Пятая или шестая свернула на обочину, чуть не сбив его с ног. Стекло опустилось.

- Ты откуда такой? - здоровый бородатый мужик с интересом рассматривал Андрея.

- Какой? - сделал якобы удивлённое лицо, спросил Андрей.

- Какой-какой... Ты на себя-то последний раз когда глядел в зеркало?

Зеркало!

Зеркало... зеркало... что «зеркало»? - что-то быстро и неуловимо прошмыгнуло в голове и скрылось за углом, махнув длинным скользким хвостом.

- Ты чего, поганок наелся?

- Я?! - Андрея передёрнуло.

- А вообще-то, я теперь и сам не знаю - подумал он, - могли ведь и накормить втихаря, пошутить.

- Весь в грязи, в кровище...

- Где?

- Да на рожу свою погляди! - бородатый перекинул руку через дверцу и ткнул пальцем в зеркало заднего обзора. Андрей подошёл, нагнулся...

Нет!

Что «нет»? - отпрянул он.

- А-а... не хочешь смотреть! Хе-хе. Да, теперь тобой только детей пугать! Ну, садись, чего встал?

Андрей, потупившись, виновато полез в машину.

- На, утрись, - водитель сунул ему платок.

Андрей провёл платком по лицу и увидел, что кровь была и там, да ещё и в довольно приличном количестве.

- Вон, морду-то как раскрасили! - водитель подмигнул, и, вдавив педаль, резко сорвал машину с места.

Он ехал, покачиваясь в кожаном кресле «Волги», и растекающееся спокойствие и тепло убаюкивали его. Что же случилось? Конечно, в последнее время его жизнь была не очень спокойной. Вот, например, в среду...

- В какую среду? - он устало отметил, что хотя и помнит какие-то несвязные мелочи, совершенно отсутствует чёткая картинка последних прожитых месяцев.

- В среду... да... я помню, я пошёл в клуб с друзьями, с Максом и... этой, как её?... Катей? Леной? А, с Машей! Точно! Потом хохот, улица, такси, целовались в подъезде, цветы

откуда-то, утро, разбитое зеркало... *Зеркало!*... звонок в дверь, иду открывать и... - он зажмурил глаза от боли в висках, - ... рекламная пауза. Мда... Скушай «Твикс».

Дальше не шло. Когда была эта самая среда, он не помнил тоже. Вообще-то, друзья часто смеялись над его короткой памятью, но чтоб такое!... Такого не было. Точнее было, но об этом даже страшно было подумать.

Впереди показались первые дома города.

- «Озерки!» - удивился Андрей. - Вот леший занёс! Это меня точно Бог наказал! - он не заметил, что рассуждает вслух.
- Когда тебя Бог накажет, ты не в машине в уютном кресле будешь ехать, а дерьмо из ушей ногами выковыривать! - отозвался бородатый, увидев, что Андрей не спит.
- Наверно - охотно согласился тот, чтобы предупредить возможные расширенные гипотезы на этот счёт. Это сработало, и водитель замолчал.

Остановились на автобусном кольце. Прощаясь с бородатым, он долго извинялся за причинённые неудобства и благодарил за помощь. Потом пожелав «удачи!», нетвёрдой походкой зашагал ко входу в метро.

- Только б менты не докопались! - пробормотал он, опуская руку в карман и с радостью и облегчением нащупывая там какую-то мелочь.

Я часто думаю. По поводу и без. Мне так интересней. Вокруг меня ходят миллиарды людей и ... ни о чём таком не думают. Ну, просто они заняты едой, сном, семьёй, любовницами, машинами, работой... Зачем им думать? Все их мысли вьются только вокруг количества и качества тех же самых машин, еды, сна, любовниц, работ... Я обижаюсь на Него. Часто. И потом жалею. И даже радуюсь, хотя и это считаю плохим в себе, что окружающие позволяют сохранять мне своё ноу-хау в данном, отведённом мне углу, где я могу сидеть, как мышь, затаившаяся за помойным ведром, и ждать, когда придёт моё время, и я смогу заняться своими делами. Чем? Да всем. Разными глупостями, как вы бы их назвали.

Я иду на улицу, и, садясь на ближайшую скамейку во дворе, слушаю тишину. Тишина прекрасна ночью, когда непоседливые потребители и обыватели спят, и видят свои потребительские и обывательские сны. Наверно, во сне им показывают ещё лучших мужей, жён, машины, дома..., и они довольно повизгивают в своих кроватках, чтобы наутро погнаться дальше за своим эфемерным сновидением, как только оковы Хозяйки Снов спадут с их ног. Я смеюсь и радуюсь, когда вижу их. Ведь они счастливы, хоть и отрицают это, вечно ругая всё и всех вокруг себя. У них есть стимул, и пока они спят наяву с открытыми глазами, он не исчезнет и будет, постоянно изменяясь, плясать перед ними как привлекающий паяц, как рекламный плакат «возьмите свой бесплатный приз!», как груша, висящая на конце удочки перед ослом, который тянется к ней без конца и везёт повозку, в которой и сидит тот, кто эту удочку держит.

Они счастливы как дети в своём забытьё. Как маленькие сварливые скандалящие дети. Капризные дети. Они прекрасны в своей наивности. В своей слепоте. Как котята, ползущие по полу и ищущие маму-кошку. Только котята ищут, а они - нет. Они говорят, что мамы-кошки не существует. И этим приводят меня в неопикуемый восторг. В этом я вижу Его торжество. Они, называющие себя королями, ползают по этой огромной короне и не могут её найти! Понимаю, увлётся... Но ведь утро такое прекрасное, а они скоро появятся на улице. И я ловлю каждое мгновение тишины, я дарю его себе, я складываю его к себе внутрь, в сердце, в глаза, в лоб, в спину, в руки... Чтобы впитать это и жить этим до того момента, когда они снова

позволят мне выйти из-за моего мусорного ведра. И тогда снова слушать песни собак, заблудившихся в огромном городе, стук капель, срывающихся с крыши на асфальт, смотреть фильмы об оранжевых фонарях, которые столько всего видели на этих дорогах. Можно подержать ладонь на стекле автобусной остановки и внезапно увидеть, как встречались и прощались здесь люди. Ругань садящихся в автобус бабушек будет шептать в ухо о том, что они прекрасны. Прекрасны в своём иллюзорном беге за счастьем. А счастье... Оно всегда здесь. Под ногами. Нагнись да возьми. Но они не могут. Ведь нужно бежать...бежать...

- Проклятье! - я хлопнул по будильнику, и он упал с табуретки на пол. - Опять вставать! Опять бежать... Сколько можно?!

23.03.20...г.

Вы что, уже подумали, что я какой-то особенный? Да нет! Я такой же болван, как и все. По крайней мере, говорю себе это часто. Доказать? Пожалуйста.

Родился, как все. Загугукал, как все. Детсадик. Школа. Первая любовь. Юность. Гитара. Институт. Бросил. Работа. Гитара. Чем не банальный ряд обычного неудачника и бездельника? Играю теперь на гитаре в кабаках. Где придётся, где платят. И жизнь у меня спокойная, относительно, конечно. Бывает, вино... девчонки... Тридцать разве возраст? Ну, побаловался пару раз более серьёзным, с кем не бывает? Но вчера...

Вчера я очнулся в лесу в пятидесяти километрах от города. Это что-то новое. Я всегда хвастался себе тем, что могу удержать себя в руках, когда другие валятся под стол, но ситуация говорила обратное. Либо я так надрался, что уехал хрен знает куда, либо меня чем-то накачали в ресторане. Дружки? Может быть. Среди музыкантов ведь немало людей, принимающих внутрь разные интересные соединения, это ведь ни для кого не секрет. Но то, что случилось, не походило ни на что, известное мне. Самое странное во всей этой истории то, что я уже с трудом вспоминаю, как ехал оттуда домой, не говоря уже о том, что я вообще не помню, как туда попал и что я делал последние две-три недели перед этим.

С большим трудом я выяснил, что среда, о которой я вспомнил в какой-то момент вчера, на самом деле закончилась четвергом почти месяц назад. Честно говоря, я испугался. Позвонил Макс. Говорю так вкрадчиво, спокойно, издали: «Макс! А ты случаем не помнишь, как звали ту девчушку? Ну, помнишь, сидели в «Сити» недели три-четыре назад?» А он мне: «Совсем сдурел, брателло? Ты чего опять наглотался?» Тут я совсем со страху присел. Думаю, точно наркоты нажрался и что-то натворил.

- Ты ж её от себя не отпускал почти месяц!

Приехали! Здравствуй, Андрюша, - говорю я сам себе, - поздравляю тебя, ты - отец!

А Макс не унимается:

- Ты ж с ней как угорелый носился, всё визжал, какая она сногшибательная! Что? Посеял её, что ли?

- Э... в некотором роде.

- Осёл! Ха-ха. Меньше надо дерьма жрать всякого. Ты ж знаешь, такие, как она, таких, как ты, на дух не переносят!

- Да ладно, ладно. - я успокоился и подумал - Значит, с девчушками кутил! Целый месяц! Ого! И как же она меня так закутила, что я ни хрена не помню?

- Ладно, брателла, я спешу. Не забудь позвонить Павлику, а то он уже вешается. Сколько можно работу прогуливать? Он твои справки скоро будет в рамки вешать вместо картин.

- Справки? - я совершенно естественно удивился, так как никогда не болел, и собрался уже возмутиться, как вдруг...
 - Стоп! А ведь это не в первый раз! - мысль как иголка пронзила голову и ушла по прямой вниз, в бетонные перекрытия шести этажей подо мной.
 - Что, что? - начал, было, Макс, но я прервал его.
 - Да, да, конечно. Извини. Больше не буду. - сморозил я.
- Короткие гудки. Пустота.

Значит, опять. Об этом страшно было думать. Я помню серые стены, разодранные тапки-шлёпанцы, укол с утра, укол вечером. И пустота... И страх. Тогда я имел неосторожность поделиться горем с ближними. В первый раз это была мать, во второй в стукачи записалась моя подруга. Значит, это случилось опять. Итого шесть потерянных месяцев жизни. Просто подарок для белых засаленных халатов. Но теперь я уже был тёртый калач. И, в конце концов, в этот раз я отделался всего месяцем. А это уже говорило о том, что я могу рассчитывать на полное избавление от моей напасти в очень скором времени. И никаких лекарств. Никаких слюней на пол. Никаких заблёванных унитазов. Я выдержу.

В первый раз было страшней всего. Последнее, что я помню тогда, это вагон и угрюмый проводник, забирающий мой билет. Я сел на поезд, уходящий на юг, в Анапу. Море, солнце... Подвернувшаяся халтура снабдила меня внезапно некоторыми финансами, а я уже тогда чувствовал, что если не отдохну, будет нервный срыв. Ну и... дело стало за малым. И вот я, перекинув рюкзак через плечо, с болтающимися на шее тёмными очками, открываю дверь в купе и... бездна. Пустота с лохматыми краями. Как сейчас помню свою расплывающуюся улыбку, когда я взялся за ручку двери и приготовился сказать что-нибудь остроумное и смешное своим случайным попугайкам, таким же счастливчикам, как я. У меня даже осталось смутное ощущение, что какие-то двое там всё-таки сидели, но, возможно, я это сам себе потом придумал. По крайней мере, я очнулся через три месяца в десяти километрах от посёлка Кизи, лёжа ногами в ледяной воде. Я так и не смог себе объяснить, что я искал на лесном озере в северной карельской глуши, когда только что собирался ехать в направлении тёплого южного моря. Только позже выяснилось, что прошло уже достаточно времени, и чем именно я занимался всё это время - я понятия не имел.

Не думайте, я хоть и дурак, но уши у меня на месте, и о всяческих зомбированиях и гипнозе я наслушался. Ну, думал я, точно что-нибудь сделал эдакого. Наверно, убил кого, либо выкрал что-то... Потом думал: «Да нет... чушь всё это». Но ждал. Ждал, что вот сейчас раздастся звонок в дверь, войдут люди в форме и... всё выяснится. Нет, я не боялся наказания, я боялся неизвестности. Но никто не пришёл. И я пошёл сам к матери. А к кому ещё было идти? Вот тут я и потерял своего первого кумира. Звонок по телефону, вежливые вопросы, подпись какая-то на чём-то и... капельницы, капельницы, капельницы и... бездна... Пустота с лохматыми краями. Матери я больше не видел. Когда мои добрые мучители решили, что с меня хватит, по знаку невидимой, большой во всех отношениях, руки я был выпущен на свежий воздух прямо в пахнувший уходящим теплом парк без объяснений и без каких-либо наставлений. При расставании работники учреждения вели себя крайне вежливо, участливо, вкрадчиво улыбались и по-братски подталкивали в плечо к выходу.

- Всё? - не веря, спросил я.
- Всё. - улыбка, полная официального государственного участия, заслонила собой лицо, её производившее. Пластмассовая вежливость в обрамлении помады и белая окантовка. Очень стильно, официально. Возможно, подойдёт к вашему офису?

Первый раз было страшно до чёртиков. Если кто из вас, дорогие читатели, хоть раз перенёс тяжёлую болезнь, надолго выбивающую вас из колеи жизни, особенно в годы школы или

студенчества, то вы знаете ощущение, когда возвращаешься к прежним своим делам, разговорам, друзьям, и понимаешь, что всё это как-то неуловимо безвозвратно изменилось, хотя, вроде бы, осталось и тем же. Все на тебя как-то странно смотрят, недомолвки, ... - «а-а... так тебя ж не было...», «ну, да... у тебя ж было...» - и смущённое молчание. Это смущённое молчание посреди недоговорённой фразы убивает как разрывная пуля. И ты начинаешь ценить бескомпромиссный цинизм, что нередко встречается у людей жестоких. И они тебе кажутся милей всего со своим откровением: «а-а-а... так правда у тебя было... (следует точный диагноз)? Ну, круто!» - И ты чувствуешь себя счастливым. Почему? Да потому, что этот невоспитанный наивный и, может быть, слегка глупый человечек попросту не испытал к тебе жалости, тем самым вернув тебя на одну планку с ним. Жалость убивает. Жалость к больному затаптывает его в липкую грязь собственного ничтожества, откуда редкой птице удаётся если не взлететь, то хотя бы выползти отдышаться, чтобы начать путь наверх, к своим. Испытывающий жалость - убийца. Я испытал это на себе как никто. Были вопросы. Были косые взгляды уже потерянных, но ещё пока не осознающих это, старых друзей. Потеря любви. Пусть странной, не очень долгой, но кому быть здесь судьёй? Полный разрыв с матерью. Её я больше не видел. Дальние знакомые, до которых «это» ещё не дошло, согласились мне помочь на первых порах. Дальше как все, кто начинает заново жизнь. Новая работа, аренда жилья, покупка кастрюлей и тарелок, неприятности с милицией при оформлении документов, внимательные глаза с оттенком страха, и вежливая, переходящая в издевательскую, улыбка. Я давно не улыбаюсь сам. Меня заставили.

Я удивлю вас. Друзья, точнее те, кто считает себя таковыми, считают меня очень весёлым и общительным человеком. У некоторых это даже вызывает абсолютно чёрную зависть, которая заискивающе подсматривает из уголков их глаз, пытается приметить секрет такой «неописуемой» популярности. Секрет, хм... Они его чувствуют, они знают, что он должен быть. Некоторым просто приятно общаться с человеком, у которого «не всё в порядке с головой». Это интересно, даже несколько модно. Они ищут в тебе чего-то нового для себя, их жадность до непознанного гложет их. Они чувствуют это непознанное, они знают, что оно должно быть. Другие же видят твою отстранённость от внешнего, твою лёгкую ироничность, и ошибочно принимая её за мудрость, начинают искать в тебе возможного советчика, учителя. Они ждут от тебя причины. Они чувствуют её. Они знают, что она должна быть. И она есть. Они все правы в своих ожиданиях. Но они не готовы ни увидеть, ни понять, что все их ожидания - это всего лишь колышущаяся лохматая нить на краю бездонного колодца. И мне в сотый раз приходится улыбаться им всем, потому что я не хочу оскорбить их ожидания. Да и люди, которые всегда улыбаются, как выяснилось, не вызывают ни у кого подозрений. Улыбающийся человек создаёт впечатление полного порядка и спокойствия. Всё это, конечно, мне на руку. Я постарался, насколько мог, поменять круг знакомых, и это оказалось тяжело. Тогда я принял решение оставить институт, в котором в тот момент учился, и начал поиски работы. Думаю, вы уже понимаете, насколько это занятие было тернистым. Мне задавали столько разных интересных, глупых, а порой и грубых вопросов, что часто мои нервы не выдерживали раньше, чем я получал какой-либо ответ. Строгие роговые очки в отделах кадров фабрик и заводов сменялись пропитанными багровыми носами школьных завхозов, сухие рукопожатия автопарков - мокрыми шлепками ладоней в столовых и прачечных. Вся эта череда лиц уже грозила совсем потерять численность и сокрыть своё окончание в звёздной недосягаемой дали, как вдруг...

Больница. Да-да, именно те, что так постарались над моей судьбой, теперь сами брали меня в свои руки. Это было даже каким-то наваждением. На этот раз, огорошенный этим фактом (фактом того, что я вообще зашёл в это заведение), я сидел как истукан и практически не реагировал на вопросы в свой адрес. Уж не знаю, что там решила старшая медсестра, но я (о, чудо!) получил работу. Работу санитаря. Что ж, жаловаться было не на что. Видимо, моё

угрюмое и замкнутое поведение было принято за чрезвычайную решимость и твёрдость, поэтому я не подвергался в дальнейшем ни каким-либо проверкам, ни особым наблюдениям. Больница, находившаяся на проспекте Солидарности, была не ближним светом от дома, но время езды всегда можно было скрасить хорошей книгой, которую вечно не хватает времени прочесть, или хорошей музыкой, которую дарил жужжащий друг плеер из-за пазухи, или подумать над собственными композициями и песнями, которые тогда уже всюду писались.

Работа в больнице была отдельной историей, заслуживающей внимания. Она заставила меня многое пересмотреть по отношению к себе и другим, а также понять, что жизнь человека вообще есть вещь очень хрупкая и неопределённая. Такая она лёгкая, что её вообще можно считать не более чем «случаем». Да-да, именно случаем. Так обычно говорил мой товарищ по работе Юра. «Там какому-то случаю с шестого понадобилось подштопать. Поехали, доставим к «дверям Господним». Юре было сорок, а может и пятьдесят. Большое количество алкоголя, принимаемого всю жизнь, иногда делает совершенно невозможным определение возраста. Несмотря на этот недостаток, он был жилист, хитёр, чрезвычайно здоров и главное добр. Хотя и циничен. Было в нём много от обычного русского деревенского мужика, которого вечно поучают коромыслами жёны, и от классического одесского вора, который в любой момент мог сказать: «Ну, типа, братки, мне пора, а вы как хотите».

Доставлять нам приходилось по-разному. Когда из «адского пламени» человека вывозили, а когда и на «последнюю экскурсию». Когда срочно в операционную бежали, (а бежишь ведь и знаешь, что сейчас и от твоей сноровки и умения тоже зависит многое), а когда можно было уже и не торопиться.

Одно понял точно. То, что было свалено рядами на столах в подвальных холодильниках, к людям имело самое далёкое отношение. Это отрезвляет и весьма неплохо. И добавляет юмору. Особенно, когда ещё не выработалась привычка, и нервы пошаливают изнутри, начинаешь во всех видеть эту «накинутую сверху оболочку», будущих возможных клиентов. И тогда ты со смехом наблюдаешь, как эти «костюмы» ходят по улицам, и как они лелеют эти свои «костюмы», подкрашивая их, одевая их во всё более дорогие вещи, хвастаются и гордятся друг перед другом этими самыми «костюмами». А некоторые доводят свой «костюм» до такого состояния, что прямо диву даёшься. Знали бы они, что обычно говорят о них те, кто их доставляет в последний путь, так одного этого бы хватило им, чтоб всю жизнь следить за собой. Я понял главное для себя тогда: я не могу быть просто этим куском пластмассы, которую на себе таскаю. Я отказывался быть им и чувствовал, что поступаю правильно.

В больнице меня никто особо ни о чём не спрашивал, поэтому всё шло хорошо довольно долго. С игрой на гитаре тоже шло всё лучше и лучше, песни писались сами собой, и я уже начал подумывать о том, чтобы перебраться с работой поближе к музыке, ну там... для начала, может, техником сцены или хотя бы гардеробщиком в кабаке, но тут... меня накрыло во второй раз.

К тому времени прошло уже два с лишним года с момента моей так называемой болезни. Я лишь иногда в плохую погоду, либо при скверном настроении вспоминал серые стены «жёлтого дома». К тому же я почти наладил свою личную жизнь. У меня произошла история с одной замечательной девушкой, которая привезла ко мне на работу молодого человека, который был сильно избит и хромал. Пока его чистили, мыли, обеззараживали и зашивали, я стоял у дверей «травмы» на подхвате и молча пялился в стену напротив, чем необоснованно заинтересовал девушку, которая сидела тут же в коридоре на кушетке. Честно говоря, я и не думал напускать на себя крутой угрюмый вид. Я просто отключился и думал над проблемой смены работы, либо ещё над чем-то неприятным, когда вдруг заметил, что на меня вот уже десять минут в упор

смотрит это существо. А существо, надо сказать, сразу показалось мне подозрительным, хотя опасений и не вызывало. И вы сейчас поймёте, почему.

Она была совершенно не под стать своему спутнику. Если он был снаружи явным «быкующим» элементом со всеми вытекающими атрибутами, как то - стрижка «ёжиком», кожаная куртка на ватных плечах (при воспоминании о ватных плечах меня просто распирает от смеха) и соответствующий жаргон, то она была абсолютно эфемерным существом. Чёрные волосы, коротко подстриженные, открывали высокий лоб и немыслимые светлые глаза. А в глазах этих были испуг, доверие и наивность. Ребёнок. Уж не помню, как завязался у нас разговор, но когда выяснилось, что этому эльфу всё же стукнуло за двадцать, я слегка успокоился. Потом, в конце разговора, она спросила, а можно ли сюда позвонить, если возникнут вопросы по пострадавшему. Я ей сказал: «Конечно». И тогда она предложила, что, мол, будет лучше, если она будет говорить, если что, через меня непосредственно. И я дал телефон поста, объяснив, когда я дежурю. Ну, а потом всё как в обычном польско-французском фильме. Цветы, кино, книги, «поздно ехать домой», ещё одна тарелка на полке. Она осталась у меня жить. Что ж, подумал я, это к лучшему. По крайней мере, есть кому помочь, если что. Да и Катя, как, оказалось, её зовут, не испытывала неприязни к домашней работе. У меня утром был чай и чистые носки, а вечером у меня было с кем поговорить. Это было хорошо... пока не случилось «это». Конечно, я ничего не мог ей доверить из случившегося со мной ранее, поэтому, когда я в очередной раз был застукан самим собой, лёжа на краю песчаного обрыва, и понял, что «это» случилось опять, я сразу, как только стала восстанавливаться память, вспомнил о ней. Мне повезло на этот раз больше, чем в первый. Это было ближе, а точнее внизу под обрывом текла река Оредежь, и место, где я очнулся, называлось Вырицей. Соответственно мне нужно было преодолеть всего лишь какие-то 80-100 километров до дома, а не тащиться, как в прошлый раз, из Кижей через всю Карелию. И я абсолютно не понимал, каким образом там очутился. Спустя несколько недель стали возвращаться куски каких-то разговоров с Катей, какие-то звонки по телефону, всё очень смутно. Катя куда-то, по-моему, уходила, а потом... хотя всё это я уже вспомнил, конечно, в своей родной больнице, куда меня, по словам врачей, Катя и сдала. А может оно к лучшему? Я не сердился тогда. Понимал, что она из страха за меня это сделала. Тем более, когда она мне рассказала про последние два месяца моей жизни перед «отключкой», я совсем пал духом. Последние три недели она не видела меня вообще, а до этого творились такие вещи, что я сам засомневался в собственном рассудке. Она говорила, что я приносил домой какие-то камни и кричал, что нельзя их трогать, пропадал по два-три дня, потом вдруг появлялся, чтобы в следующую секунду броситься к окну и вылезти через него на улицу по бельевой верёвке, чтобы опять пропасть на два дня. Когда она последний раз пришла меня навестить в больницу, я спросил её, а что, камни всё так и лежат где-то дома? Она сказала, что их больше нет, и куда они делись, она не знает. Возможно, я сам их куда спрятал, да забыл? «Дорогие были камни-то?» - спросил я. Она заплакала, взяла свою сумку и вышла из палаты, чтоб больше никогда не вернуться. В дверях она обернулась и произнесла: «Дурак! Это были... это были...», - она запнулась и всхлипнула, - «булыжники!..». Она убежала, и ещё с полминуты был слышен шорох её ботинок по полу в коридоре, пока она шла к выходным дверям, а может я всё это уже потом придумал?

Мда. Катя мне поведала совсем немного. Но тогда мне и этого хватило. Я всерьёз испугался за свою голову и с участием принял все лечения, коим меня подвергали мои белохалатные «братья и сёстры». Потом, правда, вспомнил кое-что. Помню, сидел за столом, читал что-то, Катя вроде собралась куда-то, а...а... ну да, в магазин. Спросила, что купить к чаю, а мне и ни к чему было. Я ведь зелёный только пью и без всего. Так уж с детства повелось. Ну, я сижу за книгой, а она звенит ключами, выходит. Хлопает дверь. И вот тут меня что-то кольнуло. Я

инстинктивно обернулся посмотреть на захлопнувшуюся дверь, как вдруг увидел... кого?... ну... ну кого? Нет, кто-то там был. И это была явно не Катя. Может, их было двое?... Не помню дальше. Дальше только бездна. Глубокий гудящий колодец. Бездна с лохматыми краями...

Лифт. Лифт не работает. Хм. Странно. Сегодня же работал. И даже не гудит. Ладно, пойду пешком. Чёрт! Как в дверях-то сердце прихватило, аж дыханье спёрло. А вроде бы молодая я ещё для таких дел. Хм... На лестнице тихо. Ни души. И страх какой-то липкий навалился, отчего - не пойму! Ох, Слава Богу, кто-то навстречу поднимается, хоть поздороваюсь с человеком. Эх, не дошёл, где-то внизу на этаж зашёл... а на какой?! Там же и нет уж ничего? Ведь уже первый! А почему он тогда поднимался?! Вот проклятье, да что это я?! Надо на улицу быстрее... Вот сейчас дверь толкну и... ой, какие котятки чёрные у двери сидят! Красавцы! Давай, поглажу тебя... куда же ты? Стой, ну куда?... Ой... блин, нога, что ли, зацепилась? Шмякнулась-то я неплохо, аж дверь на улицу своей спиной открыла, хорошо хоть в снег выкатилась, а то могла бы и в грязь. Ну ладно, надо дойти до магазина и обратно. Что-то нервы у меня сегодня расшатались. А вороны-то вон как сидят, смеются надо мной. Вон две засели прямо у подъезда. Вижу-вижу. Ну и сидите себе... Ой, простите, я задумалась... хм... ну, грубиян! Вообще, блин, странно. На улице ни души, а он прямо со мной столкнулся. А... собственно, куда он делся?... Что-то я до угла дома уже минут семь иду... бред какой-то... и подташнивает... страшно чего-то... вроде как-то всё не так... ну не могу же я до угла идти полчаса? Тут всего-то шагов двадцать... вот, раз скамеечка, два скамеечка... блин, опять этот столб с сеткой... стоп! Я ведь его уже проходила... стоп!... ой, нет... лучше не останавливаться!... может я сплю?... да какой там!... может позвать кого?... так ведь нет никого... блин, Катька, спокойно... вон там за углом магазин... три минуты ходьбы, и ты там... там люди... всё нормально... просто я что-то не в себе... и голове что-то дурно... тошнит... опять эти котята... или другие?... эй, котятки!... маленькие, пушистые, вы не знаете, как мне тут, дуре, до магазина дойти... ой, извините, бабушка, я это... да-да, конечно... нет, всё в порядке, да я с котятами... как с какими?... ах, впрочем... ничего, я сама... спасибо... мне бы в магазин... ах, я уже в нём? Спасибо, простите...

Реабилитация проходила лучше. Был опыт. Трамваи гремели своими подножками-подвесками, на улице распускались лица посеревших за зиму пенсионеров, а я мотался в поисках работы. Две «психушки» за плечами - это не самый лучший момент при рекламе своих качеств. Инспекторы на бирже труда произвели на меня неизгладимое впечатление. Я оказался среди людей, которые с лёгкостью бросались помочь мне найти место работы, но чуть появлялись сложности, с той же лёгкостью разводили руками. Вообще, лёгкость была им присуща во всём, я это потом понял. Лёгкость как средство жить. Аэрозоль. Спрыснуть вас слегка моей лёгкостью? Вот видите, как нам всем легко? Вам тоже сейчас полегчает! Не полегчало? Фи... следующий! Ещё я тогда же заметил, чем отличаются наши работницы официальных служб от их зарубежных коллег, ну, тех самых... официанток, агентов недвижимости, секретарш, инспекторов биржи труда, но в зарубежном кинематографе. Я понял эту разницу. У нас все эти работники официальных служб забывают, что они в первую очередь женщины. Вот я сидел, смотрел на это пластиковое пугало с закрученными белыми химическими кудряшками в сером пиджаке, как у моего дедушки, только там, где у моего прародителя висели ордена и медали, у этого чучела висел большой белый значок с надписью «муниципалитет города Санкт-Петербурга», и улыбка температуры нелётной зимней погоды. Ярко-красная помада, сразу выдающая в женщине неудовлетворённость естественных желаний, ещё больше оттеняла витиеватые дужки её очков.

- Хорошо. Мы ещё пошуршим пальчиками, - она (точнее «оно», наверно) улыбнулась своему удачному, как ей показалось, каламбуру. - Если что появится, сообщим.

Я хотел ответить на её «сообщим» традиционным Винни-Пуховским: «Будь здорова», но сдержался, поймав это замечание «за хвост» уже на выходе изо рта.

Как всегда, помощь пришла с неожиданной стороны. Мои ковыряния в струнах были замечены старшим менеджером «арт-ресторана», и все мои несчастья мгновенно были мной забыты. Я оказался в совершенно новой для себя обстановке, окружённый таинственными законами шоу-бизнеса, коктейлями с зонтиками и фруктами, голландскими и итальянскими матросами. Все ко мне относились как к почётному человеку. Никаких вопросов. Улыбчивые девчонки-официантки, бармены со свежими лицами - всё было вроде бы в порядке. Играть к тому же пришлось не попсу, хотя я и на это был уже готов, но блюз. Хороший старый блюз. Это было мне по душе. Да и состав у нас был замечательный. Барабанщик Витя, никогда не снимавший ни тяжёлых ботинок, ни берета, всегда настолько увлекался музыкой, что когда все уже заканчивали композицию, то он с удивлением на лице всех обводил взглядом, как бы говоря: «Что, уже всё?! А я только разошёлся».

Басист Стас меланхолично покачивался в углу. Означало это, что у него сегодня плохое настроение. Когда у него что-либо случалось (ломалась машина, ссорился со своей подружкой, или с похмела), то он занимал позицию «игрального автомата» и оттуда тихонько бурчал. Но когда вдруг сияющее солнце удачи посещало его, блюз плавно переходил в истеричный рок-н-ролл и даже более. Стас нещадно дёргал струны и прыгал, словно хотел, чтобы и его гитара разделила с ним радость сегодняшнего дня.

Пел у нас Рома. Рома был чрезвычайно обаятельным человеком. Пел успешно на английском и испанском. Сам он был парнем не особо общительным в жизни, но с клиентами ресторана всячески старался поддерживать контакт, разговаривая с ними между номерами. Часто он специально подготавливал заранее какие-то шутки и анекдоты, чтобы развеселить публику. Работу свою он знал великолепно, за что его чрезвычайно ценили.

Ещё в коллективе присутствовал скрипач Макс. Он всегда был как фокусник, напичкан разными шумелками, звякалками и прочими странными предметами перкуссии. Когда он не играл на скрипке, то в ход шёл весь его волшебный арсенал. Макс у нас был любимцем девчонок, как, впрочем, и все скрипачи, которых я знал когда либо.

Ну и я сидел на своём месте, справа от барабанщика, и мучил свой старый «Telecaster». Начальство за нами следило так себе, да и поводов особых мы не давали. Играли на совесть. Самим нравилось. Вообще-то, на работе не особо приветствовалось распитие спиртного, но бывало, что угощали клиенты ресторана, и тогда отказаться было нельзя. Обидеть клиента? Ни-ни... И вот тогда начиналось истинное веселье. В ход шло всё, что мы знали самого угарного. «Led Zeppelin» и «Who», «Motorhead» и «Dire Straits»... Улыбки у всех до ушей, клиенты на ура выдавали такого гопака, что даже хозяин иногда приходил посмотреть на это интернациональное представление.

Я быстро влился в коллектив. Сказался многолетний опыт игры по друзьям. «Джемовать» на кухне я давно привык, а здесь было почти то же самое. Важно было с ходу подхватить. Если кто-либо подходил и просил что-нибудь сыграть, было позором не знать «пьесы», если, конечно, это было из нашей области.

- Братцы. Сыграйте «Guns'n'roses», ну эту... ну... про любовь! Ну, помните? Там невеста, церковь, пацаны...

Так было часто. Ну и, конечно, Рома многозначительно подмигивал, руку в колечко... о'кей! И с совершенно серьёзным видом подходил к нам и говорил: «Парни. Тут товарищ нахлобучил лишнего. Ему бы «хардец про любовь». Витя кивал, и, хохоча весь внутри, шептал: «Три...

четыре...» И мы молотили по гитарах в соль-мажоре, чтоб погромче да пожестче, а Ромка выдавал смесь «португальского с финским», то есть просто истерически орал полную абракадабру. Причём все строили решительные физиономии так, что весь зал трясся от смеха, и лишь несчастный пьяненький мужик, заказавший «тяжёлый романс», стоял на коленях на полу, простирая руки к небесам, а в частности к потолку, и подпевал счастливый на абсолютном серьёзе.

Казусов хватало тоже. Особенно в этом отношении везло нашему «дятлу» Вите. Он иногда умудрялся выполнять такие шоу-трюки, что Рома был вынужден конфузиться перед хохочущим залом, оборачиваясь посмотреть, что же произошло? Вите «везло». Встав посреди песни со стула, держа палочки вверх, он как то решил «по-модному» завести людей и начал ритмично стучать ногой, чтобы все, хлопая в ладоши, поддержали его, и как только они действительно захлопали, торжествующее выражение на его лице сменилось мгновенным испугом, и он плашмя упал назад, спиной в портьеры, которые висели там не первый год и поэтому тут же его накрыли под общее веселье. Конфуз.

- Увлёкся! Они ж захлопали! Ну, я подумал «э-эх, сейчас каак року дадим!» Но, видать, сразу за всем не уследишь... Вот, равновесие потерял.

Или когда мы репетировали «торжественный» выход на сцену, он из пафосного зрелища сотворил комедийные пляски. Витя должен был первым из-за «жулис» (а в реале из-за портьер) выйти на сцену, сесть за барабаны и потихоньку начать наигрывать, чтобы мы потом к нему присоединились. И вот... Тишина. Ложки-вилки звякают... Витя с довольным лицом поправляет галстук на рубашке, оборачивается к нам с видом преуспевающего джазмена и со словами «Явление первое» делает шаг из-за портьеры, но... задевает носком ботинка оставленный кем-то шнур и на одной ноге пропрыгивает всю сцену поперёк и исчезает с другой стороны за портьерой. Понятно, что остановиться он не мог, ибо инерция падения влекла его драгоценный нос на стыковку с полом. Но сами понимаете, со стороны это выглядело, как попытка имитировать Чарли Чаплина в пятисекундной сценке. В общем, «аншлаг» был полный.

- «Витя, Витя»... Надоел! Думает, ему всё можно. Мы тут пахали как Папа Карло. Что, Андрюха самый основной, что ли? Я тут, понимаешь, барабань как на плацу, а он отдыхать будет!? Три с хреном недели не появлялся, а нарисовался с тихим скромным «извините». Ну-ну. Нет, я понимаю, у всех бывают проблемы, так хоть бы сказал, мол, парни, я пропаду тут на недельку-другую. Так хоть замену бы нашли. А то, вон, выкручивались тут, как хрен знает кто. Ботинки вот скоро совсем накроются, эх... Хорошие были! А он... эх... Куда прёшь?! Ты что, не видишь, красный? Совсем с ума походили!

25.03.20...г.

- Ромыч! Одолжи денюжки чутец. Труба! Отработаю, ты ж знаешь.

Я пришёл к Ромке, так как знал, что парень он душевный и в средствах не особо стеснённый. Да и всё-таки родной человек почти, вместе всё-таки пашем.

- Сколько?

- Ну, пятьсот, что ли... хоть до зарплаты прожить.

- Ладно. Хотя киданул ты нас неплохо! Некрасиво, прямо скажем.

- Ну, прости. Я ж говорил тебе, так нужно было. Совсем мне худо стало. Видишь, и с Машей у меня ничего не склеилось...
- Да, знаю. А бегал-то с ней как угорелый! Тоже мне... Хорошо хоть письмо написал. А то я уж и в ментуру хотел заявить, что ты потерялся.
- Письмо?...

Бездна забвения вдруг глухо ухнула внутри меня, выплюнув на край маленький кусочек. Точно. Я писал. Помню. Но кому? Ромке??! Зачем? Противное липкое ощущение вязкости старалось затянуть в памяти эту картинку, но я не сдавался. Бумага в клеточку, ручка в руке и... вдруг в поле зрения появилась рука, тыкающая в бумагу сбоку, и откуда из-за плеча с замогильным юмором послышался смешок: «Слово это пишется через «о», а не через «а». Или времена опять сместились?»

- Письмо?
- Ну, ты совсем! С памятью плохо? Слушай, а может, это не ты мне подослал письмецо-то, а?
- В смысле, подослал?
- Ну, пришёл ко мне человек, странный такой. То ли якут, то ли вьетнамец, не поймёшь. В очках тёмных. На дворе-то солнца уже неделю не было, а он в очках. Ну, думаю, наркот какой-то. А он мне с ходу эдак: «Пришёл, - говорит, - чтоб весточку от Андрея Ивченко передать». Так и сказал - весточку. Я ещё удивился. Думаю, какой-то вьетнамский студент нанюханный, мать его, а по-русски, что твой барин. Ну и сунул конверт.
- Выбросил?
- Как же! Здесь где-то валяется... Очень уж я хотел как-нибудь тебе это показать через пару лет, чтоб почитал, какую ахинею ты нёс в молодости! Идиот ты, Андрюха! Впрочем... Бог тебе судья!

Ромка углубился в загадочные сумерки квартиры, и через некоторое время поскрипываний, шуршаний и возгласов «да где же, блин, оно», вытащил на свет помятый конверт.

- На! Вынеси для себя что-нибудь из этого, и в следующий раз, когда решишь попрощаться с жизнью, или быстро делай это, не говоря никому, либо, что намного лучше, просто скажи себе: «А вот Рома решит, что я полный козёл!». Замечу, так оно и будет. По крайней мере, что касается меня.

Я держал в руках послание из времени. Из времени, которое меня, мягко говоря, интересовало. Вот оно! Собственное свидетельство! Сейчас я сам себя обличу, как в хорошем голливудском детективе! Я осторожно вертел письмо в руках, как будто боялся, что оно сейчас исчезнет.

- Всё! На этом наши передачи заканчиваются. Спокойной ночи, рrrребята!
- Спокойной ночи, друзья! Гав-гав! - я рассмеялся, вспомнив наш прикол. - Спасибо, Ромка, за деньги! И по поводу письма я тоже серьёзно подумую. Уж это я тебе обещаю (здесь моя улыбка приняла трагический оттенок).
- Вали! И не опаздывай на работу! - Ромка захлопнул дверь.

Истёртая бумага была невероятно запачкана, то ли странным посыльным (я мог, в конце концов, и бомжа послать какого-нибудь, с меня станется), то ли долго письмо добиралось до адресата. Я поддел край конверта и вытащил листок, обыкновенный листок в клеточку.

Привет, Ромик!

Боюсь, что обстоятельства могут сложиться так, что мы больше никогда не увидимся. Если вдруг я исчезну, прошу тебя сделать всё возможное, чтобы не началась паника. Хотя бы

первые две-три недели. А там, сам знаешь, всё само собой утрясётся. Есть вещи, которые иногда случаются в жизни, и их невозможно просто пережить. Поэтому прости и... сам не знаю, что написать... Прощай, наверно.

Твой музыкальный братан Андрей.

Ну и? Ещё одна загадка. Что же такое могло со мной произойти??! По-моему, я действительно собирался свести счёты с жизнью. Зачем? Бред. Ладно, надо успокоиться и продолжать жить. В конце концов, всё как-то само собой уладилось, ребята меня простили, и это главное. Жизнь продолжается! Йо-хоу!

01.04.20...г.

Утро. Хорошее утро. Что значит час дня. И вообще, вставать в девять утра - это противоестественно! Поэтому я, сладко потянувшись, опустил босые ноги на пол с чувством выполненного долга перед собственным организмом. Поплескавшись в раковине и размазав пальцем по зубам пасту «Лесная», я выполз на кухню. Ополоснул пасть. И как только намазал себе сытный бутерброд с сыром, раздался телефонный звонок.

- Гу-гу, - говорю.
- Алё? - Фрол, мой старый приятель, засомневался в верном попадании на адресата.
- Ну, гу-гу. В смысле, алё.
- Андрюх, ты чего, ещё спишь?

Сонный голос, наверное, выдал меня с головой. Это не очень приятно, ведь есть на свете люди, которым сегодня пришлось встать рано, и я совсем не хотел становиться объектом их чёрной и необоснованной зависти.

- Что ты, дружище, я уже давно составил список подвигов на сегодня, но вот беда, задержался с осмыслением их выполнения. Боюсь, всё не потяну. – сквозь разжёванный бутерброд промямлил я.
- А как же футбол? - Фрол сразу же скис, но я его вернул в счастливое состояние в мгновение ока.
- Ну, так идём! У меня уже ноги чешутся дать, как следует, этим засранцам!
- Ну вот, я уж думал, ты нас бросил!
- На кого вас бросишь?! Вы ж продуете сразу, как только выползете на поле.
- Ну-ну. Ты уж совсем плохо о нас думаешь. Тогда в два часа на углу, как всегда.

Положив трубку, я понял, что времени остаётся в обрез, и начал быстро собираться. Я одел старые затёртые серые шорты и серую майку. Не знаю, почему, но именно в них я себя чувствовал всегда уверенно и непобедимо. Наверно, из этих обстоятельств исходя, придумали футбольную форму определённых цветов. Как знать?... Наскоро подвязав кеды, я выскочил на улицу. Прошедший ночью дождь вымыл улицы и дома, и мир улыбался после душа усталой улыбкой. Было холодновато, и я побежал, чтобы размяться и согреться, до угла Бумажной и Газа, где мы и должны были встретиться.

Фрол принёс вяленой рыбы и пива для «размячения тела» после игры, как он выражался. Мы вступили в неравный бой за обладание мячом на поле брани и уже через полчаса вели в счёте 2:0. Парней из соседских дворов было, правда, на одного человека больше, но у нас было преимущество в бугае Мише, который один стоил троих, ну и у меня был маленький секрет. Всё

дело в том, что я с детства был левшой, и хотя школа постаралась отучить меня от этого, (учителя заставляли писать на уроках правой рукой), толчковая нога (а стало быть, и ударная) у меня оставалась левой. Что и служило фактором неожиданности и сбивания с толку, ведь «мотаясь» с противником, я всегда действовал левой, и неплохо бил с левого края, что остальным было несколько неудобно.

Последующие полтора часа решили исход битвы, и вот мы уже сидели, развалившись на сваленных рядом досках, и блаженно попивали прохладное пиво, обсыхая после изнурительной беготни. Домой идти не хотелось, и мы решили втроем с Фролом и Кешкой пойти в кафе, посидеть и вкусить чего-нибудь незатейливого. Взяв по салатнику, мы расслабленно выпускали пар. Вдруг Фрол с Кешкой стали озиаться по сторонам и нервничать. На моё вопросительное удивление Фрол как-то заёрзал, переглянулся с Кешей и тихо сказал:

- Что-то как-то беспокойно мне.
- И мне, - поддержал его Кешка.
- Да в чём дело? - я совершенно не понимал столь резкой смены настроения.
- Слушай, веришь, не знаю.
- Может, нам что-нибудь подложили в еду? - предположил Кеша.
- Тебя что, торкнуло?! - я расхохотался.
- Что-то типа. - ответил Фрол. - Я, пожалуй, пойду на улицу, проветрюсь.
- Я с тобой - поддакнул Кеша уж совсем как-то испуганно.
- Что-то вы, парни, совсем свихнулись! Со мной же ничего не случилось. Думаю, дело не в жратве. - я тоже начал беспокоиться, глядя на перепугавшихся друзей.
- Не, всё нормалёк, просто что-то душно стало, наверно. - Фрол поднялся и в сопровождении Кеши пошёл к выходу.

Я остался подождать конца этого загадочного происшествия и тут...

Случилось нечто странное. Там, где слева от барной стойки висели какие-то рекламные плакаты в рамках, у противоположной от меня стены, я заметил человека. Готов поклясться чем угодно, что его только что там не было! В кафе было мало народу, да и стенка просматривалась с моего места отлично. И в тот момент, когда я его увидел, что-то случилось со всем окружающим. Не то, чтобы всё поплыло, но воздух как-то дрогнул, и вдруг всё в моих глазах сместилось. Было такое впечатление, что всё вокруг подвинулось на какой-то миллиметр и даже непонятно куда, хотя всё и осталось по-прежнему. Уши сразу как-то заложило, и я, всё ещё находясь в лёгком шоке, увидел, как человек этот медленно проходит через кафе, направляясь напрямик на меня. И по мере его приближения моё чувство тревоги перерастало в реальный страх. Я не мог себе этого объяснить. Мозг лихорадочно искал выход из этой ситуации, чтобы как-то логически объяснить происходящее, но причины не находилось. Ужасное чувство беспомощности и слабости овладело мной. Такое бывает, когда сильно чего-то испугаешься. Сразу слабеют ноги, и по спине ползёт предательская испарина.

- Тише... тише... - человек небрежно подвинул стул и сел напротив меня за стол.

Он сложил два пальца правой руки, указательный и средний, дотронулся ими до губ, до лба и затем сделал неопределённый жест ими над головой. После этого он, сложив руки на столе и оперевшись на них, молча на меня уставился.

Теперь я мог его разглядеть. Не знаю, сознательно или нет, но этим молчаливым созерцанием он дал мне несколько секунд собраться с мыслями и стряхнуть оцепенение.

Человек был средних лет. Знаете, бывают такие люди неопределённого возраста. Можно и тридцать дать, а можно и все пятьдесят. Огрубевшая выдубленная кожа, то ли от солнца и ветра, то ли от тяжёлой работы, с множеством шрамов. Волевой жёсткий подбородок и тонко сжатый рот. И глаза серо-голубого цвета. Впрочем, мне показалось, что они отливают сиреневым или

даже фиолетовым. В общем, ковбой из американского кино, если бы не высокий лоб, выдающий незаурядный интеллект, и голова, остриженная почти наголо, с парой миллиметров волос, в которых без труда проглядывала седина.

- Ну, здравствуй, Локи! - он неожиданно доброжелательно ухмыльнулся.

Локи!... Локи!!!... Моя память что-то вытворяла со мной. Неотчётливое узнавание этого человека всё росло во мне. Нет, я не помнил его лица, но что-то очень далёкое рвалось изнутри меня. Потом какая-то картинка заслонила мою память: большие высокие чёрные двери, и кто-то входит в них, неся в руках что-то длинное, прозрачное... голос... «ты прошёл»... руке горячо...

- Тише, Локи, ты сейчас создашь нам большие проблемы, если будешь так трясти своей памятью! - голос человека был до жути знакомым.

- Ты кто? - решил я идти нагло в атаку, хотя страх всё ещё держал меня липкими пальцами.

- Это смотря откуда смотреть... С какой стороны прикажете? - осведомился он в ответ, явно забавляясь.

Я испуганно оглянулся, но никто даже и не подумал обратить внимание на внезапного гостя.

- Не морочь мне голову! - огрызнулся я, и уже спокойней «наехал», - что происходит?

- Ах, ты об этом! - незнакомец небрежно махнул рукой вокруг, - ну... считай, что мы немного отстали от них. Думаю, на секунду, не больше.

Вдруг я понял, что знаю это!

- Конечно, знаешь! - невозмутимо заметил гость. Затем он положил свою руку на мою, и пристально посмотрев на меня, уверенно и резко сказал:

- Сейчас будет легче.

Напряжение спало, и страх мой вдруг сразу съёжился и стал совсем чем-то незначительным, хотя и не исчез.

- Вы кто? - повторил я уже более ровно.

- Клиент - просто ответил он, - старый друг, помощник... Выбирай.

- Клиент подразумевает заказ, - заметил я.

- Безусловно. Кстати, разрешите представиться, если опять позабыл, - он усмехнулся, - полномочный представитель Серебряных Ветвей Её Величества Эххэнны, Лорд Правых Фиолетовых Пределов – Глиук. Для тебя здесь - Александр Александрович. Можно Сан Саныч.

Словосочетание «Серебряных Ветвей» вызвало у меня очередную болезненную вспышку в голове, а при имени его у меня вдруг возникло ощущение, что я сейчас упаду затылком об пол, потому как на мгновение я потерял чувство ориентации.

- Что-то ты, Локи, совсем ослабел.

- Извините, я что-то... - я даже не нашёл, что сказать, потому что тут же осознал, что всё, что со мной сейчас происходит, вызвано этим самым Сан Санычем, и он лучше меня знает, что именно я переживаю.

- А если я на помощь позову? - неожиданно для самого себя спросил я.

Громкий хохот был мне ответом. Надо заметить, что никто из посетителей не обратил на это внимания.

- Я и есть твоя помощь! - смеясь, ответил Сан Саныч, или... Глиук, хотя при каждом упоминании этого имени у меня живот скручивало. Тем временем он наклонился ко мне.

- Ну, в некотором смысле, это действительно так. Хотя и я пришёл к тебе за помощью. Вот уж не думал, что это когда-нибудь произойдёт снова. (Это «снова» я отметил). И именно с тобой. Системы - странная вещь, и иногда мне кажется, что они обладают своим чувством юмора.

- Система?
- Не всё сразу, а то я начинаю побаиваться за твою голову. - Глиук поднялся, - я загляну к тебе попозже.
- Когда? - вырвалось у меня, и я тут же отметил у себя странное чувство, что с уходом этого человека я теряю нечто очень дорогое.
- В нужное время, - ответил он, не оборачиваясь.

Только сейчас я заметил, что он одет в длинное чёрное пальто со странным фиолетовым отливом. Со зрением у меня всё ещё творилось неладное. Было впечатление, что воздух в кафе накалился и плыл, создавая завихрения за удаляющейся к выходу спиной Глиука. Он вышел, хлопнув дверью. И с этим хлопком вдруг всё вернулось. Уши, до этого момента заложенные, прорвало, и я даже пригнулся от нахлынувших звуков кафе. Глаза в одно мгновение прояснились, и ощущение жары в воздухе пропало. Я оторопело откинулся на стуле.

- Бррр! - сказал я, встряхнув головой.

Гул из головы уходил как затихающий шум прибора. И тут я понял, что вместе с ним уходит и всё сказанное моим странным посетителем. И имя... Сан Саныч. Он ещё назвал себя... память уходила... я мучительно напрягся... Глиук! И тут же всплыло в памяти его лицо, лицо человека, повидавшего ад. И его таинственная улыбка.

- Фууу! Отпустило! - Кешка ввалился в кафе, оттирая пот. За ним плёлся Фрол.

Я смотрел на них, ещё не до конца придя в себя, но они были поглощены собственным состоянием и не замечали моего.

- С душняка, наверно, накрыло. - Фрол плюхнулся на стул, - душно здесь!

Голос Фрола мгновенно меня отрезвил.

- Думаю, пацаны, меня тут больше накрыло! - неуверенно промямлил я. - Мне тут такое...

Я хотел сказать «привиделось», но тут же сомнения мои приобрели совершенно реальный оттенок. А может, действительно кто-то решил над нами пошутить? Уж больно мне всё это теперь казалось нереальным.

- Слушай, Фрол, ты тут не видел мужика в пальто, выходящего из кафе?
- Мужикааа? В пальтооо? - Фрол разинул рот и озабоченно на меня посмотрел. - Слушай, тебя действительно накрыло!

Он даже натяжно улыбнулся.

- Мы сидели рядом с дверью. - Начал было Кешка, - дышали как рыбы и...

Но я его уже не слушал. Я всё понял. Никто никого не видел. И щемящее чувство чего-то потерянного засело в груди. Чего-то родного, чего-то настолько настоящего... И я знал теперь, что нечто важное произошло со мной сегодня. Я не смогу теперь быть как раньше. Никогда. Этот... как его... Сан Саныч... может он и привиделся мне, но этот «фокусник» раскопал во мне что-то такое, от чего мне теперь было не скрыться. Мне нужно было одиночество, чтобы успокоиться и попытаться вспомнить. Хотя именно в этот момент, глядя на своих позеленевших друзей, я осознал внезапно, что меня нет с ними. Я остался один. Я уже в одиночестве.

03.04.20...г.

Неожиданно для себя я два дня почти не вспоминал происшедшее со мной. Я работал в кабаке, как всегда, и работа, хотя и была не очень напряжной, но всё же выматывала меня. Мы играли ночами, поэтому на самокопание времени не оставалось. Да и нужно было ещё выучить кучу материала, который всегда пополнялся. Что поделаешь, кабацкий музыкант должен

держат себя в форме. Сегодня я пришёл под утро. Не хотелось тратить денег на «тачку». Их, денег, и так было в обрез. А ночная поездка с канала Грибоедова до Нарвской стоила немало. Поэтому я решил посидеть в ресторане до шести утра, да ещё и хряпнул с каким-то норвежским матросом за «дружбу народов», хотя сто раз говорил себе не пить на работе. Поэтому я пришёл, залез в душ и сразу повалился на матрац. Сплю я на полу, даже сам не знаю, почему. Не выношу мягких кроватей и всего такого. Равно как и подушек. Так и завалился, как был, замотанный в полотенце, и вырубился.

Сон у меня всегда был беспокойный. Мне часто снились какие-то мрачные подвалы, подземные тоннели, подъезды, и всё это всегда было каким-то обшарпанным, полуразвалившимся. И я, как крыса, бежал по этим тёмным закоулкам и искал выхода. Вот и на этот раз я брёл во сне по шпалам где-то в тоннеле (видимо, метро) и заглядывал в двери, которые встречались на пути. Всё выглядело брошенным, и хотя я не ощущал своего тела, но чувство спёртого воздуха всё же странным образом давило меня. Я открывал пару раз какие-то железные дверцы и видел за ними длинные коридоры с аварийными лампочками.

Пару раз я замечал стоящих у стен людей, но я уже был научен опытом общения с подобными персонажами сна. Они обычно либо исчезали, как только я обращал на них внимание, либо грубо «отишались» мной. Затем я неожиданно вышел из трубы. Освещение, правда, было тусклым. Свет нехотя лился от пары ламп дневного света на потолке зала, куда меня привели рельсы, по которым я и шёл всё это время. В полном одиночестве я стоял посреди огромного то ли ангара, то ли станции, и краем глаза вдруг заметил искорку в дальнем конце. Она дрожала и металась. Я с узнаванием бросился к ней, и она полетела впереди меня. Я бежал за ней, но расстояние между нами не менялось. Я уже не замечал изменений, происходящих вокруг с предметами, и полностью поглощённый мерцанием светлячка, нёсся вслед, пока неожиданно его свет не только остановился, но и полетел на меня, увеличиваясь в размерах, да так быстро, что я не успел среагировать. Его сияние накрыло меня огромным шатром... и превратилось в операционную лампу надо мной. Я понял, что лежу на столе под простынёй и не могу двинуться. Я заорал от страха и... проснулся. Светильник, который я забыл погасить, горел надо мной. Я с облегчением выдохнул, выключил свет, и несколько успокоившись, снова заснул... и снова пошёл во сне по нескончаемым коридорам. Искать выход.

День Эола, Сезон дождей

Бой часов, занимавших весь угол моей комнаты от пола до потолка, поднял меня. Я медленно вытягивал сознание из Сна, как меня и учили Учителя, распространяя его медленно в стопы ног, затем в голени, бёдра, потом выше и выше, и в последнюю очередь в глаза. Глаза открылись и спокойно отметили свет из окна. Картина Сна оставалась перед ними, как и положено было, пока я осознанно не вдохнул первый раз в бодрствующем состоянии. Я не торопился этого делать. Я знал, что у меня есть две минуты задержки дыхания в запасе, и я должен успеть разобрать и запомнить детали Сна. Ведь от него зависело моё продвижение по Пути. И хотя мне было всего пять лет, я уже довольно неплохо владел техникой проработки и моделирования будущего. По крайней мере, своего, как и положено Мастеру, коим я должен был стать, если, конечно, выдержу курс.

Зелёный ковёр, достаточно жёсткий, чтобы заниматься упражнениями, покрывал пол в моей комнате. В узкую бойницу с такой высоты было видно только небо. Даже облака, когда

становились тяжёлыми, наливаясь водой, проходили иногда ниже уровня моего окна. Но сегодня светило солнце, и я с чувством беспричинной радости смотрел в нагретую синеву неба, подёрнутую высотными перистыми облаками. Я вытянул ноги, стараясь отодвинуть свои пятки как можно дальше, и потянув носки ног на себя, несколько раз проделал «огненное дыхание», быстро и резко вдыхая и выдыхая животом. Прежде чем подняться с циновки, которая покрывала лежащий под ней мешок с зашитыми в него травами, нужно было ещё потратить несколько минут на растяжку всех мышц и суставов. Я должен был в течение дня быть готовым к любым испытаниям. И хотя серьёзные испытания мне пока не грозили, (я ведь был ещё маленький), но всё же я старался всячески подражать взрослым Мастерам. Закончив с этим, я кувырком прокатился с циновки на пол. Циновка с мешком лежали на полу, как и положено, и мне было важно отметить тактильное ощущение смены поверхности под собой. Затем я встал и огляделся.

Всё было на месте. Ничего за время Сна не сместилось. Столик висел в воздухе рядом с часами, и на нем, на стеклянном подносе, лежали прозрачные шарики и пирамидка для занятий по фокусированию внимания. В дальнем углу комнаты была ниша с моими вещами. И хотя любой Мастер мог бы мне достать любую вещь в мгновение ока из любой точки вселенной, просто определив в уме её параметры, всё-таки каждому Ученику надлежало иметь стратегический запас. На случай неожиданного перемещения куда-либо по неопытности обращения с Силами. Ведь каждый знает, что вещь, непосредственно связанную с тобой, пропитавшуюся твоим духом, достать в принципе легко, а на выдёргивание из реальности произвольной вещи у Ученика может и не хватить Сил.

Я сел на пол и сложил ноги в «лотос». Закрыв глаза, стал проверять пядь за пядью всё своё тело на предмет сбоя в работе органов, нервов, костей и прочего. Не прошло и десяти минут, как я услышал шаги, приближающиеся по каменному полу. Это было проявлением такта и этики, потому как любой из нас мог ходить бесшумно по любой поверхности, а при необходимости просто переместиться в любое место в пределах Замка. Для этого нужно было только знать энергетическую карту здания, чтобы не пересечься с каким-нибудь Сторожевым Лучом или чужеродной энергией, ведь замок был напичкан самыми разными предметами, принесёнными Бог знает откуда, и многие из них были сосредоточением Сил, с которыми Ученику было и не справиться. Поэтому для телепортации нужно было знать маршрут, огибающий все эти невидимые ловушки, чтобы сворачивать пространство по чистой от влияний линии.

Стук в дверь. Ну, это уже было совсем чем-то из ряда вон выходящим.

- Аоум! - вошедший откинул капюшон в знак Чистоты Намерения. Им оказался Халла, один из слуг Замка.

«Слуга» было понятие, конечно, относительное. Слуги в замке были не нужны. Просто некоторых провалившихся на экзаменах Учеников переводили на время в ранг «третьей руки», то есть помощников при различных делах и для особых поручений.

- Аоум! - отозвался я.

«А» означало верхнюю Сферу Зарождения Реальности, «о» и «у» означало Настоящее и, соответственно, работу над собой в настоящем и «м» означало нижний Предел Разрушения. Поэтому этим приветствием пользовались только те, кто имели власть над временем и способность менять по своему желанию направление своего Пути.

- Локи, тебя ждут в Зале Плоскостей.

Халла вышел, прикрыв дверь. Прощаться в замке было неуместно. Словом «Аоум» человек сразу говорил и «здравствуй» и «прощай», определяя во времени границы общения. Ведь никто не знал, сколько ещё мгновений судьба тебе оставила до Последней Черты, поэтому Ученика сразу учили воспринимать действительность в моменте «здесь и сейчас». Конечно, мы

занимались прогнозированием и моделированием своего будущего, но вмешательства сверху никогда не исключались.

Я оделся в свои цвета. Серые шорты были уже затасканы и вытерты, но я всегда больше доверял старым проверенным вещам. Серая майка без рукавов, вся штопанная, но зато удобная и достаточно продуваемая, чтобы не стеснять тело. Серый. Цвет неопределённости и нейтральности. Цвет Проводников. Ученик с момента поступления в обучение сразу проходил тесты по определению его сущности, его реализации. Многие попадали на первый этаж в обучение ремеслу Воина, многие на второй, чтобы стать Выносящими Решение, меньше ребятни попадало в учение к Навигаторам, мне же досталась редкая возможность увидеть шахматные коридоры седьмого этажа и обитающих там Проводников. Ремесло Проводника заключалось в нахождении возможности изменять реальность в экстремальных ситуациях и в прокладывании путей между Системами. Во Вселенной существует немыслимое число миров, и многие из них были настолько закрыты собственным негативным зарядом, что проявление в них своих Истинных Возможностей становилось практически невозможно. Из-за этого многие подданные Систем попадали там в ловушки и подавлялись местной средой. Это грозило им вечным пленом, если не гибелью. Чтобы вытащить их оттуда, нужны были мы.

Потянув руку, я открыл дверь и выглянул в коридор. Никого. Раннее утро хранило свою звенящую тишину. Странно, я давно заметил, что даже если люди одинаково ведут себя в течение всего дня, всё же сама атмосфера раннего утра или позднего вечера заметно приглушает все звуки и действует успокаивающе, что даёт дополнительное преимущество при необходимости скрыть свои действия или самого себя. Я неслышно скользнул на раскрашенные поочередно чёрным и белым клетки пола и направился к галереям, связывающим жилые башни с главным зданием.

04.04.20...г.

Молока не было. Проклятье! Я встал поздно, и бочка уже уехала. Я поплёлся обратно, гремя пустым бидоном. Этот предмет, хоть и являлся теперь почти анахронизмом, вселял в меня светлые настроения и напоминал о детстве. Я тогда ещё жил на юго-западе города, у нас был первый этаж, и часто по утрам мать отправляла меня за молоком. Я брал бидон, бежал на перекрёсток рядом с домом и становился в очередь с разными дядьками и тётками, чувствуя себя вполне взрослым и самостоятельным. Ну, как же! Сам хозяйничаю! Круто. Вот и теперь, размахивая алюминиевой посудиною, я влетел по лестнице прыжками до площадки и с удовольствием отметил, что сосед всё-таки убрал проклятые мешки с мусором, распространяющие вонь по всей лестнице. Ладно ещё, что запах кошек стойко держался в подъезде - я нормально отношусь к этому. Даже как-то по-домашнему себя чувствуешь. Но, смешиваясь с запахом сомнительных отбросов в полиэтиленовых пакетах, из него создавался неопиcуемый букет, напоминающий о забытых трупах, как минимум.

Я улыбнулся, тем самым сказав про себя «спасибо» судьбе за это облегчение. Ключ щёлкнул в скважине, и я был уже дома. Свернув матрац, на котором я спал, в угол комнаты, я лёг на пол и ещё раз попытался восстановить в памяти происшествие в кафе. Но, увы, с каждым днём мгла забвения всё больше вычёркивала кусок за куском обстоятельства и лица. Я уже с трудом пытался вспомнить, с чего вообще всё это началось, и кто подал идею зайти туда. Ощущение потерянного счастья не проходило. Это единственное, что скребло мою душу настойчиво и глухо, невзирая на исчезающую память.

На кухне заблеял телефон. Я решил не отвечать. Но звонки настойчиво продолжались, и я, чертыхаясь, рывком поднялся с пола и метнулся к трубке.

- Ну? - выдал я недовольно вместо общепринятого «алло», чем надеялся сразу же укоротить время беседы.
- Хороший сегодня день, - ответил мне приятный женский голос.
- Кто это?
- Вопрос неуместен, или, вернее, неправилен.
- К дьяволу шутки, у меня плохое настроение.
- Уверена, что приподниму его тебе.
- Слушай, девочка...
- Не перебивай. Молчи и слушай. Через час на площади у метро «Нарвская» прямо под воротами я тебя жду. И не вздумай опоздать.
- Милая, я не привык...
- Привыкай. И, кстати, серое тебе к лицу.

Я хотел было вклеить ей пару веских охлаждающих эпитетов, как вдруг заметил, что стою в серой майке, которую буквально только что надел. Совпадение?

- Ты что, умер?
- Нет... я слышу. - Я лихорадочно искал объяснения. Может она следит за мной через окно?
- Время уходит. Ты намерен развеяться?

И тут что-то опять во мне поползло наружу. Странное онемение родилось в животе и поползло во все стороны. Страх предательски вынырнул и был тут как тут. Но сейчас я был зол как собака, и это помогло мне не растеряться.

- Я приду.

Короткие гудки были мне ответом.

Весь разговор занял не более минуты, но я был поражён, насколько за эту минуту у меня всё перевернулось. Только что я был подавлен и без сил, как вдруг вот уже я стою, весь трясясь от злости. У меня было чувство, что со мной обращались как с маленьким.

Целых полчаса я расхаживал по квартире, не находя себе места. Потом, накинув куртку прямо на майку, я вышел из дома и направился к метро. Я пришёл на двадцать минут раньше, так как от моего дома до площади и так было минут пятнадцать ходу, а сейчас я почти бежал. Я сел на ступеньки под воротами и закурил. Курю я редко, только когда нервничаю. И хотя медицина утверждает, что сигареты никоим образом не могут успокаивать, я продолжаю придерживаться противоположного мнения.

Сидя, я попытался проанализировать ситуацию. Выводы были неутешительны. Я, как лопух, сорвался на свидание, чёрт знает с кем, не имея представления, зачем мне это вообще нужно. Что-то подсказывало мне, что это не розыгрыш. Тон собеседницы был явно не праздным, да и на шутки знакомых девчонок это было не похоже.

Размышляя таким образом, я вдруг почувствовал, что нечто странное стало происходить вокруг. Нет, не то, чтобы явно, но... случайно пробежавшая собака стала старательно озираться (вы когда-нибудь видели подобное поведение у собак?), стоявшие неподалёку люди, только что мирно беседовавшие, вдруг стали кричать друг на друга. Звуки вокруг как бы набирали громкость и интенсивность. Все сразу. Трамвай, мирно ползущий по кольцу, вдруг рванул вперёд. Голуби, беззаботно клевавшие мусор, шумно захлопали крыльями и взлетели. И тут я услышал шаги. Нет... я их почувствовал. Кто-то приближался. Я знал это, хотя и не видел идущего. Но прошло не более десяти секунд, как я заметил человека, выходящего из подземного перехода, что расположен посреди площади.

Лёгкая быстрая походка и изящность сразу выдавали женщину в этом прохожем. И я видел, хотя и не напрямую, но безусловно с помощью глаз, как всё вокруг старалось от неё держаться подальше. Даже клочки бумаги ветер разносил перед ней, освобождая дорогу. До неё оставалось метров двадцать, когда я поднялся. Она издали протянула руку ладонью вниз, показывая, чтобы я оставался на месте, и хотя лица не было видно из-под капюшона чёрного пальто, я чувствовал, что она нервничает. В это время я неожиданно понял, что я оглушён. Звук её шагов, родившийся издали в моей голове, заслонил все звуки и вызвал странное дрожание в моём зрении. И тут я всё вспомнил! Кафе... человека в пальто... слово «клиент»... Реальность вокруг как будто отступила от меня, став глухой и неброской.

- Здравствуй - негромко, но дружелюбно сказала она.
- Ну, привет - теперь я мог разглядеть её. Красивая. Светло-зелёные глаза с чуть раскосым разрезом. Не модель, но всё же. Что-то восточное в лице. На вид лет тридцать, и видно, что повидать пришлось много. Шрам под левой скулой и над левой бровью, не настолько яркие, чтобы обезобразить лицо, но придающие внушительный вид. Да, она могла бы стать фотомodelью, если бы не отсутствие какой-либо женственности на лице.
- Вот и ты. Надо же, он не обманул.
- Яснее - занимая деловую позицию, начал я, и ещё раз поразился сходству её внешности с человеком из кафе.
- Заказ.
- В плане?
- Открыть коридор.
- ??!
- Я понимаю, что моя просьба для тебя звучит странно, но это до поры до времени.
- Какие коридоры? Я не сторож. - попытался усмехнуться я.
- Как знать, Локи.

Яркая вспышка озарила голову изнутри, и я увидел давно забытую картинку, которая мне так часто снилась в детстве: балкон на огромной высоте, на нём стоит человек в неопределённого цвета накидке, а перед ним два существа розово-оранжевого цвета, сильно смахивающие на лисиц, если бы только они не стояли как люди. И я, смотрящий не всё это снизу вверх, стоя в дверях. «Пойди, погуляй пока» - говорит человек, жестом отсылая меня, - у меня важные гости».

И тут я ещё вспомнил это имя. *Локи*. Но откуда оно?

- Откуда ты знаешь это имя? - спросил я, вернувшись из мгновенного провала. Голова ощутимо загудела.
- Твоё имя?
- Моё?!
- Ну, конечно. Не волнуйся. Сейчас, с каждым упоминанием твоего имени, к тебе будет возвращаться память.
- Память о чём? О моём детстве? И вообще, что ты знаешь о моих снах? Я ведь никому не рассказывал. Мне кажется, я слышал это имя во сне.
- В каком сне?
- Ну, мне раньше часто снился замок. Там было много комнат с разными безделушками. При слове «безделушки» её лицо насмешливо скривилось.
- И ещё собаки. Рыжие такие, с длинными мордами.

- С лицами, ты хотел сказать, - поправила она осторожно, - и длинными ушами. Вот с такими, гмм?

Она откинула капюшон и приложила руки, сложенные в кулаки, над ушами, с выставленными вверх указательными пальцами.

- Точно... - недоумённо ответил я, любуясь её волосами. Она была коротко острижена, и её волосы были почти белыми, если бы не тот же намёк на седину.
- Послы - выдохнула она.
- Кто?
- Послы. Из-за Барьера.
- Послушайте, леди, у меня в голове и так всё перемешалось. Какие барьеры? Какие послы?
- Тебе посчастливилось сохранить больше, чем другим. Но... я вижу, нам пора.

За её спиной нехотя пролетела ворона, слишком медленно, чтобы быть естественной. Только сейчас я заметил, что люди, спорящие друг с другом, теперь стоят и тихо перешёптываются. Всё замерло.

- Уходим - бросила она, и, схватив за руку, потащила меня в сторону, в направлении трамвайного кольца.

Я попытался сопротивляться такому обращению. Смешно, меня как маленького тащит за собой за ручку какая-то девка! Но она так посмотрела на меня, что я понял - дело нешуточное. «Вляпался» - подумалось мне. Краем глаза я видел, как с разных сторон к нам шли люди. Вроде бы обычные люди, тётка с сумкой, с другой стороны два парня с бутылками пива, какой-то мужик вылез из машины и направился к площади... Но теперь и я почувствовал угрозу. И хотя все эти люди совершенно естественно шли по своим делам, я вдруг уловил общую тенденцию их движения - они шли по направлению к нам, и все вектора их движения сходились на одной линии, отрезая нам дорогу.

- Беги! - коротко приказала она и толкнула меня вперёд. И я побежал.
- Эй, девушка! - раздался сзади голос одного из подвыпивших парней, но я уже нёсся вовсю, зная, что беспокоиться за неё у меня нет причин.
- Прямо! - услышал я сбоку её голос неестественно близко от уха.

Впереди было кольцо трамвайных рельс, огибающих маленький садик с памятником посередине. Я чувствовал себя идиотом, но какое-то внутреннее чувство говорило мне, что сейчас самое время спасти свою шкуру, и этот способ - лучший. Я бежал посреди площади, наверняка вызывая удивление окружающих, но, опять же, сейчас эта мысль показалась мне смешной и неуместной. Трамвай, заканчивая разворот, выезжал слева и преграждал мне дорогу. И тут я инстинктивно понял, что нужно успеть проскочить перед ним. И когда до него оставалось буквально десять шагов, я увидел, что я не успеваю.

- Что теперь? - задыхаясь, выкрикнул я, оборачиваясь.
- А теперь ты проснёшься! - её сильнейший удар в спину кинул меня поперёк трамвая, не давая возможности обернуться. И я с ужасом ощутил, как падаю на рельсы, и передние колёса разрезают меня. Мгновение вытянулось в вечность, а затем я, так и не ощутив боли, с облегчением провалился в забытие.

День Сиимаа. Сезон Тростника.

В углубление стола легла красная пружина. Путь был отрезан. Проклятие! Этого я не предусмотрел. Учитель, улыбаясь, смотрел на меня, что, впрочем, не делало его лицо менее суровым.

- Что скажешь, Локи?
- Прошу подсказки Наблюдателя.
- Две минуты - напомнил Учитель.
- Знаю, - отметил я про себя. Через две минуты пружина придёт в действие и свернёт в кольцо часть расставленных мной щитов. Тогда Путь к Центру Лабиринта будет закрыт и придётся опять сворачивать окружными дорогами или менять Плоскость Игры, спускаясь ниже.
- Эрарбика! - щелчок пальцев.

Вызванный моим вниманием Наблюдатель повис над левым ухом.

- Торопись, - возник в мозгу голос Наблюдателя, точно копирующий мой собственный голос. - Стёкла ещё не утратили Остроту, и Сила Северного Ветра позволила им вмешаться, когда ты пытался синхронизироваться с Человеком Дерева. Он почувствовал в тебе враждебность Стёкол, хоть ты и был полностью уравновешен по отношению к нему. Возьми Время, пусть ошибка исчерпает себя сама. Тогда соберёшь Силу заново.

Неоновое пятно Наблюдателя потемнело и растворилось в воздухе. Писк инфразвука исчез.

- И? - Учитель вопросительно взглянул на меня сверху вниз.
- Я беру Время, - ответил я, поклонившись, и щёлкнул пальцами в подтверждение команды.

Раздался скрип в необъятных недрах Зала Игры, и стеклянная трубка описала полукруг над игровым столом, опустившись из-под потолка и уйдя в стену за моей спиной. Капли, подобные бисеру, застыли в воздухе там, где прошла трубка, и прямо на глазах стали таять в воздухе. Пространство стало сгущаться.

- Неплохой ход, - заметил Учитель, затем привычно расслабился в кресле и задержал дыхание, когда сгущённый Шариками Времени воздух стал опускаться и достиг наших голов.

Конденсированное время заволкло Зал Игры, покрыло собой игровой стол - многоуровневую объёмную модель Лабиринта, учеников, стоящих вокруг стола, и сидящего во главе его Учителя. Всё замерло. Лишь внутренние часы Лабиринта громко тикали, отдаваясь эхом в стенах Зала, напоминая о том, что Игра продолжается и сделан Ход, несмотря на то, что время в Зале остановилось, не давая никому вмешаться в происходящее на столе, в данную смоделированную ситуацию Мира.

6.04.20...г.

Темнота нарушилась. Сначала проявились яркие пятна сиреневого и розового цветов, затем появились формы. Сперва просто кубы и ползущие мимо тягучие реки, состоящие из маленьких шаров, потом всё это гармонично перетекло в подобие улицы с домами. Теперь я стоял на автобусной остановке, рядом стоял отец.

- Ничего. Скоро придёт. Не устал? - спросил он.
- Нет, - машинально ответил я, успевая понять, что светит яркое солнце, и мы где-то за городом. В ту же минуту я осознал, что действительно мне очень хорошо. Я был полностью расслаблен и даже немного заторможен. Мысли текли вяло и неразборчиво.

- *Автобус!* - отец шагнул к краю дороги, и вдруг всё смазлось. Я увидел себя за школьной партой.
- *Карандаш есть?* - спросила меня соседка по парте.
- *Ленка?* - удивлённо подумал я. Ну, конечно. Я в пятом классе сидел с ней, мы даже, помнится, обменивались какими-то календариками.
- *Эй, ты нормально себя чувствуешь?* - спросила меня Ленка, растворяясь в воздухе, словно мыльный пузырь. Странно, но все эти несоответствия довольно вяло воспринимались моим сознанием и не вызывали никакого удивления.
- *Сплю,* - подумал я, с удовольствием потягиваясь...

Чем потягиваясь?! Я моментально ощутил своё тело. Мозг ухватил ощущение рук, затем ног... и всё моё расплывчатое видение вдруг сложилось в белое поле с трещиной посередине.

Эй, да это же потолок! Квадраты и кубы в поле моего зрения неожиданным образом сложились наподобие мозаики в белый потолок с трещиной посередине.

- Я что, умер? - неожиданно для себя самого задал я вопрос, одновременно вспомнив, что я могу и говорить.
- Банально! - услышал я сбоку, и в этот момент мой ум опознал картинку. Это точно потолок! Верх и низ тут же заняли свои места, сориентировавшись внутри моей головы.

Я повернул голову набок и увидел... Сан Саныча, сидевшего на табуретке, всё ещё в своём чёрном пальто. Тут я с ужасом понял, что лежу в ванне, голый, в холодной воде, в совершенно незнакомом месте.

- Сплю! - уверенно сказал я в надежде, что Сан Саныч сейчас растворится, и я действительно проснусь.
- В принципе, да, - отвечивал Сан Саныч, ни коим образом не выразив желания исчезнуть, - смотря, что именно ты имеешь в виду.
- Что имею, то и введу! - съюморнул я, не ожидая сам от себя такого. Собственная шутка вызвала во мне припадок смеха, и благодаря этому трагичность и непонятность ситуации отодвинулась куда-то вглубь.
- Он шутит! Хм, отличная реакция! - Сан Саныч поднялся с табуретки, которая стояла у края ванны, и, обернувшись к двери, добавил, - нет, Ли, ты только посмотри на этого отмокшего заморыша.

Ли! Это имя вспыхнуло внутри меня, и вдруг меня прорвало. Поток воспоминаний хлынул из глубин памяти и даже не дал времени обидеться на обращение ко мне. Голова словно лопнула, и из неё посыпались на манер старых ёлочных игрушек разные затейливые картинки и лица. Господи, чего там только не было! Узорчатые мосты, бескрайние поля огромных цветов, какие-то твари с совершенно невозможными мордами, облака цветного газа... Вся эта мешанина просто плыла сквозь меня, не задевая эмоций, но оставляла непонятный след в памяти. Мозг фиксировал всё сие, словно загружаемую программу. *Ли.* Что-то связано было у меня с этим именем... Оно было близко, но скользило всё время мимо... Я не мог поймать эту часть падающей на меня реальности. Вещи и сцены из жизни проносились мимо, зависая на некоторое время передо мной, словно я был Алисой, летящей в кроличью нору.

Было и приятно, и страшно одновременно. Чувство времени совершенно растворилось и обиженно отступило куда-то назад, в неосознаваемую тьму. А я, как аквариум, тонущий в океане, отражал всё стенками, будучи и сам этим же внутри. Глупое ощущение одновременной разделённости и единства приводило меня в состояние пассивного смеха. Я падал и смеялся...

падал и смеялся...И было легко и бесконечно... И посреди этого колодца вдруг отворилась дверь... и я вспомнил.

День Лаоми. Сезон Лезвий.

Формы только что определились. Мы стояли посередине зала какого-то супермаркета или выставки. Народ сновал туда-сюда, не удостоивая нас внимания. Я привычно коснулся рукой своих серых шорт и краем глаза заметил с удовлетворением, что Рой сделал то же самое со своей жёлтой футболкой. Тактильные ощущения вернулись. Реальность стабилизировалась.

- Вы проявите себя сами, где хотите, подтвердив команду, - раздался голос сзади, - помните только, что люди не должны видеть вас в момент появления. Иначе вы вызовете возмущение среди местных жителей, а вы знаете, к чему это может привести.
- Чудес нет, и быть не должно! - заученно пробормотал рядом стоящий Рой.
- Зубрила! - отметил я, толкнув его в бок.

Быстро оценив ситуацию, мы переместились по закоулкам. Я выбрал примерочную для одежды, находящуюся подальше от посетителей. Выждав секунд пять, я послал команду, щёлкнув пальцами, и все ощущения чужой реальности сразу нахлынули на меня. Гул голосов, топот множества ног и шум улицы... Отдёрнув занавеску, я вышел в просторный холл с витринами.

Хм, первый самостоятельный переход. Сейчас я должен буду показать, что не зря провёл время в Замке. Я направился через центр зала, чувствуя, как заученные истины закопошились в мозгу.

- Ничего нет. Всё есть модель. Я сам её создаю.

Я сконцентрировался на входной двери, и, игнорируя окружающее, направился к ней. Люди, как и положено им было, не обращали на меня внимания и совершенно естественно освобождали мне дорогу. Открыв дверь, я вышел из здания. Ух! Неизмеримой глубины небо сиреневого цвета освещалось яркими всполохами. Зарницы разных цветов пробежали по нему во всех направлениях.

- Не пялся, как баран! - грубо оборвал я себя, - сосредоточься, то ли ещё придётся увидеть.

Внутренние часы в моей голове начали отсчитывать секунды.

- Так, хорошо, - сказал сам себе я, - за углом будет женщина с синим пакетом.

Пройдя через площадь с гроыхающим над ней небом, я свернул в подобие стеклянного тоннеля. Там, у витрины стояла женщина. В руках у неё ничего не было.

- Спокойно! Время! - вспомнил я и задержал дыхание.

Она неуклюже оступилась, и синий свёрток вывалился у неё из-за пазухи.

- Бумага! – я продолжил складывать мозаику, с облегчением отмечая, что Путь начат.

Из свёртка посыпались бумаги. Я выбирал наиболее приемлемые и простые образы. Это было надёжнее. Просто бумаги. Не важно, какие и почему. Стихия была взята.

- Бумага дружит с деревом, - заученно утвердил я Ход, - нужно усилить эту позицию.

Женщина с пакетом оглянулась и, увидев рядом деревянную скамейку, села на неё и стала разбирать бумаги. Я, не смотря на неё, прошёл мимо.

- Ветер дует справа, стало быть, восточный, - быстро сориентировался я.

Стороны света были вложены в меня настолько глубоко, что поддавались определению сходу, без труда.

Я повернулся спиной к ветру и зашагал по улице, приняв таким образом Белую Сторону Движения, как и подобало мне. Ученик, имеющий в своём внутреннем спектре чёрный цвет, пошёл бы навстречу ему, подтверждая свою Чёрную Структуру Противоположности, но для меня путь лежал налево, ибо ещё при принятии меня в Замок, пройденные мной тесты подтвердили мою причастность к Свету. Ощущение клубка в животе стало нарастать. Человек в чёрной одежде преграждал мой путь, переходя улицу. Окинув взглядом всю картину в целом, я увидел белую дверь справа от меня, ведущую, видимо, в какую-то лавку. Подняв с земли веточку дерева, «случайно» оказавшуюся под ногами, я свернул в эту дверь. Толкнув её, я прошёл в помещение и незаметно щёлкнул пальцами, подтверждая команду склейки восточного ветра, бумаги-дерева и белого цвета. Это оказалась лавка, торгующая скобяными товарами. Гвозди, шурупы и прочая металлическая строительная мелочь покрывали полки.

Что-нибудь интересует? - спросил меня продавец, одетый в зелёную рубаху, начинающий толстеть средних лет мужчина в очках.

- Зелёный. Цвет Чистой Незамутнённой Силы - пронеслось у меня в голове.

Я лихорадочно одним движением облетел глазами прилавков, и, наконец, увидел то, что было нужно.

- Можно, я взгляну на этот степлер для бумаги?

- Тот, с краю?

- Нет, зелёный. Вон там... да...

Получив степлер, я для виду повертел его в руках и вытащил из кармана «случайно» оказавшиеся там деньги. Естественно, их было ровно столько, сколько стоил товар. И хотя продавец сейчас видел перед собой обыкновенного слегка задрипанного парнишку, я знал, что уже нахожусь на Нижнем Уровне Лабиринта на его Восточной Касательной, и поэтому имел доступ к тому, чтобы смоделировать Силами Лабиринта такую малость, как нужную мне сумму денег. Даже не посмотрев, что же за деньги я вытащил, я положил их на прилавок, тем самым подтвердив своё доверие к Лабиринту. К тому же такая роскошь, как разглядывание незнакомых средств платежа, мне грозила тем, что, во-первых, я бы растерял часть Силы на удивление ненужной мелочью, а во-вторых, вызвал бы подозрение у продавца.

- Прошла минута и пятнадцать секунд, - отметил я, выходя из магазина.

Оглядевшись, и не заметив ни одной подсказки, я остановился и прислушался. Когда положенные «минута пятнадцать» прошли, я услышал еле слышный крик птицы. Подняв голову, я увидел белую птицу, скрывающуюся за одним из домов в конце улицы. Зажав в левой, принимающей энергию, руке степлер, я двинулся в этом направлении, ускоряя шаг, так как краем глаза заметил бегущего туда же по другой стороне улицы человека. Понятное дело, что человек спешил по своим делам и даже не подозревал, что вызванные мной Силы Лабиринта заставили его в нужный момент ускорить движение, создав для этого определённую ситуацию в его жизни. Мысленно улыбнувшись невидимому узору Лабиринта, я щёлкнул пальцами, подтверждая увиденную подсказку, и перешёл на лёгкий бег, не заметив при этом, что в конце дома, за которым исчезла птица, меня уже ждали двое человек, один из которых наблюдал за моими действиями с удовлетворённой улыбкой, а второй - со смесью интереса и восхищения. Ещё пол минуты прошло, прежде чем я поравнялся с ними. Перейдя на шаг, я собирался завернуть за угол, как вдруг они, стоявшие в этот момент ко мне спинами, обернулись и пошли за мной. Я почувствовал это спиной, и, не оглядываясь, как и было предписано Правилами, продолжал естественно и спокойно идти.

- Не оборачивайся, Локи! - от голоса Учителя я вздрогнул на ходу. - Ты всё правильно сделал, и сейчас уже достаточно глубоко вошёл в Лабиринт. Я уверен, что ты сможешь сам выйти отсюда.

Я знал, что Учитель по уровню свечения вокруг меня, видимого ему одному, без труда определил, где, в какой части Лабиринта я нахожусь.

- У нас возникли непредвиденные обстоятельства, - продолжил он, зная, что я сейчас не могу себе позволить сказать ни единого лишнего слова. - Ли, единственная дочь Эххэнны, Её Величества рода Хэ, застряла в этом Слое, и её преследуют, подозревая, что она «чужак». Ты должен будешь вывести её. Я не могу сейчас бросить всех учеников здесь на произвол судьбы, ибо они не все так сильны как ты.
- Рой? - мысленно спросил я, удерживая темп и не забывая учитывать изменения реальности вокруг.
- Твой друг Рой достаточно глубоко проник в Лабиринт, но всё же не так близко к Внутреннему Барьеру, как ты. А дело срочное. Я знаю, что это серьёзная работа, но выхода у нас нет. Само собой, если ты выведешь Ли, считай, что экзамен тебе зачтён, к тому же с определёнными привилегиями.

Я протянул, не оборачиваясь, свободную правую руку и почувствовал вложенные в мою ладонь тонкие пальцы. Её рука тут же передала мне её образ.

- Совсем ещё девчонка! - подумал я.
- Ли! Следуй за ним и ради Всех Святых не открывай свой болтливый рот. Он всё равно не сможет сейчас с тобой разговаривать, - я почувствовал, как девичья рука вцепилась в мою, - и не отставай. Иначе у мамы прибавится проблем.

Я заметил идущего на нас человека с двумя листами какого-то документа, который он читал на ходу. Я обронил ему под ноги степлер и резко свернул, переходя улицу. Небо начинало приобретать над нами угрожающий чёрный оттенок. Я знал, что человек сейчас удивлённо разглядывает степлер, тем самым создавая помеху за нами.

- Ты сделаешь это, Локи! - услышал я сзади голос Учителя, и, рванув за собой несмышлёную девчонку, побежал в сторону упавшей внезапно на улице тётки с цветами.
- Влип! - подумалось мне.

Оборачиваться не стоило. Я уже знал, что Учителя там не увижу. Но теперь чувство ответственности покрывало все мои страхи, и я чувствовал рядом колотящееся от страха сердце девчонки, и знал, что выведу её, даже если мне придётся заплатить за это своей жизнью. Правило «Клиент дороже всего» было заучено лучше всех других, и эта глупая девчушка была сейчас для меня моим первым клиентом. Я не особо разбирался в рангах и родах в иерархии Систем. Для меня она сейчас была просто «заказчик». А ещё я понял, что годы моего ученичества сочтены. И что в данный момент я не имел больше никаких поблажек Ученика. Теперь я сам был Мастером. Теперь я был Проводником.

07.04.20...г.

- Очнулся?

Голос вывел меня из состояния приятного забытья. Глаза разлепились. Я лежал в кровати, накрытый одеялом по самый подбородок. Медленно приходя в себя, я огляделся. Мебели почти не было. Старый выдавший виды шкаф приютился в углу пустой с высоким потолком комнаты. Если не считать матраца, который я поначалу принял за кровать, да двух табуреток с восседавшими на них Сан Санычем и девушкой со странно знакомым именем Ли, в комнате ничего больше и не было.

- Я жив, - констатировал я, скорее сам для себя.

- Догадлив. - Сан Саныч разжал сложенные в замок руки и привстал, наклонившись ко мне.
- А трамвай?... Мне это не привиделось?
- Нет, не привиделось. - Сан Саныч усмехнулся краешком рта.
- Но ведь он меня переехал.
- Смотря где. Здесь, где мы сидим, он тебя не переезжал.
- В смысле?... - я был окончательно сбит с толку.
- Другой Слой реальности. - подала голос Ли. - Тот же мир, но другой поворот событий. Прыг-скок. Мы с тобой немножко попрыгали...
- Вы что, волшебники? - собственный вопрос вызвал во мне приступ смеха, настолько нелепой была ситуация.
- Колдуны! - скорчив устрашающую мину, засмеялась Ли. - Сборище колдунов! У-у... Колдунцы - прыгунцы!
- Вечно ты, Ли, болтаешь всякое! Тьфу-тьфу... - заметил Сан Саныч. - Ты как? В порядке?

Я с удивлением отметил, что чувствую себя очень даже неплохо. Глубокий сон восстановил мои силы, и сейчас мне очень хотелось есть. Правда, муть в голове ещё присутствовала, как после наркоза.

- Поесть бы, - потянулся я и попробовал привстать. Получилось. Хотя руки и ноги были какими-то чужими и не очень слушались.
- Тело ещё не окончательно собралось. - как будто поняла мои затруднения Ли. - Тонкие тела ещё не приклеились к физическому. Не волнуйся. Теперь, когда ты очнулся, это дело пары часов.
- Ли, помоги ему, а я пойду, приготовлю что-нибудь поесть. - Сан Саныч вышел из комнаты, и мы с Ли остались одни. Она кинула мне мою одежду и отошла к окну, отвернувшись.
- Спасибо, - слабо протянул я и начал напяливать своё тряпье, попутно осматривая куртку и майку на предмет следов от колёс трамвая.
- Глупец. Раз ты жив, значит и следов не может быть на одежде. Ведь ничего не произошло, - сказала, не оборачиваясь, Ли, и я с ужасом подумал, что она читает мои мысли.
- Не глупи, я не читаю мыслей... в отличие от некоторых. Я вижу тебя в отражении окна. Твоя изумлённая физиономия красноречиво свидетельствует о том, что ты думаешь.
- А что там произошло со мной на самом деле?
- Там? На нас напали. И хотела бы я знать кто... - она скрипнула зубами.
- А здесь?
- Не знаю. Я ведь всего лишь смещаю варианты. Для меня был важен результат, а не условия. Ну... возможно, ты успел проскочить. Или трамвай успел затормозить. И вообще, старайся об этом не думать. Это лишнее, и к тому же небезопасно. Я ведь сместилась вместе с тобой, поэтому точно так-же, как и ты, последние сутки была занята собиранием себя здесь. Хорошо, что додумалась к Глиуку прыгнуть, а то ведь сейчас могли бы с тобой бороздить просторы времени в разобранном виде. Скажи спасибо ему, что помог, завалил сразу нас под холодную воду.
- Но ведь я когда очухался в первый раз, ты уже была в соседней комнате.
- Ну, ты не сравнивай. Я всё-таки Мастер Времени, мне привычно. А тебе понадобилось больше...
- Слушай, а ведь я тебя знаю!
- Да неужто? - кокетливо улыбнулась Ли, но сразу как то погрустнела.

Она прошла по комнате, поправляя причёску, явно имитируя ходьбу по подиуму демонстрации одежды.

- Розы? Ресторан? Танцы? - она улыбнулась, стоя в пол-оборота спиной. - Конечно... танцы!

И тут она совершила нечто совсем из ряда вон выходящее. Она прыгнула с пола вверх, сделав полусальто, оттолкнулась от потолка ногами и приземлилась на кончики растопыренных пальцев. И только потом, спокойно и медленно, согнувшись в поясе, опустила ноги обратно на пол. Что бы вы сказали на моём месте, увидев подобное? А? Уверен, ничего. Хм... Я поступил также. Моя изумлённая рожа сама обо всём говорила.

- Да, ухажёр я для тебя неважный, - заметил я.
- Всё это игрушки для того, у кого здесь - она подошла быстро ко мне и постучала пальцем по лбу, - не существует разницы между верхом и низом.
- Но ведь они есть! Эти самые верх и низ! - настойчиво и по возможности убедительно пискнул я.
- Есть всё! Вообще всё! Вопрос только, в каком виде. Или верх и низ у тебя в голове, а снаружи нет ничего, либо верх и низ снаружи, а ты - ничто. Кто может стоять на потолке? Никто! Тогда тебе придётся стать никем, то есть ничем в данном случае. Ты просто сильно себя с чем-то ассоциируешь!
- С чем? - странно, но я начинал её понимать.
- Со всем вокруг!!! Ты - не то, ты - это! - и она опять стукнула меня в лоб.
- Хватит драться! - возмутился я.
- Ну, что у нас тут? - пошарпаная дверь скрипнула, и вошёл Сан Саныч.
- В первый раз, в первый класс... - ухмыльнулась Ли.
- Училка, блин... - засопел я, надувшись.
- Э, друг, мы тут не эльфы, и капюшончиков у нас нет! - Сан Саныч развёл руками.
- Каких капюшончиков? - ум мой опять засомневался в моей дееспособности.
- Он не помнит про капюшон! - обиженно протянула Ли и ещё больше погрузилась.
- Обычай эльфов, - по серьёзному выражению Сан Саныча я понял, что речь идёт не о детских сказках, - прятать своё лицо, когда проявляется обида, либо какая-нибудь из подобных Низших Эмоций. Лицо настоящего воина всегда открыто и показывает миру, что он честен, храбр и сердце его полно огня. И если воина одолевают Низшие мысли, он прячет своё лицо, ибо ему стыдно пред миром. А эльфы - лучшие из воинов.
- П...п...понятно... - изрядно напугавшись, произнёс я.
- Надеюсь. - Сан Саныч криво улыбнулся, - далее проще. Останешься пока здесь. Вещи привезём, еда будет. На работе ты заменён.
- Заменён??? - такой подготовленности я не мог поверить.
- Понимаю твоё изумление и принимаю это как комплимент. Да, мы состряпали тут неплохого музыканта твоим друзьям по-быстрому и без шума. - Он опять улыбнулся, уже более дружелюбно. - Не волнуйся, он не испортит ничего в твоих партиях за время твоего отсутствия.
- У нас мало времени, - засуетилась Ли.
- Обувайся! - бросил Сан Саныч, выходя из комнаты.
- Обуваться??? Я чуть не умер, и уже обуваться??? -
- Да, обуваться. - Взгляд Ли стал холодным, как ледяное крошево в весенней воде. - Нам нужно многое успеть. И есть, видимо, кое-кто, кто хочет помешать нам.
- Мне??? - похоже, запас моего удивления на сегодня ещё и не думал кончаться.

- Тебе. Ты - ключ. И если не успеешь своим ключиком воспользоваться, нам всем придётся тугу.
- О-кей! - я потихоньку стал опускать ноги с кровати.
- Я жду тебя на выходе. - Ли вышла.

08.04.20...г.

Меня вывели гулять. Было свежо. Вчера я наслушался такого, что сегодня хотелось вовсе забыться заснуть как медведь в берлоге, и чтоб проснуться - а всё уже кончилось. Но чутьё мне подсказывало, что всё только начинается.

Сан Саныч вчера говорил о Гармонии Мира, о Равновесии Сил и об Узоре, который связывает многие различные части в единое целое. В Систему. В отдельно взятую Систему, ограниченную правилами и законами, в которой может существовать что-то упорядоченное. В мир, дорогие мои, как вы его себе всегда представляли, да и я вместе с вами, последние годы. И вот, выясняется теперь, что этих миров хренова туча, и что все они отделены какими-то Барьерами, и что всё, что вы знали о своём мире за своим окном - полная ерунда. Фокус, не более.

Каждая часть рассказа Сан Саныча вскрывала во мне часть льда, под которым дремал, по моим ощущениям, жуткий зверь моего прошлого. Далёкого прошлого...

Я шёл по тротуару вдоль витрин магазинов, а Сан Саныч и Ли шли по обе стороны, чуть сзади меня. Я знал, что не могу столкнуться ни с одним прохожим, знал и то, что пока мы вот так идём, зелёный свет всегда будет гореть в светофорах на моём пути. Я шёл в коридоре, который видел только сам. Вчера Сан Саныч помог мне вспомнить, как я это делал. Именно делал. Теперь я знал, что я это умел делать всегда, да ещё как!... Лучше всех из нашего выпуска.

Я вспомнил школу... Нет, не ту школу, где я дёргал девчонок за косы и прогуливал алгебру. Я вспомнил Школу, которую по сути никогда и не покидал, как следовало из свойства Трёх Основ Сознания, о котором я вспомнил тоже.

Умом, заключённым в человеческий мозг, с его двугранной логикой, было почти невозможно понять, что можно находиться и там и там одновременно, понять, что вещи, которые произошли - ещё не настали и находятся в «завтра», и наоборот. Человеческая логика привыкла к линейности, к цепочке «причина-следствие». На самом же деле всё оказалось совсем не так. Три Основы Сознания говорили мне о том, что прошлое - это не то, что прошло, а то, что происходит постоянно, и в данный момент тоже, но в другой плоскости ума. То есть я всё ещё там, в Школе, в воздушном интернате, который едва стал проступать в моей памяти. Сан Саныч был прав, моё имя, произнесённое вслух каждый раз, делало чудеса.

Я шёл, держа коридор своей волей, в то же время, освободив свой разум, очистив его от суетных мыслей, чтобы привыкнуть к чистому его листу. Держа вниманием края периферийного зрения, я сфокусировался на точке в конце улицы, и наблюдая пространство перед собой как единую живую картину, улавливал её течение, стремления к изменению, и гибко менялся вместе со всем. Входя таким образом в резонанс с окружающим, я не пересекался с элементами внешнего, будучи сам таким элементом. Проще говоря, я видел сейчас на секунду вперёд. Я видел, кто и куда собирается шагнуть в следующий момент. Я на немного протянул свой взгляд в будущее.

Для Ли, как для Мастера Времени, это было детской забавой, конечно, но для меня и этот результат был уже неплох сейчас.

Я уже начинал вспоминать, что все чувства мои были взаимозаменяемы когда-то. И отблески этого я замечал даже теперь. На мгновение прикрыв глаза, я проследил звук за моей спиной. Звук приближался...

И я увидел его. Увидел Внутренним Взором. Звук был длинный, серого цвета, мерцающий по краям и плотный вначале. Он был немного нервным, и от него пахло неуверенностью. Я проследил его в будущее и увидел, что он там обрывается на определённом расстоянии.

Теперь я открыл глаза. Звук обгонял меня слева. В следующий момент слева от меня проехала машина. Конечно, для обычного человека это была обычная волга-такси. Но только для обычных людей. Я же знал, что эта машина сильна мотором и на совесть сделанной передней частью, очень чувствительна боками, её двери всегда будут заедать, ржаветь и нуждаться в починке. Я знал, что машина эта неустойчива в управлении временами, при определённом течении энергии ветра, и я увидел, что она будет уничтожена, попав в аварию, боковым ударом примерно через семь-восемь месяцев. Всё это я «увидел» своими ушами в одно мгновение.

- Неплохо, - вскользь бросила Ли.
- ??? - я вполборота повернул к ней голову, не теряя контроля над коридором.
- Громко думаешь! - затылком я почувствовал её улыбку.
- Не отвлекайся, - сказал я сам себе и ускорил шаг.

Картина стала более динамична. Найдя нужную скорость, я приготовился к первому Изменению. В поле моего зрения попала пожилая женщина с тележкой на колёсиках, которая загородила собой вход в... очевидно, продуктовый магазин. Вокруг неё столпилось человек пять, создавая замутнённое пятно неопределённости в общей картине движения.

- Телефон! - мысленно дал я команду.

У солидного мужчины, пытавшегося помочь женщине с коляской, выпал из кармана сотовый телефон.

- Вот чёрт! - бросил мужчина и нагнулся за телефоном, сделав полшага влево.
- Должно хватить для начала, - рискнул я и буквально влетел между бабулей и полусогнувшимся мужиком.

Мужик, конечно, был захвачен своим телефоном и не заметил меня. Распрямившись, он тут же заслонил мой «проход».

- Есть! - улыбнулся я и щёлкнул пальцами.

Сан Саныч и Ли, идя за мной в шаге позади, переглянулись, и Сан Саныч едва заметно ухмыльнулся уголком рта.

- Всегда поражалась, как это им удаётся договориться с этой мисс Иллюзией, - заметила на ходу Ли.
- Рот... - начал было Сан Саныч, но Ли уже умолкла, понимая, что с этой минуты каждое слово может стать Частью Узора и сбить всю работу.

Теперь в моём арсенале были телефоны. Неплохо. Дополнительно можно было использовать и ассоциации с тележками и колёсами, но это было слишком слабым и косвенным подспорьем. Я решил выиграть пару секунд. Неожиданно подпрыгнув, я громко крикнул что-то неопределённое на всю улицу и тут же буквально слился со спиной впереди идущего прохожего, нырнув в его тень. Все люди в радиусе двадцати метров отвлекли своё внимание на этот крик, и девушка, разговаривающая по телефону-автомату, тоже.

- Время? - спросил я её чётко, появляясь буквально «из-под земли».
- Пять, - машинально ответила она.

Она хотела что-то добавить, но я уже исчез среди людей. «Пять» - сказал я себе. - «Ну, что ж, ждём ответа...» Я выбрал спокойный участок дороги и остановился. Проходящий мимо мальчик

теребил за подол свою бабушку, при этом косясь на меня: «Ну, баба... ну, пойдём, посмотрим...» Он тянул её к витрине киоска, что стоял неподалёку. Стараясь не привлекать внимания, я подошёл вслед за ними и пробежал взглядом содержимое киоска. Ручки, скотчи, конверты, прочая мелочушка, журналы... стоп!... «Пять моделей телефонов на выбор» - гласила надпись на одном из пёстрых журналов.

«Можно журнал?» - сунулся я в окошко, - «Да, вот этот, второй с краю... ага...»

Пока мне отсчитывали сдачу, которую я на всякий случай сразу запомнил, я вдруг почувствовал, как немеют мои пальцы ... Над ухом что-то противно и высоко пискнуло, и тонкий еле слышный свист повис в воздухе.

«Началось» - подумал я. «Что началось?» - подумал я в следующий момент и вдруг понял, что первая мысль была (как бы сказать) не оттуда, откуда пришла вторая.

«Эрарбика!» - с восхищением прошептала сзади Ли.

«Эрарбика!!!» - вспыхнуло в моей голове воспоминание, и я опять получил шоковый удар и потерял сознание.

День Ууни, Сезон Стекла

Песок осыпался под ногами, а гул каждого шага отдавался вибрацией от железных стен бункера. Краем глаза я увидел, что большая квадратная труба, куда мы буквально влетели, имела ответвление. Возвращаться было плохой приметой. Твои эфирные следы, так или иначе, опишут в таком случае пространственную петлю, а петля может сработать по-разному, но никогда - к лучшему.

Нас было трое. Я был так поглощён Узором, что едва замечал их. Впрочем, они не отставали, и, судя по периодическим подсказкам, тоже не теряли времени даром, распутывая Узел Узора.

Пока нам никто не встретился, но предчувствия у меня были самые плохие на этот счёт.

«Подземная дорога? Корпуса для хранения? Производственные помещения?» - гадал я о назначении места, где мы пребывали.

«Ху-у-о...» - выдохнул чуть сильнее обычного мой напарник справа, и мы все мгновенно ткнулись носом в песок и замерли, вжимаясь и распластываясь.

Нервный металлический звук стал отчётливее и перерос в стрекотание.

«Развитая технология» - мелькнуло у меня.

Сверкающий диск появился из бокового колодца и, описав дугу над нами, скрылся в направлении нашего движения.

«Слежение» - показала мне пальцами рука слева лежащего. Мы продолжали лежать ещё с полминуты, и я понимал, что значит потерянное время для идущего по Узору, но лежал, сколько нужно... Я поднял большой палец вверх и вскочил «часовой пружиной», разворачиваясь в воздухе на сто восемьдесят градусов, готовясь тут же подняться в воздух снова. Тихо...

И тут по лицу у меня пробежала струйка ветра. Не веря ещё в такую удачу, я протянул руку в сторону одного из парней и щёлкнул пальцами. Тот мгновенно встрепенулся и замер. Он был родом из Верхних Пределов, и его основной стихией был Воздух. Он лучше всех нас знал, как говорить с ветром.

Его лёгкая улыбка, появившаяся на секунду, рассеяла наши тревоги. Он вскинул руку, и мы побежали дальше. «А я уж думал, потерялись...» - мелькнуло у меня, и я удивился собственному подавленному состоянию, - «Давно пора было отдохнуть где-нибудь...» Фактор сближения с

целью был налицо, все чувствовали нарастающее чувство ожидания. Громадные знаки, сделанные нитроокраской на железных стенах квадратного тоннеля, были непонятны, но внушали чувство тревоги.

«Хуу-оо...» - выдох слева. Залегли. Диск, сверкая лопастями, вылетел спереди и ушёл к нам за спину в один из проходов, отходящих от основного тоннеля.

«Их становится всё больше. Значит это действительно слежение, и мы уже близко» - радостно заметил я. Спустя ещё три минуты бега я услышал звучание «точки» в общей Картине Узора.

Звук на этой стадии прохождения Лабиринта был бы непростителен. Поэтому мы трое сблизилась, встали в круг, руки друг другу на плечи, макушка к макушке. Зажмурив сильно-сильно глаза, уйдя взором во внутреннюю черноту, мы «позвали». И тут же почувствовали, как рядом дрогнул песок. Открыв глаза и обернувшись, мы увидели человека. Мы знали, что любой дух мог здесь принять любой материальный облик сообразно своим категориям. Человек был низкого роста, почти малыш, с узкими чертами лица, волосы до плеч, но не ниже, и одет в бежевые и серые тона.

«Нууки» - подтверждающе сложил губы Проводник справа. Человеческая внешность могла обмануть кого угодно из местных жителей, но не нас, имеющих Внутреннее Видение. Существо перед нами было действительно Нууки.

Нууки - существо маленькое и безобидное, дружелюбно относилось ко всем и вызывало почти у всех взаимную симпатию. Без привязанностей, скромный и не обладающий Внешней Силой, он не был страшен ни для кого. Благодаря этому мог проскользнуть где угодно. Самые ужасные и злущие твари миров мимоходом пропускали его, и мало того, были по-царски снисходительны к нему. Самым большим преимуществом Нууки была способность перетекать между мирами в пределах одной Системы. Он делал это с лёгкостью, но не обладал достаточной силой контроля, поэтому случайное *течение* могло надолго его упрятать в какой-нибудь отдалённый уголок. Нууки были лучшими дипломатами в мирах. Они могли договориться с кем угодно. Их неподдельное всепожирающее любопытство вызывало улыбку. Им было интересно абсолютно всё. Но вереница узанных вещей ничего практически не откладывала в головах Нууки. Они просто таскали в себе это, как большой сундук с чудесными историями и странными предметами.

Глаза человека широко распахнулись, и он только собирался что-то сказать, как подлетевший к нему Наблюдатель закрыл его рот ладонью.

«Молчи» - сказал он Внутренним Языком, используя самое распространённое средство для этого - глаза.

Нууки мигнул. Наблюдатель повернул голову ко мне и сделал указательным пальцем колючку в воздухе у себя над плечом. Я кивнул и прикрыл глаза.

«Эрарбика!» - позвал я. Блестящая точка возникла в воздухе на Пороге Внешнего Зрения и развернулась в небольшое кольцо неоновой голубого цвета.

Эрарбика, или «Наблюдатель» - была экстренной мерой. Мы старались реже пользоваться подсказками «Наблюдателя» по многим причинам. Во-первых, Эрарбика, хотя и была непосредственным каналом с Общим Информационным Полем миров, но была, всё-таки, индивидуальной личностью, а не машиной. Дух-слуга, ангел-хранитель, точнее советчик. Кроме того, что он отвечал на вопросы своего «носителя», он не был в статусе слуги на все сто. Он мог обидеться, пошутить над «хозяином», то есть имел вполне выраженные эмоции. Кроме того, Эрарбика была существом Высшего Порядка. А на Высшую Силу, как известно, положись, но старайся по пустякам не дёргать. Излишнее внимание Высших Сфер к отдельной персоне ещё никого не радовало.

Второй причиной было то, что подспудное желание получить на все свои вопросы ответы порождало апатию и потерю жизненной силы.

«Э-рар» - звук, означавший личность, обитавшую вне материального мира, и приставка «бика», означавшая механизм, машину, услужение, вместе говорили о том, что Эрабика хоть и имеет функции механичного «автоответчика», но всё же обладает своим собственным «Я».

«Человек Ветра ещё не опустошён» - пропела Эрабика моим собственным голосом. Я щёлкнул пальцами в направлении правого напарника. Тот «нырнул в себя». Две секунды... Туда! - махнул рукой он, и мы, схватив за шиворот глазеющего на нас вечно восхищённого Нууки, ринулись под завалы труб.

«Важная птица, наверно!» - скосил я глаза на удивлённо-радостную физиономию Нууки, который с видимым мужеством держал свой болтливый язык за зубами.

10.04.20...г.

- Третий звонок! - хлопанье двери привело меня в чувство.
- Эй, мы собираемся растрясти весь этот лягушатник? - Макс пялился в меня как в зеркало.
- Эээ... - начал я...
- Вот-вот! И я говорю! - ээ! В смысле, э-э, типа, пора!

Маленькая вспышка в голове и знакомое «Ты где? - Я здесь и сейчас!» вернули меня к действительности. В руках гитара... Хорошо... Уже что-то.

- Эй, кончай греть задницу, пошли косить золотые колосья! - выплыл из-за занавески Ромка.
- Иду! - спокойно ответил я, что внутренне само по себе меня шокировало, и шагнул с гитарой за ним.

Ощущение уверенности и спокойствия меня не покидало. «Очень любопытно, странно... но приятно, и как нельзя кстати» - отметилось мне.

За занавеской оказался проход, и пока мы шли по нему, я пытался вспомнить, что было вчера, а ещё лучше, сегодня, но чуть пораньше?

Тётка с коляской... улица... пять... что «пять»?... не знаю... телефон-автомат... и лицо Сан Саныча на фоне неба... «Сдвигай его!» - голос его же...

Мы вышли по проходу в зал. Ага, мы в «Ливерпуле», прекрасно! Я машинально воткнул провод в комбик и проверил звук. Посетители зашевелились, и некоторые повернулись к нам. Быстрая оценка ситуации. Дамочка в шарфе из перьев с джентльменом в странной цветной шляпе - явные наркоты, но богемные, на дорогой дури и при деньгах; мужик в чересчур офисном костюме со снисходительным взглядом, явно пытается показаться крутым, значит на самом деле пустой фраер с понтами, без возможностей и финансов. Пара в углу - явно влюблённые, по нежности во взгляде ясно, что или совсем недавно, или давно и надолго. Такие вообще редко интересуются внешними вещами, и музыкой в том числе. Но вот оно, везение... Подпитый иностранец, то ли финн (что хуже, ибо они всегда нищие), либо швед (что лучше, по обратным соображениям). Мило улыбаемся...

- Добрый вечер, дамы - кивок Ромика в сторону дамы с боа, - Здравствуйте, джентльмены - понимающий кивок в сторону «делового индюка», - и... Тэрвэ, мои дорогие гости нашего города!

Два часа по обычному списку. Отстрелялись. Приятно потяжелело в карманах.

- Домой? - Витька вопросительно задержался.

- Нет, я прогуляюсь... - ответил я.
- А-а... ну тогда я «тачку» буду ловить, - Витька шагнул на дорогу.
- Слухай, захвати мою «банку», а? - неуверенно протянул я.
- Ладно, потом сам заберёшь. - Неожиданно легко согласился Витька, взял мою гитару и, сев в машину, укатил.

А я медленно, чтоб не спугнуть мысли, пошёл вдоль домов по Жуковского, вывернул на Литейный и потопал к набережной. Нужно было где-то спокойно посидеть и разобраться в происходящем.

Кое-что припоминалось, но в мыслях царил непонятный сумбур. Такое впечатление что мне в мозг кто-то влез и не давал опомниться, всё постоянно перемешивая у меня в голове. Лицо женщины... мама?... мама... хм... но не моя!.. тогда почему мама?... лицо странно знакомой девушки... собака какая-то... тоже знакомая... блин, что это со мной?...

И тут произошло нечто, что оставило, видимо, глубокий след в жизни, по крайней мере, одного человека. Идя вдоль стеклянной витрины, я увидел своё лицо...

Бл... - вырвалось у меня, - что это?!

Из отражения на меня смотрел совершенно незнакомый парень. Затем всё происходило как в замедленном кино. Я почувствовал своё дыхание... Дыхание где-то за границами всего того, что сейчас было у меня перед глазами. А потом я понял, что я - это не я. То есть было ощущение, что парень на улице вроде бы завёрнут в меня как в одеяло, что он, как матрёшка, вложен внутрь меня настоящего. И тут я понял, что хоть и стою сейчас на улице, но в то же время я сейчас где-то лежу, и потянулся к себе тому, лежащему... И тогда улица, витрина, город... всё сразу стало быстро отступать и сворачиваться...

С хриплым криком я подскочил на кровати.

- Спокойно! - чьи-то сильные руки прижали меня сверху.
- Сан Саныч? - прохрипел я.
- А ты ожидал минимум Деда Мороза? - усмехнулся он.
- Чт...т...т...то это было? - трясущимися губами попытался я говорить.
- Шизофрения. Типичный случай. Шучу. - видя, что я больше не пытаюсь никуда бросаться, Сан Саныч отпустил меня и сел напротив на стул. - Извини, я говорил, что нашёл тебе замену на работе, но научить его играть всю вашу программу за пару дней даже я не смог бы... тем более, что он серьёзно страдает нарушениями работы мозга... Аутизм...
- Кто?
- Да твой заместитель по части гитары...
- Он что, зомби? - я начал медленно соображать.
- Ну... не совсем, - откинулся на стуле Сан Саныч, - видишь ли, всё равно он большую часть времени отсутствует, так скажем, так почему бы ни дать парню несколько интересных воспоминаний?
- Он знает?
- Он думает, что ему это снится, что, в принципе, недалеко от правды.
- Но как с ним ребята договорились?
- Его вела Ли в это время. Она пообещала за два дня выучить все твои партии, и поверь, для неё это возможно. Она ведь пользуется сновидением для этого. Твоими снами.
- И как она заставила его выучить?

- Ты что, с ума сошёл? - удивился Сан Саныч, - он и гитару-то в руках с роду не держал! Потому и пришлось тебя приобщить к делу. Ты за него и сыграл... Только во сне.
- Он во сне или я во сне? - окончательно запутался я.
- Все во сне! - ухмыльнулся Сан Саныч. - Всем спать!
- Нет, ну серьёзно, и что, он так и остался там стоять посреди улицы вот такой вот расписной, никакой? И что он помнит?
- Он привык, Локи. Это и есть аутизм. То есть спишь, когда вздумается, не отключаясь от тела. Он просто поудивляется мозолям на пальцах и решит, что это чудо. Почему бы парню не порадоваться? В его жизни так мало светлого и чудесного...
- Да, да... - всё ещё приходя в себя, промямлил я.
- Да, кстати... - Сан Саныч наклонился ко мне, и, как мне показалось, выдержал паузу, - а что это ты вздумал падать в обморок при виде... эрарбики?

Вспышка! Вот оно! Ещё один кусок мозаики у меня в голове встал на своё место. Экстренная ситуация, естественный рефлекс.

Сан Саныч поймал мою руку, когда я был готов щёлкнуть пальцами над плечом, явно готовый к этому.

- Не сейчас! - серьёзно возразил он. - У тебя мало сил. И ты в безопасности. Теперь ты помнишь больше...

Первый шок прошёл, и ясность мысли вернулась...

Дом... Замок в воздухе... Школа... Игровой зал... Мастер... Карта миров... Получение Эрарбики... Экзамен... Задание... ещё одно... я помнил их все. Сорок восемь заказов, из них два - на этой планете. Последний заказ... два Тоханглаторра... везли опознавательные камни для наведения Луча Перемещения... были застигнуты случайным облаком несвойственной им энергии, которое просто попало на пути орбиты этой планеты... Им пришлось срочно уносить ноги и спасать камни... Точно... Теперь они...

Я взглянул вопрошающе на Сан Саныча и задал вопрос на Внутреннем Языке.

- Ну, конечно! - широко улыбнулся тот и достал откуда-то из-за пазухи маленький прозрачный шарик.

Я взял его и сосредоточился. Комната отступила и потемнела... я увидел себя в пустоте, и передо мной горел синим светом один из Участков Лабиринта. Выйдя из шарика, я кивнул Сан Санычу. Затем неуверенно поднялся на ноги...

- Заказ принят.
- И?... - вопросительно изогнул брови Сан. Саныч.
- Времени мало, - произнёс я, одновременно понимая, что мы уже несколько дней медленно движемся по Лабиринту, и что продвижению этому я обязан вернувшейся памятью.
- Как вы смогли? Ах да... - я вдруг понял, что Сан Санычу и Ли нужно было заставить меня действовать подсознательно, значит поставить меня в экстремальную ситуацию, и тогда бы я инстинктивно пошёл по Лабиринту, сам того не ведая...

А заставив меня пройти определённый отрезок Узора, они дали мне возможность всё вспомнить, так как знали, что Внутренняя Память пробудится на нужном этапе...

- Дааа... - только и смог протянуть я.
- Ага... - устало сказал Сан Саныч, - то-то и оно!...
- Мне нужно...

- Я знаю! - Сан Саныч открыл дверь в соседнюю комнату, - у тебя целых двое суток. Ли срезала повороты везде, где могла.
- Прощу! - Ли, стоящая у окна, в открывшейся моему взору комнате, развела руками. - Всё в твоём распоряжении.

Я вошёл и огляделся. Пустые белые стены, деревянный пол, посреди комнаты на полу коврик метр на полтора.

- А... - начал, было, я.
- На подоконнике! - улыбнулась Ли, - с возвращением, Локи. Вернее, с пробуждением.
- Да, спасибо, - улыбнулся я в ответ, и по привычке краем глаза заметил на подоконнике маленькую прозрачную пирамидку.
- Удачи! - Ли закрыла за собой дверь.

Я прошёл на середину комнаты и встал на коврик босыми ногами.

Господи, сколько же я спал? Сколько времени я был «человеком»? Оставленное сзади прошлое потрясло меня... Всё вернулось. Я опять был собой. Я снова чувствовал протяжённость и скорость Времени. Вокруг меня была не комната, а веер миров, и я стоял не на полу, а в определённой точке Лабиринта. Я встряхнулся и встал в стойку.

- Эрарбика! - позвал я и тут же почувствовал мерцание около уха, - рабочую программу тренировок по восстановлению!

Тонкий писк кольнул в ухо и разлился в воздухе...

День Кшахту, Сезон Лезвий.

Никогда не знаешь, появится эта дверь или нет... - несколько раздражённо подумал я, хоть и отметил про себя, что одновременно и радуюсь - установившиеся порядки действуют. Дверь возникала в Замке периодически. Никто не знал периода её обращения, поэтому предугадать её появление было практически невозможно, разве что чутьём. Место, куда она вела, я полюбил сразу. Видимо, Замок буквально выдернули в момент активного его распада, как материального объекта. Мастера постарались сохранить его форму здесь, но, конечно, атмосфера была утрачена... А когда-то...

Дверь вела в другой временной промежуток. Мне не часто удавалось воспользоваться ей, так как график занятий был очень плотный. Но всё же иногда я мчался в дальнее крыло Замка, заходил в огромную башню и поднимался по широкой лестнице, чтобы посмотреть, а не появилась ли она? Сама лестница являлась постоянно меняющимся отрезком пространства. Она состояла из множества разных ступенек, которые могли прямо под вашими ногами из мраморных вдруг превратиться в деревянные. Или же тонкий стеклянный уступ мог мгновенно стать железной арматурной конструкцией. Использовалась она, в основном, для тренировок тактильных навыков и для тонкого восприятия смены временных поясов, но, конечно, малышня часто пользовалась ей как игрой в прятки и пятнашки, когда можно было спонтанно провалиться на три или пять минут назад, просто встав на случайно возникшую нужную ступеньку.

Мне нужно было подняться три пролёта вверх. Казалось бы, чего проще? Но при постоянно сдвигающемся и скачущем времени на прохождение этих полутора этажей без подготовки можно было потратить и целый Сезон. Но вот они пройдены, и я замедляю движение, чтобы уловить на стене еле заметные контуры. Есть! И когда я касаюсь этого участка стены рукой, он приобретает глубину и цвет, и вот передо мной деревянная дверь. Я буквально вваливаюсь в неё, потому как знаю, что она может исчезнуть в любой момент. И вот я... на той же самой

лестнице, в той же башне, но уже *не сейчас*. Вся лестница сделана из скрипучих деревянных дощечек, подогнанных одна к другой хоть и плотно, но недостаточно, чтобы сохранять целостность ступеньки, и поэтому каждая ступенька, словно живая, проминается под ногой и жутко скрипит краями трущихся друг о друга полосок дерева. Я поднимаюсь по ним до последнего этажа, который немного ниже остальных по высоте и как бы сплюснен сверху под тяжестью чердака. Луч света, пробивающийся через круглое оконце с перекрестием, освещающий пыль в углах лестницы, ещё более усиливает чувство замкнутости. Я выхожу налево в широкий коридор. Пол в нём тот же, из деревянного, давно прохудившегося паркета. Некоторые полосы дерева просто отсутствуют, некоторые рассыпались в труху. С левой стороны коридора - глухая стена. Попеременные выступы в ней и ниши позволяют предположить, что за ней располагаются разные помещения, но с этой стороны в них нет дверей. А справа двери так и тянутся одна за другой вдоль всей протяжённости коридора, а протяжённость эта - насколько хватает глаз, видимо, коридор идёт сквозным переходом через весь Замок. Насколько я знаю, в нынешнем плане Замка такого перехода и вовсе нет, пересечь его из края в край по прямой невозможно. Это связано ещё и с тем, что там, у *Нас*, Замок не имеет чёткой физической материальной формы, только частями, и поэтому подобный коридор выглядел бы как карусель из множества перемешанных времён и пространств. Здесь же, в мире, откуда нам досталось здание, это было вполне возможно. Странное было у меня чувство, когда я оказывался здесь. Тёмный, без освещения коридор, наполненный запахом отслуживших вещей, какой обычно бывает у стариков в шкафу. Скрип досок, теряющийся эхом среди ободранных стен, и низкий потолок, который всё время напоминал о близости крыши и о страшной высоте, на которой всё это находится. Я никогда не заходил ни в одну из тех дверей, что во множестве пестрели справа по коридору. Спросите, почему? Да потому, что я дорожил этим коридором, где я оставался по-настоящему один, где-то на задворках миров, во времени, которое истончалось с каждой йотой, где материя сама по себе скоро начнёт уже рассыпаться, я был здесь самим собой и знал, что никто не в состоянии за мной подглядывать...

Многие бы, наверно, захотели взглянуть на странные комнаты или выйти из Замка наружу, чтобы увидеть умирающий мир, в котором он когда-то стоял, но я был предан этому коридору. Это было святое для меня место, и тем, что я никогда не открывал ни одну из его дверей, я как бы говорил ему: «Мне вполне хватает тебя. Именно ты мне нужен». И знаете, что я делал в нём? Я просто бегал по нему.

14.04.20...г.

Лёгкие световые всполохи ещё кружились возле моего пояса, когда я взял футболку. Одеваться было неприятно. За несколько дней тренировок я привык к ощущению нового тела, и теперь одежда неприятно стесняла. Никого в квартире не было. Я шмыгнул на лестницу, защёлкнув дверь, и спустился по гулким затёртым сотнями ног ступенькам на улицу.

Светило солнце, но холодный ветер всё ещё давал понять, что зима и не думает сдавать своих позиций, и что весне в этом бою придётся попотеть. Я немного прошёлся вдоль домов и сел под стёклами витрины какого-то магазина на корточки. Всё было непривычно теперь и даже как-то ярче, хотя я понимал, что это просто иллюзия. Те же люди, те же дома... Но теперь я знал, что это такое на самом деле. И масштаб меня слегка пугал.

Вот молодой парень ухмыльнулся вслед красотке. Пожилой толстяк, в свою очередь, тоже загляделся на стройные ноги проходящей мимо девушки. Всё та же ухмылка... Всё та же... Как

и миллионы лет назад... Как везде... Повторяющаяся биллионы раз в вечности ухмылка... Вечный треугольник. Только меняются ролями актёры. А символ третичной логики, матрица мира, вечный знак о трёх углах так всё время и маячил перед глазами людей, словно издеваясь над их умом.

Разве может обычный человек со своей ступеньки впитать в себя закон, объединяющий белое и чёрное? Те немногие, кому удавалось это уложить в своей голове, получали доступ к расширенному диапазону мышления, очищали таким образом тонкое тело (или попросту просветлевали, как это называется у людей) и, достигнув полного равновесия в их слое реальности, выбирали сами, остаться им здесь на благо остальных или уходить из этого мира дальше.

Теперь, когда я всё это видел своим Внутренним Зрением, я пытался привыкнуть к огромному объёму информации, которая валилась на меня со всех сторон. Я чувствовал течение энергий, и мог с большой вероятностью определить, где и когда те или иные люди попадут в зону возможного очага конфликтной ситуации. Например, я мог увидеть, как стусток серого цвета ползёт над дорогой, поднимаясь медленно вверх. И как разговор двух людей, стоящих чуть дальше по улице, заставляет его медленно сворачивать влево, и таким образом через два или три дома он окажется на уровне окон третьего этажа, и если сместится дальше, то попадёт прямо кому-то в квартиру и... Тяжело нынче лечится депрессия и упадок сил. Человек, получивший случайно подобное поражение своих энерго-каналов, может, конечно, принять экстренные меры по очищению себя, но... разве кто-то из людей пытается восстановить своё восприятие? Нет. Давно уже нет. Врачи давно научились успокаивать людей, суя им в рот разные таблетки и микстуры, уверяя их, что это поможет. Что ж, у кого вера в себя посильней - тому помогает...

Но сейчас я вдруг почувствовал нечто более весомое и тяжёлое, чем просто стрессовые эмоции людей. Я скользил вниманием вдоль улицы, пытаюсь разглядеть *это*. Вот вдруг едва заметно закружился мусор в воздушном водовороте. Чуть темнее стала тень на луже. Привязанная у магазина собака перестала вдруг лаять, и на её морде проступил лёгкий испуг. Выдохнул ветер вдоль стены...

Ноги мои пружиной распрямились, и я сорвался с места как гонщик со старта. Даже люди, проходящие по улице, не так удивились этому факту, как я ожидал. Да, не такие уж они и твердолобые, чуют всё-таки что-то в воздухе. Переглядываться друг на друга стали осторожно. А я уже летел к входу в метро и старался заметать за собой следы. Я-то знал, что происходит. Точнее, уже догадался. Кто-то пытался засечь меня и следил за моими передвижениями из смещённого слоя времени. И если бы он увидел, как концентрация энергии именно моей Личности столь явно и нагло возрастает... Он мог просто проявиться в физическом теле в любом месте улицы рядом со мной.

Дело в том, что любое живое существо, или попросту дух, имеет свою индивидуальную форму. Она неповторима и неизменна. Сама эта форма пуста, потенциальна, но при движении души во времени, то есть при совершаемых ею действиях, она заполняется эмоциями, чувствами, информацией и становится видна. Даже обычный человек чувствует так или иначе, меньше или больше, Личную Форму других существ. Бывает, когда эти формы радикально различны, люди испытывают взаимный интерес друг к другу и говорят при этом: «О, она так на меня не похожа! Мы совершенно разные, как две планеты! Поэтому мне с ней так интересно!» Или, наоборот, похожие формы, имеющие в своих спектрах похожие полюса свечения, стягиваются в союз, говоря: «Мы с ним отлично ладим! Мы любим одни и те же фильмы. У нас одинаковые предпочтения в музыке (друзьях, животных, обстановке дома и т.д.). Мы так похожи! Нам так уютно вместе!»

Иногда же, когда человек чувствует, что для прохождения следующего участка Пути Жизни ему не хватает определённых качеств, он на время интуитивно связывает себя отношениями с человеком, в Личной Форме которого присутствует тот вид энергии, в которой он нуждается, и таким образом происходит взаимообмен. Люди играют, таким образом, меняя качество своего содержания, частоту вибрации и светимость энергий в своей Личной Форме, но сама Личная Форма при этом остаётся неизменной. Опытное в таких делах существо с Открытым Внутренним Видением сразу может определить, чья вещь лежит перед ним, или кто находился в помещении последним, если он когда-нибудь встречал данную Личную Форму. Ибо каждый оставляет свой отпечаток на всём, что носил на себе или брал в руки, и везде, где бывал.

Совершенно естественным путём Личная Форма каждого с самого рождения начинает впитывать в себя информативное пространство, заполняя себя, придавая себе устойчивость. Люди, достигающие мудрости, с более высоким уровнем восприятия, знают это, и по возможности стараются освободить себя от того хлама, который Форма вобрала в себя механично и неосознанно, играя и развлекаясь. Стандартный подход: «Раньше, будучи маленьким, я много наблюдал за людьми в целом. В основном впечатляли взрослые. Я играл в свои детские игры и смотрел на игры взрослых, как на более масштабные и более сложные. Как и всякому ребёнку, наделённому любопытством, мне было интересно опробовать хоть частичку их игр. Я предвкушал слиться с этим, сунуть палец в банку с красивой этикеткой. Их машины, здания, газеты, развлечения... И всё можно. Можно пойти, куда хочешь, делать, что хочешь... Теперь же я не только влез к ним в самую гущу, но и пытаюсь менять их, менять правила игр, менять систему изнутри своими понятиями, целями, идеями...»

Знакомо, не правда ли? Да, как временно занимающему человеческое тело, мне было это знакомо. Но как Локи я знал, что моя Личная Форма должна оставаться по возможности пустой. Быть дырявой кружкой. Всё, что мне было нужно, я вбирал в себя, использовал, и оно уходило в трещину вовне. Чем более рыба прозрачна, тем более она незаметна в мутной воде. И дело не в навыках, а просто в принятии этой позиции. Личная Форма каждого существа способна оставаться текучей и пустой, где каждая вещь, прошедшая сквозь твою Форму, становится лучше и чище. Более чистая Форма своей пустотой чистит вещи (мысли, желания, предметы, другие Формы), более грязная - пачкает их. Ну? Кто жил до вас в вашей квартире? Вот-вот... Людям важнее хранить в своем уме ценник на продукты в магазине. Каждому своё.

Уйти от неловкого преследователя относительно легко. Достаточно в толпе людей заговорить с как можно большим количеством неординарных личностей и по возможности эмоционально, экспрессивно, чтоб в себя не могли прийти минут десять. Так твоя Личная Форма оседает бликами на их Формы, и преследователь начинает терять чёткий след. Каждая такая яркая личность будет занята в ближайшее время мыслями о странном человеке, заговорившем с ними, будет мусолить мозг размышлениями. И вся эта сверкающая яркая катавасия, воспринимаемая на уровне мыслей, будет сбивать с толку любого дилетанта. Но не профессионала. И этот оказался крепок. Сел на хвост прочно. Значит, засёк наверняка. Самое время вызывать подмогу. Я, было, уже собрался это сделать, но тут вспомнил, что я всё-таки Проводник.

«А почему бы...» - мелькнула у меня дерзкая мысль, и я, улыбнувшись одним углом рта, решительно остановился посреди станции «Площадь Восстания». Я собрался в комок внутри, прикрыл глаза, выдохнул и остановил дыхание. Быстро пробежал по всему телу вниманием, собирая малейшие излишки сил, оставляя только минимум, чтобы поддерживать тело в вертикальном положении, а сердце в автономном режиме. Чувствительность тела к внешней информации сразу обострилась до предела. И я вызвал свою Личную Форму, слился с ней внутри, а затем вобрал в неё окружающее. Камбала слилась с дном. Но чтобы достигнуть

полного равновесия, мне нужно было на мгновение стать качественно равным тому, что меня окружало. И я на мгновение выпустил до конца из себя воздух, сделав приём брюшного замка, и... остановил на секунду сердце. Всего секунда. Человек за секунду успевает сказать «двадцать один». Но какой это простор для собранной в наточенную иглу мысли. Я выбрал эскалатор перехода на станцию «Маяковская» и... стал им. А затем сердце опять ударило и пошло. Эскалатор встал.

«Смог» - спокойно заметил я. - «Ну? Кто последний?»

Последний по этому эскалатору спускался грузный дядька в засаленном пиджаке и с такой же засаленной лысиной.

«Мда...» - вздохнул я, чувствуя, что лёгкие вспоминают, как дышать, - «ну, ладно, могло быть и хуже!». И засмеялся, вспомнив об одном приятеле.

Был у меня один знакомый из Карелии, здоровый малый, и всё на оптимизме. Пил много и подолгу, но не грустил, а буйнил. По причине внушительных размеров и всем известной буйности его оставляли спать обычно там, где заснул. Будить никто не решался. Город был небольшой, во всех ресторанах и кабаках его знали, так и оставляли его спящим до утра, сидя на стуле лицом в тарелку. И приятель этот однажды мне сказал под моё плохое настроение: «Ерунда! Бывает хуже: очнёшься в луже - и пить охота!» Эту мудрость я хранил в себе на почётном месте и не раз доставал из тайников памяти, и всегда действовало безотказно вместе с приложенным файлом «улыбающаяся и довольная жизнью счастливая и пьяная физиономия Кости». Так его звали.

«Очки, дядя!» - полоснул я, и грузный субъект смахнул с носа очки. В тот момент, когда стёкла очков соприкоснулись со ступенями эскалатора, я втянул в себя воздух, прижав язык, открывая канал в теле для приёма энергии, и щёлкнул пальцами, завершив команду. «Дзинь!» - коротко брякнули стёкла и рассыпались. Я чувствовал нарастание враждебности со стороны преследователя, но нужно было выждать. Время в этой партии я ещё не взял на свою сторону. Дядька поохал, почертыхался, сунул оправу в карман и встал посреди зала, щурясь. Я незаметно качнул гравитацию рядом с ним.

«Какого хрена?» - раздался возглас уже и так раздражённого моего «подопечного», когда на него буквально свалилась дама с сумками. Стала оправдываться, мол, что-то ноги совсем не держат, голова кружится... Дядька крикнул и пошёл к поезду, лишь бы демонстративно удалиться, и... когда внимание людей на миг раздвоилось между женщиной с сумками и красным от гнева боровом, я прошмыгнул между ними, и, зажмурившись, устоял в пол, приказав: «Цветок!» Щёлк пальцами. Открыл глаза. И перешагнул через пробившийся сквозь гранитные плиты пола метро цветок мать-и-мачехи. Закрыл глаза. «Трава!» Щёлк. Открыл. Перешагнул через стебли травы, то там, то сям прорезающие плиты пола. Закрыл. «Больше!» Чехарда из запахов, сменяющих друг друга, била в нос. Плотность воздуха, казалось, играет в салочки. Я придержал дыхание. Открыл глаза, не отрывая их от пола. Травы стало больше, каменных плиток меньше. «Чуть соли в воздух. Не такой! Другого плана... шум... шире звук...» Открыл глаза. Трава.

Прошло минуты три, как я начал менять кубики реальности. За это время я ни разу не поднял глаз от уровня своих ног. Я знал, что нахожусь в уровне хаоса, и мог удерживать силой своего внимания только маленький участок реальности под ногами. Взгляни я чуть вбок или выше, ум получил бы мгновенный шок и самоустранился. Проще говоря, я бы умер на месте. Но я был жив и медленно поднимал глаза. Очень медленно ... Пядь за пядью я позволял попасть в моё поле зрения окружающий мир. Визуальность стабилизируется тяжелее всего. Бывали случаи, когда успокоенные остальными органами чувств, Проводники открывали канал зрительного восприятия (по-человечески - глаза), и на тебе! - деревья с домами вперемежку

висят вниз головой. «Этого не может быть, потому что не может быть!» - говорит ум в одно мгновение и умирает. Всё. Труп. Теперь бегай, ищи новое тело по тонким слоям Миров.

Меня, похоже, пронесло. «Вода и лёд» - выдохнул я облегчённо. Птички летают... Хорошо... Ум совершил немыслимо быструю операцию по обработке информации и услужливо подсказал: «Птички такого размера над водой должны быть белыми с чёрными кончиками крыльев. Классификация - чайки». Я даже не успел сообразить, что, тысяча чертей, забыл придать цвет птицам. Такая ошибка могла стоить жизни. «Спокойно! Всё уже хорошо!» - успокоил я прыгнувшее сердце. - Всё! Они белые с чёрными крыльями. Фу-у-у...».

Добрые пять километров от линии города. Залив. Отлично. Весь мокрый и без сил я опустился на прошлогоднюю траву, переходящую в песок пляжа с кусочками гнилого тростника. «Ну, что? Съел?» - я улыбнулся. - Теперь ты побегаешь... мозги себе поломаешь... Я растянулся прямо на земле и, закрыв глаза, уснул.

Засыпать в только что сформировавшейся реальности было крайне опасно, но я с непривычки потерял почти все силы и махнул рукой. Плевать, если даже она начнёт смещаться во сне, теперь уже выберусь.

День Кшахту, Сезон Лезвий.

Серые длинные тени прорезали небо от края до края.

- Дядюшка Эйхм наточил свой топор! - ухмыльнулся Учитель Равновесия и шагнул с балкона в тёмный провал двери.

А я всё стоял и восхищался красотой небесной картины. Моё время. Мои цвета. Как кусочек дома приплыл ко мне издалека. «Так оно и есть», - сказал я сам себе, - «сегодня коридоры между Замком и твоим миром сблизилась, поэтому реальность приобретает эти цвета». Я улыбнулся. «Знаю, знаю...» - ответил себе же, - «но как это всё-таки впечатляет!» Серые гроззовые полосы, переходящие в чёрные, с ядовито жёлтыми проблесками ионизированного до предела воздуха... Что может быть прекрасней? У нас дома всегда было так. Чёрно-серое небо с желтизной и ярко-зелёные, мокрые от повисшей в воздухе влаги, раскидистые деревья. И воздух... Ох, какой дома был воздух... По ночам били молнии. На домах поднимали шесты-ловушки, хотя и было известно, что в дерево Го, из которых сложены дома, молнии никогда не бьют. Но... как говорится, бережёного Бог бережёт...

- Дядюшка Эйхм! Ха!... - я сдвинул брови и состроил рожу.

Дядюшку побаивались. Знали, что силён. В Замке он был не то зрителем, хотя, казалось бы, за чем тут смотреть - один хлам видимый, не то садовником. Садовник здесь был тоже нужен как дракону второй хвост. На крышу Замка никто не допускался, а внизу так и вообще было невестно что, с такой высоты и не разберёшься. Если уж в Замке текучесть материальных вещей была повышенной, то, как я думал, над и под ним должна быть совсем уж чехарда. Соваться за пределы стен было равносильно самоубийству. Могло так на атомы разложить, что собирали бы потом по всей вселенной на отправку домой. А там тебя быстро... поленницу в три ряда, огонёк - вжих, пепел - в ямку, и сверху кустик Го посадят. Расти, малыш, перерождайся на здоровье. Только на балконы и можно было выходить. А здесь всегда во все стороны одно и то же: небо, небо и ещё раз небо. Хоть глаза себе просмотри. Скукота, блин.

Вот и Учитель сделал замечание вчера, застав меня здесь с постной миной.

- Похоже, ты не очень рад красоте того, что наблюдаешь, - не поворачивая головы, сказал он.

- Да уж, это точно, - шумно пропыхтел я.
- Тебе кажется это скучным?
- Что ж тут весёлого? Как в молочном супе фрикаделькой плаваешь!
- Ооо... Сравнение неплохое. За поэтичность - балл. Но за понимание предмета обсуждения - увы...
- Оно одно и то же. Изю дня в день. Небо и небо...
- Я, пожалуй, запишу эти твои слова, Локи. Уверен, через пару лет я преподнесу тебе отличный анекдот.
- А может... - начал я, но увидел, что Учитель уже исчез.
- Ну вот, растворился!... - буркнул я, - тоже в молочном супе пропал. Мы тут все в этом супе сгинем...

Скучал я по дому жутко. Прошло всего полгода с момента моего зачисления в Замок, и я понятия не имел, сколько мне тут ещё сидеть, и когда и чем всё это кончится. Пока проходили общие вещи: гравитацию, энергообмен, психологию и прочую ерунду. Скука и зубрёж. Ох уж мне этим практики по психологии! То со стула роняют спиной назад, то возишься с каким-нибудь типом из Низших (в общем, ни ума, ни фантазии), правишь ему мозги, правишь, а он ни в какую. А потом выясняется, что тебе подсунили поражённого Би-вирусом, и у него давно все программы мозга зациклены по круговой. Шутки у них такие! Учись, малыш...

Ладно, думаю, пойду йогой, что ли, позанимаюсь, а то пара часов, и темень навалится, тут уж и спать пора. Коли до Мёртвой Темноты уснуть не успеешь - всю ночь будешь метаться до утра, все шестнадцать часов. Они своими занятиями по смещению пространств иногда таких тут монстров вытаскивают... Я понимаю, что ночью легче сознание смещать по Слойм снов, но, блин, остальные-то здесь причём?! Попробовал я для интереса ночку не поспать, как же, чуть с ума от страха не сошёл. Всё жёстко. Шаг вправо - шаг влево, и привет.

Знают ведь, коли совесть чиста, сердце чисто, и нет отрицательных эмоций, боли там... страха... зависти - заснёшь как младенец, и весьма быстро. А коли заснуть не можешь - стало быть, камень за пазухой притаил. Вот и на тебе! - не спи на здоровье. Рискуй головушкой.

Вот интересно, а дядюшка Эйхм спит по ночам? Он ведь совсем шарахнутый на голову... Таскается вечно то с рубанком каким-то, то с пилой, то с метлой, то с топором... Да попроси ты любого Мастера, он тебе за полсекунды и пол выметет, и табурет из воздуха соберёт и двери зачистит и покрасит. И всё это, не шелохнув руками. Нет ведь, Эйхму нравилось всё самому, руками... Динозавр, блин. Ладно мы, неучи маленькие... А он-то не промах, только дурака валяет. Как-то раз хлопнул кто-то дверью перед его носом, не заметил, что дядюшка Эйхм идёт, так тот сквозь дверь, не моргнув, как нож сквозь масло прошёл и не поперхнулся. Даже не заметил. А всё метёлкой по полу пыль гоняет, пройдоха!

А самое главное, что прав был Учитель Равновесия. Эйхм как примета ходячая был. Глядишь, начал пыль выметать - завтра Летучий Песок нагрянет, в окна шарахать будет. А коль топор точит - так гроза. Я так думал, что вряд ли Эйхм чувствует заранее перемены. Ведь Замок стоял на пересечении Линий Миров, и в таком месте реальность практически граничила с Хаосом. Стало быть, сам вызывает. Вот колдун-то... шутник...

Оглянулся я на родное грозное небо, да и пошёл к себе. Прошёл через три зала с растяжками для воздушной акробатики, свернул в Стекланный Коридор. Пришлось повозиться. Комбинацию из тридцати трёх шагов с места в карьер не осилишь. Тут и спокойствие нужно и сноровка. Коридор хоть и казался обычным, да вот только пол в нём был ложный, обманной. Не было его, если точнее, вовсе. Были только разбросанные прозрачные площадки над бездной, по которым пройти можно было, только заучив наизусть их расположение заранее. Потратил

какое-то время... А тут и гул большого гонга прокатился по стенам. Предупреждение. Темнота надвигается...

Несколько кратких историй из жизни дядюшки Эйхма:

- 1. Однажды на просьбу дядюшки Эйхма один из учеников ответил: «Потом сделаю». На что Эйхм ответил: «Потом - это будущее, это - там. А ты - здесь и сейчас. Поэтому ты и «потом» - понятия несовместимые. Ты не можешь быть в будущем. Никогда. Поэтому принимай решение и делай то, что я попросил, или не делай вовсе».*
- 2. Однажды дядюшка Эйхм спросил у Ученика: «Где ты оставил тот шар, что я дал тебе третьего дня?» И ученик ответил: «У того же самого камня в конце коридора, где мы стояли вчера». Эйхм тогда сказал: «Даже камень не может быть тем же, что был вчера. Чтобы найти тот же самый вчерашний камень, мне придётся вернуться во вчера».*
- 3. Однажды дядюшка Эйхм подметал дорожки, ведущие к террасам. Пыль, остатки чьей-то шерсти и перьев, волосы... всё это взлетало в воздух и оседало на два-три шага впереди метлы. Проходящий ученик остановился и замер, замороженный этим зрелищем, а потом неожиданно воскликнул: «Эх, дядюшка Эйхм, ты бы видел, как красиво кружится пыль в свете солнца, поднимаемая твоей метлой! Особенно вот то пёрышко...» Эйхм улыбнулся, обернувшись, и быстро спросил: «Это?», и указал на опускающееся на пол впереди пёрышко птицы Иам, - «Наслаждайся же им! Дарю!». И тут ученик увидел, что пёрышко, почти опустившись на пол, вдруг оказалось в верхней точке своего полёта и опять начало оттуда падать... Прошло несколько периодов времени, а пёрышко всё падало и падало раз за разом, словно вырезанное из общей картины, и луч одного из солнц всё так же играл на нём переливами. А Эйхм осторожно обогнул его и пошёл мести пыль дальше. Прошло множество смен Сезонов, но любой, кто придёт в этот уголок Замка, всё так же увидит раз за разом падающее перо. «Истинное наслаждение всегда приятно приправить вечностью» - говаривал дядюшка Эйхм...*
- 4. Дядюшка Эйхм шаркал по пустому залу (безусловно, шаркал он для удовольствия, ибо, когда нужно было, мог ходить бесшумно как Пи-тиу-тоу в лесах), и уж собирался встать в круг перемещения секторов, как вдруг заметил ученика, сидящего в углу на корточках. Не обращая внимания на столь явно выраженную позу «защиты-отчуждения», Эйхм подошёл ближе. Ученик явно недавно плакал. «Случилось?» - выпало невзначай из потрескавшегося сморщенного рта. Ученик насутился и ещё сильнее обнял руками колени. «Ну?» - давая понять, что это последнее, что он произнесёт, пробурчал Эйхм и полуразвернулся спиной. «Да голова разболелась - никак не справиться самому. (Да уж, просить помощи в таких вещах для ученика - позор.) А завтра сдавать Относительность, а я в ней толком ничего не понимаю!» «Хм...» - только и сказал Эйхм, а потом с размаху опустил свою палку-посох на ногу ученика. Ученик сначала взвыл от боли в ноге, но вдруг замер, и лицо его просветлело. «Спасибо!» - воскликнул он, вскочил и убежал к себе. Так Эйхм решил сразу обе его проблемы.*
- 5. Из класса выходили ученики и восторженно обсуждали демонстрацию сиддхи (магического свойства) Учителем. Один из них выделялся из толпы товарищей*

унылым видом и опустошённостью. Палка дядюшки Эйхма внезапно преградила ему дорогу. Эйхма любили все, как обычно дети любят старого сторожа, который вроде и взрослый, но тоже не прочь поозорничать и поделиться секретами.

«Мне никогда не достичь такого!» - вздохнул ученик.

Дядюшка Эйхм поднял бровь.

«Я про Учителя Воды» - объяснил ученик. - «Мне никогда не стать таким как он!»

Эйхм закашлялся по-старчески, кряхтя от самой середины груди, а потом сказал:

«Ну-ка повтори...»

«Я об Учителе...» - начал было опять ученик.

«Да нет. Повтори то, что сделал сейчас я» - прокряхтел дядюшка Эйхм.

Ученик попробовал кашлянуть.

«Плохо», - огорчился Эйхм. - «а если очень постараться?»

Но как ученик не напрягался, глубокого старческого кашля так изобразить и не смог.

«Дааа...» - изрёк дядюшка Эйхм, - «мною тебе тоже не стать!»

И ученик вдруг всё понял и улыбнулся, просяв.

«Птица летает высоко, а ползает змея всё же лучше» - любил брякнуть невпопад дядюшка Эйхм.

20.05.20...г.

- Много раз прыгал? - спросил Сан Саныч, развалясь на травке.
- Раз пять-шесть за последние дни, - ответил я.
- Сильно смещался?
- Да нет. Старался самую малость. Даже цвет домов не терял.
- Близко подбирался? - поставив ударение на последнее слово, хитро сощурился Сан Саныч.
- Ага. В последние раза два я почти уж увидел его самого. В последнюю секунду пришлось автобус на другую улицу свернуть со всем содержимым.
- Так-так... выговор по работе... рассеянность... явка к врачу...
- Да ничего шофёру не будет! Я ему просто на скорую руку фантом слепил. Прямо перед автобусом и поставил.
- Ушибы? Травмы?
- Сан Саныч... Обижаешь... у меня по Законам Кармы всегда были «шестёрки».
- Знаю я ваши липовые «шестёрки»...
- Сами знаете, за «проход» то всё равно платить придётся. А где пол-литра, там и на посошок полтинник погоды не делает.
- Браводы в тебе много... ну да ладно... Мне тут сорока на хвосте принесла, что переводить тебя будут.
- Куда это?
- Не надейся - ухмыльнулся Сан Саныч, - в Нижние.
- У меня лимит скоро выходит.
- Дык прямо оттудова к начальству и прыгнешь. А там, в Замке, оформишься и домой, отдыхать. Потом уж к нам, в расположение Двора.
- Меня ж в Нижних покромсают сходу!

- Ну, не в самое пекло же тебя кинут, не бойся. Там хоть и туго с осознанием у местных, но тебе впасть в их вертеп совсем уж не дадут. Не беспокойся, присматривать будут. Да и я всё равно по работе буду рядом с тобой, как ни крути. Я ведь, как и ты, частенько выполняю поручения Её Величества.
- Да уж, только я этого замечать не буду.
- Издержки производства, сам понимаешь. Служба, так сказать...
- Вот блин! Я-то уж думал, здесь придётся до конца сидеть. Настроился... Тут всю дорогу местные о Конце Света твердят... Думал, вот посмотрю разок как Система рушится. Салют, наверно, масштабный.
- Это же мифология, Локи. Эпосы, сказки, пугалки да страшилки... Ты же знаешь, как это бывает... хлоп - и всё.
- Ну, будучи Андреем, я ж в это верить буду...
- И ещё успеешь этим насладиться, если всё пройдет гладко.
- В Нижние-то меня куда?
- Откуда считать? (Сан Саныч спрашивал систему отсчёта данных, ведь не имея прямого доступа к Высшему Языку, он мог объясняться сейчас со мной, используя только данные моего человеческого ограниченного мозга).
- В Ведической, например...
- Патаналока.
- Ой-ё! Влип...
- Погоди расстраиваться. Приказа ещё не было. Всё только на обсуждении.
- Мы не умеем расстраиваться, ты ж знаешь. Я ж так... играю... Надо - значит надо.
- Ты лучше других показал себя, потому тебя и предложили.
- Да... в самое пекло.
- Ну не совсем в самое... - ухмыльнулся Сан Саныч.
- Угу... дальше только подвалы Вселенной...

В воздухе вдруг возник лёгкий аромат сирени и чего-то тонкого экзотического.

Запах наверняка не заметил бы никто из людей, но мы с Сан Санычем мгновенно переглянулись.

- Ли! - выдохнул я, узнав запах. - Сейчас явится...

И точно. На аллее среди деревьев появилась Ли в сопровождении молодого человека. В тишине утреннего парка было хорошо слышно, как Ли бессовестно охмурыла юношу.

- Вы такооый галантный... - тянула на деревенский манер Ли.
- Ну что вы, Елена, просто вы сами...
- Нет-нет... Вы действительно душка! - щебетала Ли.

Сан Саныч поморщился: «Боже, где она этих словечек набралась-то?»

- У нас это называется ПТУ, - заметил я.

Спектакль меж тем приближался к нам. Ли в нашу сторону даже не поворачивала головы.

- Жорик, вы - чудо! Я буду думать и размышлять о вас всю долгую ночь...

Сан Саныч скривился в улыбке: «Меня сейчас стошнит».

- Елена...
- Павловна, мой хороший.
- Да-да... Елена Павловна. Вы если вдруг захотите, так что сразу и звоните, я подъеду и...
- Конечно, Жорик, всё было так чудесно! Но ныне и теперь, Жора, я вынуждена вас покинуть. Я договорилась с подругой встретиться здесь, и вы понимаете, будут вопросы... объяснения...
- Конечно, Елена Павловна, что вы... Я всё понимаю. Жду вашего звонка, Елена...

- Павловна, мой рыцарь... Павловна...
- До свидания!

Ли послала Жорику воздушный поцелуй и в позе «загрустившая о вечном Мерлин Монро» застыла на берегу пруда, аккурат спиной к нам.

- Брависсимо! - шепнул я и бесшумно похлопал в ладоши.
- Финал особенно удался режиссёру - прошептал Сан Саныч, делая вид, что поправляет невидимое пенсне, и мы оба хрюкнули от смеха.

Простояв в романтической паузе ещё минут пять, Ли рассеянно оглянулась.

- Хвоста нет - изрёк Сан Саныч.
- Вижу! - раздался между его и моим ухом громкий шёпот Ли.

Я от неожиданности чуть не подскочил. Ли всё ещё стояла шагах в тридцати от нас. Я изумлённо взглянул на Сан Саныча.

- Она, всё-таки, ещё совсем ребёнок - покачал головой тот, - использовать Эфирные Коридоры для подобных шуток...

Посмотрев на меня, он понял по моему озадаченному виду, что я всё ещё не в курсе происходящего.

- Она - Мастер Времени, не забывай, - покачал головой Сан Саныч, - она просто переворачивает пространство во время и наоборот. И делает это виртуозно. В данном случае она просто заставляет двигаться звук своей речи в виде радиоволн на заданное расстояние.

Я, конечно, рот прикрыл, но фокус меня впечатлил и особенно понятней не стал. И вот почему:

Мои знания об Эфирных Коридорах начинались с курса «Время. Его природа и свойства» на первых трёх ступенях обучения в Замке. Конечно, теорию я знал отлично. И то, что время - производная ума. И то, что время не имеет никаких точных параметров, как любая относительная вещь. И то, что время теоретически может превращаться в объекты (таким образом оно и хранилось в Зале Игр). И конечно, то, что время и пространство - это суть одна медаль с двумя взаимозаменяемыми сторонами. Но практически...

Практически, как Проводнику, мне не требовалось управление временем на высоком уровне. Проводники использовали достаточно грубую форму воздействия и преобразования, а именно звук. Определённые сочетания форм и качеств звука позволяли трансформировать природу времени. Оно становилось тем или иным своим свойством, в зависимости от настройки Проводника. Но как всякое грубое воздействие, оно порождало грубый результат.

Однажды попав в серьёзную передрыгу в одном из Верхних Миров, Проводник решил вывести своих клиентов из очага нападения. Прямо посреди оживлённого города, встав на площади (форма пространства, окружающая в этот момент «взывающего» очень важна), он воззвал к Узору мантрой, бросив таким образом все имеющиеся Силы на создание Эфирного Коридора. Огромная «дура» диаметром в пятьсот шагов грохнулась прямо с неба на глазах изумлённого населения, и отрезала как ножом всё, что попало внутрь её пределов. А затем Проводник задал координаты, и эта штукавина швырнула кусок города со всем содержимым через четверть планеты и установила посередь джунглей аж двести восемьдесят оборотов планеты ранее времени возврата.

И три квартала домов оказались посреди живого агрессивного леса, при этом отброшенными на два с половиной века назад. Просто Проводнику не хватило спокойствия и Сил правильно проследить траекторию Коридора. Всего ничего...

К тому же, на месте образования и смыкания Эфирного Коридора образуется энергетический рубец, который долго и болезненно заживает в невидимом обычному глазу спектре. Он

стягивает на себя энергию близлежащего пространства, выворачивая его наизнанку (то-то интересные сны снились жителям Юго-Западного района Петербурга в 1991-94-ом годах двадцатого столетия).

Пробивать подобные Коридоры было делом очень тяжёлым и крайне плохо контролируемым. У меня вообще не получалось удержать размеры «голодной трубы» (как мы её называли в Замке) меньше пятнадцати-двадцати шагов, поэтому то и дело я захватывал с собой совершенно ненужный хлам и мусор, иногда и в виде людей, что порождало очередные сказки и помогало творению местной мифологии.

И то, что Ли с лёгкостью и изяществом контролирует такую мощь, меня вогнало в краску.

«Птица летает высоко...» - вспомнился мне дядюшка Эйхм. Хм, ну как же, помню...

Ли рассеянно оглядывалась, словно рассматривая деревья. Кроме нас с Сан Санычем в парке было ещё человек десять... Пара на травке, подобно нам, растянулась в теньке шагах в ста от нас. Молодая мама с коляской у пруда читала книгу, покачивая малыша... Пожилой джентльмен с пятнистым спаниелем, бредущий вдоль живой изгороди дорожки...

- Гляди, - заметил Сан Саныч, - сейчас будет демонстрация для тебя. У всех девчонок мира одно на уме - выпендриться перед парнем. У Ли - тем более.

И только он это произнёс, Ли, медленно нагнувшись, подняла с дорожки среднего размера камень, прищурилась на солнце и метнула его, всем корпусом развернувшись, словно пружина. Только старый джентльмен уловил и понял её движение, но и его взгляд был схвачен и увлечён вслед летящему предмету. Стремительный треск сшибленных веток, и вот уже с громким криком срываются птицы... Я мысленно считаю... «двадцать один, двадцать два, двадцать три...»

Три секунды, и всё вернулось на круги своя. Парочка на траве стала что-то обсуждать, молодая мама уткнулась обратно в книгу, пожилой мистер с собакой удивлённо вертел головой в поисках исчезнувшей из-под его носа хулиганки. Тщетно... Ли уже сидела около нас, отгородившись широкой спиной Сан Саныча от хозяина спаниеля. И только слегка изумлённые глаза собаки, всё ещё смотревшей в нашу сторону, выдавали Ли с головой. Да... пса такими трюками не обманешь. Только его собачий взгляд, расфокусированный от природы, успел среагировать. Пёс, мгновенно обернувшись, увидел, как девушка в платье, сделав прогиб назад, пружиной оттолкнула ногами землю и, примерно за двенадцать переворотов с ног на руки и обратно, покрыла расстояние до нас прежде, чем отвлечённые шумом люди вернули своё внимание на место.

- Дитё! - изрёк Сан Саныч и нахмурился.

- Тренироваться полезно всегда - парировала Ли, ничуть не запыхавшись.

Дядечка с собакой поравнялся с нами, и ей пришлось немного сместиться глубже за спину Сан Саныча.

- Вот-вот. Всегда чуть что, Глиук прикроет... - театрально надул он щёки.

- О чём шла речь? - поинтересовалась она, косясь по сторонам.

- Локи приходится часто смещаться в последнее время.

- Причина?

- Наш неутомимый недруг. Он крепко вцепился в хвост. То ли ему, то ли нам с тобой, Принцесса.

- Взять? - наострила уши Ли.

- Его?! Он без страха в одиночку преследует Проводника! Нет, Ли, извини, эти экстремальности не по мне...

- А его параметры?

- Есть кое-что, - протянул я, встревая в беседу, - похоже, из чёрного диапазона.

- То есть, пришёл с Нижних? - скорее утвердительно заметила Ли.
- Вроде бы... А вот второй цвет, цвет принадлежности к сущности, понятен смутно. То ли синий, то ли фиолетовый...
- Разлёт большой...похоже на семейку рептилий или ящеров...но может быть и насекомое...
- У меня созрело предложение тут одно, но не уверен, что вы примете его с радостью - я покосился на Глиука.
- Ну?... - мрачно выдавил он.
- Прямой контакт.
- Я положу его во втором раунде! - задорно подскочила Ли.
- Ли, не забудь, нам нужно быстрее отсюда выбраться. И даже твоё Мастерство нам не поможет, если с Локи что-то случится. Нужно быть максимально осторожными. Прямой бой с неопознанным существом может выдать нас с головой, да и результат предсказать нельзя заранее. К тому же, пока я здесь, я за тебя отвечаю.

Ли послушно склонила голову и села, расслабившись. Я тоже приуныл. Как-то я и не подумал о безопасности. Навыки восстанавливались весьма постепенно. Случись что со мной, и эти двое будут обречены на заключение в стенах этой Системы вплоть до смены физического тела, то есть до момента биологической смерти.

И даже если бы их обнаружили, и возникла конфликтная ситуация, Глиук и Ли могли десятилетиями путать следы, используя хотя бы те же Эфирные Коридоры. Но выйти за пределы этой конкретной Системы они б не смогли. А так как время течёт везде по-разному, никто не знает, через сколько сотен лет на Амбионе (к которому примыкал и Замок, где я учился) сообразили бы, что в данной Системе с Проводником что-то случилось.

Здесь нужно пояснить, что Эфирными Коридорами можно было пользоваться только в границах одной какой-то Системы (одного мира), где были временные и пространственные потоки, направления. Но Системы между собой не были связаны материей. В определённом поясе между любыми двумя Системами был участок, в котором не было ни того, ни другого. Здесь не было времени вообще, так как масса вещества равнялась практически абсолютному нулю, переходя в направленное осознательное состояние. Это было идеальной защитой Вселенной. Ничего из существующего на свете не могло перейти из Системы в Систему, сохраняя сущность и качество. Перескочить мог только сам дух, сознание, да и то, если он был освобождён из-под сетей Закона Кармы, либо по срабатыванию последнего мог быть перемещён, куда следует.

Долгое время оставалось загадкой, как же всё-таки преодолеть барьеры между мирами разных Систем. Многие Мастера уже давно знали о существовании других Систем миров рядом с их собственной, но совершить этот прыжок не представлялось возможным. Пока не нашёлся Первый Проводник. Замок на пересечении миров, в Амбионе, стоял уже тогда, и уже тогда существовала школа Мастеров, где детей, одарённых разными талантами, воспитывали в соответствии с их данными.

И вот однажды проводился урок Синтеза. На этаж школы Видящих («Смотрящих сквозь») пригласили одного из учеников Мастера Равновесия (данное направление школы дошло даже до этой «Солнечной» Системы в виде её теоретической части. Здесь её называют Даосизм). Ученик этот давно болтал о парне, с которым был знаком ещё до отправки в Замок, в своём мире. И тот, по его словам, брал его несколько раз с собой в странное путешествие. Он заставлял танцевать и повторять его движения. Порой это было смешно и забавно. Но в какой-то момент тело переставало слушаться и само начинало вырисовывать какие-то фигуры, прыгать, затем ползать по полу, говорить непонятные слова... А затем оно исчезало, и исчезало всё вокруг. И тогда этот

парень захватывал находившегося рядом в себя, в свою голову, и слипался с ним, с его сознанием. А потом шагал *внутрь себя*. И они оказывались в том, *чего никогда не было, и которое было всегда*. Сознание любого, кто побывал там, переходило в состояние пассивного ожидания, что-то типа «сейчас что-то случится, и вот тогда...» или «ещё чуть-чуть, и что-то сдвинется». Но это «что-то» и это «чуть-чуть» не происходили. Это было за границами времени. И только этот парень сохранял каким-то образом своё личное самоосознание-во-времени. И перед ним разворачивалась Большая Система. Система Систем. Миллионы миров, спроектированных в совершенно других параметрах, имеющих совершенно другие приоритеты и задачи... Он просто шагал в одну из этих Систем сквозь самого себя, неся в себе ещё одно сознание, сознание «пассажира».

Когда же он вместе с пассажиром вываливался в одном из миров другой Системы, то как бы отрывал сознание второго, и они оба пересобирали физические тела в соответствии с параметрами этой Системы, и следуя Схеме Сознания каждого из них.

Много позже, когда в Замок доставили этого парня, выявились некоторые детали происходящего. Проводник во время «прыжка» в другую Систему никуда не исчезал из своей собственной. Он как бы впадал в транс, и хотя тело его теряло свойства материального объекта, он всё же сохранял здесь свою индивидуальную форму.

Тогда за дело взялись Мастера. За долгие годы поисков обнаружили ещё три подобных существа. Они были объявлены «Находящимися Под Защитой», и со временем число поступающих сигналов о нахождении подобных увеличивалось. Мастера сумели довести Проводников до высокого уровня владения своим талантом.

По сути, Проводник, не вставая с кресла, мог разделяться на две-три отдельные сущности и находиться в разных местах одновременно. Своим физическим телом он оставался в Замке, и в то же время мог пребывать в качестве полноценного жителя одной из соседних Систем, дублируя себя как файл в компьютерной сети. Его «Я» в этот момент играло в своеобразное перетягивание каната от одной личности к другой, но, как правило, Проводники без труда удерживали себя в дубле, а их настоящее тело оказывалось, таким образом, материальной базой, куда любой из двойников мог вернуться.

Специально обученные существа *Тин-Тонгу*, отличающиеся тонким чутьём и интуицией, следили за жизнеобеспечением матричных тел Проводников, которые находились в специальных капсулах внутри сферы под куполом одной из башен Замка. Но даже они не могли почувствовать в стабилизированном состоянии Проводника какие-либо изменения в вибрациях энергии.

Если дубль Проводника, будучи им самим, погибал где-либо за границами внутренней Системы, тело продолжало функционировать, лёжа в Сфере. Но вот сознание такого Проводника уже не возвращалось в него, он был обречён странствовать среди Систем, не имея материальной формы до той поры, пока не срабатывали импульсы внутри его ума. Таким образом, Проводник просто перерождался заново в спонтанно выбранном им месте и времени. Естественно, следовала полная потеря информации, и такой индивид начинал всё заново, с нуля.

Нечто подобное происходило и всякий раз, когда Проводник открывал и закрывал «шлюзы» между Системами для переброски клиентов. Сам момент переброски и всё, что с ним было связано, стиралось из его памяти само по себе, автоматически, чтобы перестройка сознания не вызвала смертельный шок. А вот клиенты, будучи «прицеплёнными» существами, могли сохранять свою информацию внутри своего разума, ибо трансформации не подвергались.

Об этом всё я и вспомнил, глядя на Сан Саныча и Ли. Теперь я вспомнил и игру «тянучку», которой обучался с целью перебрасывать сознание в разные точки. Я медленно, но неуклонно начал складывать внутри себя сложную головоломку понимания ситуации.

- Я ведь не здесь - медленно произнёс я.
- Не понял - удивился Сан Саныч.
- Я настоящий не здесь?
- Ах, вот ты о чём... Э-э... собственно, затем мы тут и находимся...
- Чтобы я перебрался туда?
- Он о «тянучке»! - радостно подхватила Ли.
- Чтобы ты на короткое время очнулся там, - спокойно продолжил Глиук.
- В Замке?
- Да.
- Но почему там?
- Там нулевая точка отсчёта на пересечении Силовых Полей, рядом с Амбионом. Оттуда мы сможем попасть на...

Сан Саныч умолк на мгновение, и потом подмигнул Ли.

- Вот сюда! - сказала Ли и положила мне на лоб свою ладонь.

И я провалился в темноту, а потом я стал падать спиной сквозь звёздные карты, слой за слоем, спиной чувствуя Нижний Предел Веретена.

«Веретено!» - полыхнуло у меня в мозгу название Системы, где мы сейчас находились.

День Састакелле, Сезон Стекла.

В воздухе разлилось ожидание. Всюду чувствовалась торжественность. «Ты слышал?» - неслись короткие полупугливые-полурадостные оклики в коридорах. «А как же!» - звучало в ответ. Почти все в Замке знали. Сегодня прилетит Птица Си. Собственной персоной.

Каждый знает, как капризна Птица Удачи. Настроение её словно позёмка в переулке, то туда потянет, то сюда завлечёт. И приём подобной гостьи был серьёзным испытанием хладнокровию и невозмутимости Учителей. По периметру десятого этажа вокруг главного корпуса располагались нависающие над воздушной пропастью террасы. В специальных углублениях по краям перил, сегодня красовались огромные каменные шары. Зная предрасположенности пернатых Верхних Миров, хозяева Замка распорядились поставить шары так, чтобы Синие Птицы чувствовали себя комфортно в среде максимально приближенной к их собственной. Небо уже начинало приобретать дымчатый серо-голубой оттенок, и вот-вот хрустальные грани перехода должны были появиться в воздухе.

На Площадке Почётных Лиц, находящейся чуть выше и выдвинутой ещё чуть более вперёд, стояли Советники Замка в серых лёгких одеждах, четыре или пять Учителей, два ученика сзади из школы Дипломатии и даже один Нууки.

- Мда... набежало... - буркнул я.
- Да уж, не каждый день фортуна перья разбрасывает, - отозвался стоящий рядом в толчее Игина.
- Мадам, говорят, капризная...
- Как и её свита. Сейчас поглядим...

Было несколько непривычно видеть столько народу сразу. Тем более, что все столпились на балконах и террасах, и меня несколько пугала ненадёжность архитектуры за древностью последней. Я поёжился. Воздух становился сухим, почти острым.

- Тут и поперхнуться можно - начал я...
- Гляди! - толкнул меня справа Рой, - вот они!

Усиливающийся гул голосов прокатился волной по головам встречающих. Я увидел три прозрачных тоннеля, как бы повисших в воздухе над Замком. Они были еле видны, и совершенная их прозрачность не позволяла точно определить их количество.

- Три.
- Нет... пять, вот там... выше...
- А вот ещё два с краю...

Мы тыкали пальцами в высоту, считая тоннели. Было похоже, что они как бы текут от краёв горизонта и обрываются над Замком.

В следующий миг все инстинктивно пригнулись, так как резкий шум распарываемого воздуха, усиленный эхом тоннельных стенок, практически оглушил нас. Что-то неуловимо быстрое, словно пуля, просвистело по одному из тоннелей и вывалилось из него прямо в воздух над нашими головами. Затем это что-то, подобное клубку или шару, развернулось во все стороны, и я... остолбенел. С роду не видел я такой красоты! Распластав в стороны широченные крылья, изогнув вниз шею, на нас смотрело настоящее чудо. Крылья у неё были очень широкие на первый взгляд, но потом я рассмотрел, что это были несколько рядов крыльев, располагающихся один над другим по уменьшению к спине, разворачивающихся в воздухе на манер веера в момент зависания Птицы, и складывающихся в узкие полоски «одно в другое» при набирании скорости. Из хвостового оперения лениво свисали три нервно подёргивающихся жгута, напоминающих хвост то ли гигантской обезьяны, то ли огромной мыши. Но самое главное... лицо. По-другому это было не назвать, ибо столько царственности было в нём, что поневоле хотелось согнуться в поклоне. Глаза её действовали на меня, как змея на маленькую птичку, и напоминали собой полоску ртути, горизонтально застывшую во льду. Размах её крыльев в воздухе был около двадцати шагов. Мы все аж присели, когда эта сверкающая громадина, переливаясь по телу всеми оттенками синего цвета, буквально рухнула нам на головы.

Конечно, нам нельзя было уж совсем пасовать, ведь для Ученика было бы позорно проявлять наружу такие низменные эмоции, как страх. Но внутри я и рядом стоящие товарищи, очевидно, были сейчас в состоянии молитвы, в которой все слова были о возможном продолжении жизни.

Сделав перед посадкой плавный мах крыльями, от которого нас всех чуть не сдуло «за борт», Птица Си обхватила одной из двух лап стоящий на углу перил шар и села на него, поджав вторую. Я смотрел на это и ожидал, что вот-вот хрупкое равновесие нарушится, и всё это кувырнётся как неудачная колонна из клоунов в цирке. Но нет, Си чувствовала себя очень даже спокойно и уверенно.

Всё это заняло в суматохе немного времени, и как только один из Советников сделал шаг к Си, она указала ему клювом вверх, изогнув шею.

Резкий грохот застал нас опять врасплох.

- Пряма реактивная тяга! - уважительно шепнул Рой.

Второй тоннель прочертил еле видимый на скорости снаряд и развернулся второй Птицей, но поменьше размером, что не умаляло внушительности зрелища.

Ещё один тоннель прогрохотал. Потом ещё. Все уже немного пообвыклись и осмелели.

Когда седьмая Птица села на каменный шар, тоннели в воздухе стали таять, складываясь при этом, словно подзорная труба.

- Аоум - приветствовал Птиц Советник, сложив кончики пальцев.
 - Аоум - произнесла Птица на свой лад.
 - Всё в порядке? Дороги нынче чисты? - осведомился Советник.
- Все стояли молча. Даже Учителя были напряжены.
- Чисто, - пропела Птица, словно вода сбегала по ступенькам.

- Сожалеем, что смогли принять вас только сегодня, ибо ранее...
- Мы знаем. Смерч нарушил баланс вращения Системы. Дороги только недавно восстановились. Нам легко удалось это пережить, а вот в Нижних Пределах, наверно, было совсем туго.
- Да, конечно. Смерчи ведь зарождаются внизу.
- Именно. Мы решили сойти вниз для наблюдения и возможной помощи.

В момент диалога все почтительно и молча стояли, ловя каждое слово, исходящее от Птицы Си. Никто и не заметил, как в проёме появился дядюшка Эйхм и проковылял мимо Советников прямо к гостю.

- Ваше Величество! В добрый миг! - громко ухнул Эйхм и протянул старческую руку. Все остолбенели от подобной фамильярности.
- Сейчас она ему, ох, задаст! - прошептал Игина сзади.

Но Птица, дружелюбно прикрыв превращающие всё вокруг себя в окаменелость глаза, нагнула шею к дядюшке Эйхму.

- Вот ты где, мой хороший! - пропела, улыбаясь, Си. Эйхм провёл рукой по перьям её шеи и склонил голову набок, прищурившись.
- Значит, правда?
- Конечно! - Си совсем зажмурилась.
- Эх я... ладно... проспори! - буркнул дядюшка Эйхм, и поклонившись, развернулся и вышел с террасы под общее изумлённое молчание.

Птица немного развела крылья и театрально закатила глаза.

- Не обращайтесь внимания, просто мы немного поспорили, - заметила она, явно довольная.
- Поспорили? - недоумённо протянул Советник.
- О, это было давно... очень давно... когда ещё каждый из нас не был тем, кто есть сейчас.
- ???
- У меня тогда ещё не было птичьих крыльев, а наш общий друг тогда ещё носил разноцветные безделушки на ногах и руках...
- ????
- Он был тогда... маленькой девочкой, как и я, в одной из соседних Систем.
- Простите, Ваше Величество, - вступил на площадку сбоку один из Учителей Исполнений Решений, - можно из любопытства? А о чём был спор?
- О карме. О том, что мы с ним ещё обязательно свидимся. Я уже тогда много чего понимала в этом, - Си кокетливо распушилась.
- Эээ... понятно - протянул изумлённо Учитель.
- Да уж... - шёпотом залез мне в ухо Рой, - с такой поспоришь...

А я вообще пытался сложить в уме всю эту глобальную картину. То есть прошло Бог знает сколько лет, а Эйхм просто «Эх я...» и всё? С характером, видать, он девочкой был тогда, что с Птицей Си спорил, пусть хоть и с будущей.

Ближе к темноте Птицы ушли. Они долго о чём-то говорили с Советниками, порой прибегая к помощи Нууки. Птицы были немного на взводе, всё время нервничали, но спокойный и уверенный тон Советников их всё-таки убеждал и успокаивал. В конце концов, Си закивала и удовлетворённо отступила. Мы с ребятами всё это могли видеть с балюстрады, окружающей по периметру сверху Зал Преломления Света, через прозрачные вставки в потолке зала. Советник напоследок что-то тихо сказал, чем рассмешил Птицу Си, и она, улыбаясь, отмахнулась, играючи. Вызвали Учителя Проводников. Он подошёл к группе собравшихся и что-то убедительно стал говорить, показывая на окна Замка. Видимо, обращал общее внимание на скорое наступление Темноты. Все стали расходиться. Учитель жестом пригласил Птиц

следовать за ним, и они скрылись в проёме Восходящей Трубы, служащей подъёмником и средством сообщения между этажами. Видимо, Учитель повёл их на крышу здания, чтобы оттуда открыть Проход. Спустя некоторое короткое время сверху раздался характерный сильный хлопок, от которого сразу онемели уши. А вслед за этим я услышал уже знакомый теперь рёв распарываемого воздуха, который стал удаляться, и вскоре в Замке опять воцарилась тишина.

И тут раздался радостный крик из Зала Преломления Света. «Глядите, Птица Си оставила своё перо!». Тотчас в Зал стали стягиваться жители этажа, удивлённо и радостно наблюдая стоящего посреди Советника, в руках которого покачивалось бирюзовой волной длинное перо с тонкими свисающими нитями.

- Нам будет сопутствовать удача! - радостно и утвердительно заметил подошедший Учитель Равновесия.
- Благословение судьбы! Она потеряла перо! У нас в Замке! - слышались возгласы из набежавшей толпы.
- Как же... - скептически прищурился Рой, кладя руку мне на плечо, - бьюсь об заклад, мы обязаны этому капризу дядюшке Эйхму.

Я обернулся, но Эйхма видно не было. Хм... хотел бы я посмотреть на его реакцию. Я бы уж попробовал «просчитать» сейчас его мимику.

10.06.20...г.

Мы протискивались уже через зону Узкого Тростника, миновав третье кольцо Лабиринта, а злобная тварь всё так же продолжала висеть у нас на хвосте. Глиук был немного встревожен, а Ли практически впадала в панику. За последние восемь дней мы трижды входили в Узор, но закрепиться близко к внутренней границе переломного барьера в Лабиринте не удавалось. Тварь, как натасканный пёс, чуяла нас каждый раз. Едва мы начинали набирать скорость и свечение, она сразу появлялась вблизи, как чёрт из табакерки, и нам приходилось всё внимание переключать на то, чтобы быстрее уйти от «хвоста».

Глиук стоял вполборота ко мне и тяжело дышал. Мы были в парке, в двухстах метрах от шоссе, неподалёку от станции «Удельная». Тростник вошёл в Силу, и воздух вокруг нас становился удушающе сухим, земля чуть ли не трескалась...

Глиук замер, «считывая» информацию с окружающего. Я читал казавшуюся нескончаемой мантру на Северном Языке, в котором преобладали шипящие и стучающие звуки, удерживая стихию в положении равновесия, пытаюсь успокоить разбушевавшийся сухой ветер. В пятнадцати метрах вокруг нас, конечно, эта душегубка кончалась, и появился сейчас рядом обычный человек, он бы просто увидел лёгкий «оптический обман» дрожания воздуха, да и то вряд ли. Ведь стихии бушевали внутри нас, вызывая лёгкие изменения вокруг лишь как следствие. Под ногами же у меня трава желтела и ёжилась на глазах. Глиук, наконец, встрепенулся и повернул к нам своё лицо. Ли отчаянно посмотрела на него, подняла левую руку с указательным пальцем вверх и сделала жест правым указательным пальцем, как бы срезая верх левого. Тайм Аут. Глиук взглянул на меня. Я кивнул. Глубокий вздох, переключение режима восприятия, замыкание каналов энергии и легкое скручивание пространства вокруг себя. Мы вышли из зоны влияния Узора. Преследователь сразу отстал. Стал таять его «запах».

- Опять! Всё заново! - от досады Ли была готова скрипеть зубами .
- Это тоже результат. - ответил ставший обыденным Сан Саньчем Глиук.

- Ранг высокий у нашего «приятеля» - слова вырывались у меня с сипом, легкие ещё не успели отойти от быстрой смены температур.
- Да уж, больно наглый, действительно. - Сан Саныч потирал затылок.

Легкое колыхание воздуха ещё расходилось во все стороны вокруг нас, как волны после брошенного в воду камня. Случайные, попавшиеся на пути этой волны, люди ощутили на мгновение легкое дуновение тяжелого и душного горячего воздуха. Отзвук пожара, только что полыхавшего в клетке, запертой волей нас троих.

- Гм? - Ли требовательно посмотрела на нас.
- Ладно, придётся выманывать его, - Сан Саныч, явно недовольный, упёрся руками в бока, - но учти, Ли, никакой самодеятельности! Будьте любезны соблюдать субординацию, Ваше Высочество. Сейчас команду я. А потом уж Ваша воля будет, когда выберемся.

Ли неожиданно серьёзно, по-царски, кивнула. Даже лицо её изменилось на секунду, и мне показалось, что я вижу перед собой тонкое серебристое лицо с узкими светло-зелёными глазами под сияющим обручем на лбу. Я стряхнул наваждение, мотнув головой и сплюнув под ноги. Потом ещё чутка поплевал просто так, чтоб никто ничего такого не подумал, и мы втроем стали выбираться из лесопарка.

- Пара переходов, и мы были б уже у цели... - вздыхала театрально Ли.
- Расслабься, не в театре, - я усмехнулся в её сторону. Как же, охи - вздохи... поверю я её трагизму... Видели бы вы её пару часов назад.
- Мне просто иногда хочется вспомнить о том, что я женского рода. А женщины - ранимые и чувствительные создания.
- Трогательно... - только и заметил Сан Саныч, и мы с ним разразились хохотом. Это сразу ослабило хватку напряженности в сложившейся ситуации, и мы даже начали шутить.
- Вот увидите, я его, как замечу, так сразу ка-а-а-ак...
- А я его сбоку, и по голове, и по голове, если она у него, конечно, есть...
- Блин, дети малые... - ворчал в нашу с Ли сторону Сан Саныч, - вояки мокроштаные... Кстати, а почему вы всё "его" да "его"? Может это "она"?

Мы нерешительно замаялись на месте. Хм... Действительно, а почему? Я лихорадочно стал вспоминать спектр существа. Но дело не шло. Отрицательные накрутки так и маячили перед глазами, а вот сама половая принадлежность как-то ускользнула от меня.

- Да какая разница... - начала было Ли...
- Э, нет, не скажи. - Сан Саныч прищурился, - коли дамочка идёт по следу, то, скорее всего, это дела Вашего Двора, милая принцесса.
- И ничего такого я в последнее время не творила, чтоб за мной так целенаправленно бегать. И пальцами-то не шуршу...

Комната была столь мала, что головой мы практически задевали потолок. Старые деревянные балки подпирали хилую крышу. В затянутое пылью окно еле-еле пробивался свет снаружи. Пахло высохшими травами и дымом. Под потолком висел спящий Стик-Ай, летучий кровопийца с развернутыми ушами.

Место пахло неумолимой волей и силой. Нас семерых с разных пределов Системы согнали сюда для обучения контактному бою в зыбком пространстве. Здесь, за пределами этого дома, всё менялось сообразно мыслям существующих здесь жителей. Если в твёрдой реальности между мыслью и её воплощением проходит достаточно времени, чтобы можно было успеть затормозить или повернуть вспять раскрытие физической формы задуманного, то здесь мыслеформа распускалась как фикус в тёплой и влажной оранжерее. Чуть подумал - хлоп - и готово, получи - распишись.

Единственным самоосознающим жителем этой прелестной планетки был Махм-Атма, старик, давно отошедший от дел Учитель, который один только и мог в безопасности жить здесь. Полный контроль ума и воли позволяли ему держать участки местности в достаточно неизменном виде, а лёгкие перемены его даже забавляли.

- Здесь я не даю себе расслабиться, - отвечал на удивленные вопросы он, - дряхнуть, как старое дерево где-нибудь на отшибе - не по мне. А здесь я постоянно чувствую себя на передовой. Расслабишься чуть - и чайник с кипятком уже ледяной глыбой окажется.

Мы стояли гуртом, привыкая к обстановке, и осторожно перемигивались и шептались..

- К делу! - отрезал Махм-Атма наше шушуканье, - дорожку видишь? - обратился он к стоящему впереди меня мальчику и указал ему за окно.

- Вижу, - ответил тот.

- Останови его, иначе туго придется вам всем. - И старик чуть взмахнул кистью руки, при этом пальцы его сделали веерное движение, тихо, но отчетливо прошеурив друг об друга.

Мы хотели заглянуть в окно через голову ученика, встав на цыпочки, но старик грубо нас осадил: "Не смей! Сейчас вы зависите только от него".

Мы стояли и чувствовали, как нечто на расстоянии шагов трёхсот вдруг вздыбилось, собралось в комок и двинулось в нашу сторону.

И тут я заметил, что стоящая на подоконнике кружка отражает в миниатюре то, что происходит за окном. Я сфокусировал зрение и увидел посыпанную мелким камнем дорожку, огороженную с двух сторон живой изгородью из какого-то местного вьюнка. А ещё я увидел, как воздух в конце этой дорожки стал неумолимо и быстро темнеть.

- Что за..., - шепотом начал я, и тут изгородь прогнулась, как если б на неё опустили огромную скалку.

А затем эта "скалка" начала приближаться к нам со скоростью, едва ли не превышающей крейсерскую скорость Стик-Ая, болтающего сейчас у нас над головой. Угроза продолжала оставаться невидимой, но судить о её тяжести и громадных размерах можно было по проминающимся под ней ветвями и дробящимся камням.

Я понимал, что стоящие рядом вообще ничего не видят и не подозревают ни о чём. Только капельки пота, выступившие на шее ученика, показывали, что ему совсем невесело. Я подобрался и приготовился прыгнуть. Волна, сминая изгородь, летела к дому. И тут краем глаза я заметил, как встрепенулась рядом остроухая девчонка. Я почувствовал, как напряглись её мышцы. Её и так узкие, как бойницы Замка, светло-зелёные глаза сощурились до предела, и я отметил, что у неё у неё шрам над левой бровью, который искажил чуть-чуть её мимику. Я понял, что она чувствует эту штуку, катящуюся на нас неслышно и неумолимо. Старик безучастно стоял возле стены и ждал, скрестив руки на груди.

И вот, когда уже уши мои различили еле слышный пилящий визг этого летящего кошмара, и передний край волны готов был сокрушить дом, девчонка вдруг резко прыгнула и... зависла в воздухе под потолком, согнувшись. В следующее мгновение она взмахнула руками точно так же, как давеча старик Махм-Атма, прошеурив пальцами два веера её рук, и раздался оглушительный резкий хлопок. Почти одновременно с ней неосознанно я тоже подпрыгнул вверх, и прошедший сквозь стену шквал перевернул меня в воздухе. Поддавшись напору воздуха, я позволил себя кувырнуть через голову вперёд, а затем оглушённый, раскрыв руки и ноги в стороны, стал мягко опускаться на пол.

На полу лежали все остальные. У всех был шок. Перепад давления и последующий резонанс были настолько сильными, что лопнули крайние орбиты энергии нескольких учеников. Только я да эта девчонка стояли на ногах. На подгибающихся, но всё же на ногах.

Старик как стоял, так и продолжал стоять.

- Род? - резко спросил он у девчонки.

- Хэ. - твёрдо ответила она.

- Так вот в чем дело! - я опустил глаза. - Девчонка-то королевских кровей. Наследственный дар. Род, имя которого насчитывало всего два звука. Высший эшелон. Всё понятно...

- Это было не слишком честно – присылать тебя сюда наравне с другими, - нахмурившись, произнёс старик, и развернулся в мою сторону. - А ты?

- Сжувльничал! - честно признался я и указал на подоконник. - Кружка.

- Хитёр и сообразителен! – ухмыльнулся Махм–Атма, - но не дисциплинирован... Два часа «Дерева»!

Я наклонил голову в знак того, что принял приказ. Два часа крутить внешние орбиты энергии тела, ох, какая скукота.. Но делать нечего, я встал в стойку и прикрыл глаза. Виноват, понимаю...Но прежде, чем уйти в себя, я увидел, как старик подошел к девчонке и тихо произнёс: «Сделай ещё раз, но намного спокойней.»

Девчонка вытянула руку, раскрыла ладонь мизинцем вверх, а затем резко свернула её в кулак, повернув на 180 градусов. При этом пальцы её прошли краями друг об друга, издав характерное шурушание. Что-то дрогнуло вокруг её руки, и в воздухе запахло озоном.

- Понятно, - одними губами произнёс Махм–Атма и добавил, - Свободна. Тебя могут забирать. С твоим Учителем говорить буду.

Затем в сторону прошептал что-то неразборчивое, и мне показалось, что кто-то, прямо из воздуха перед его лицом, ему ответил, как будто плохо слышимый передатчик принял на мгновение отдалённую волну.

- Сейчас за тобой придут, - сказал старик и отвернулся, потеряв интерес к её особе.

Остальные уже очухались и медленно вставали с пола. Возникла небольшая суматоха, и как раз в этот миг девчонка повернулась ко мне и... улыбнулась. Я так и не успел ей ничем ответить, так как заметил это уже сквозь прикрытые глаза, впадая в транс. Только вертелось у меня всё в голове «Хэ...Хэ...Хэ...»

День Маа-Тэнгэ, Сезон Смещения Квадратов.

Сфера была из материала, пропускающего свет, но в то же время настолько матового, что определить время суток было невозможно. Это было сделано специально для спокойной обстановки находящихся в ней Проводников. Когда бы ни очнулся Проводник, он всегда видел вокруг мягкую серую невыразительную мглу Сферы, и первое напряжение физического тела оставалось заторможенным и ненавязчивым, дабы не вызвать шок.

Обычное задание, каких много... Прибыть в Систему, разместиться, занять позиции, составить карты, держать под контролем Эфирные Коридоры, ждать клиента...

Тин-Тонгу провела меня в Сферу, замкнула двери и встала возле стены с выражением ожидания команд в глазах.

- Мне нужно вывести излишнюю воду, - сказал я Тин-Тонгу после того, как встал на весы, отмеряющие равновесие жидкости в теле.

Она кивнула и пошла по периметру вдоль стены в другую половину Сферы. Я пока снимал одежду и предварительно проверял уровень температуры капсулы. Тин-Тонгу принесла подобие ночного горшка, поставила его на пол и деликатно отвернулась. Я усмехнулся. Тин-Тонгу имели

тело, которое при всём воображении можно было б с трудом назвать похожим на человека. Их метаболизм и функционирование органов настолько отличались от человеческой формы, что я вряд ли понял бы, что происходит, задумай она поесть или в туалет сходить. Думаю, мой способ писать был так же смешон и непонятен ей, как и многое другое. Но этикет есть этикет...

Закончив первый пункт, я приступил к выводу воды из мелких внутренних каналов кожи и капилляров. Я лёг в специальное мягкое «гнездо», и *Тин-Тонгу* накрыла меня сверху мягкой, но очень плотной тканью, напоминающей земную шерсть. Подоткнув со всех сторон это «одеяло», она склеила его концы с краями «гнезда» и я таким образом очутился в замкнутой камере. Ткань давала возможность дышать, но удерживала температуру выдыхаемого воздуха. Я свернулся в асану «зародыша» на боку, и стал медленно разгонять дыхание.

Всё глубже и чаще. Медленно, без спешки. Я знал, что организм сейчас перестраивается и сам определяет временные рамки, когда можно ускорять процесс. Кожа стала покрываться бисером пота, все четырнадцать воздушных внутричерепных каналов стали открываться друг за другом. Дыхание становилось всё глубже. И вот уже уровень вдоха достиг груди, и стал опускаться ещё ниже. Я почувствовал своё горячее дыхание у себя в паху, почувствовал, как пятки ног начинают менять структуру поверхности кожи. Ощущение было, что я весь сжимаюсь и уменьшаюсь, что было недалеко от истины.

Наконец, порог дыхания охватил всё тело, ещё чуть-чуть, и я «стал воздухом». Стихия Огня и Южного Воздуха утянула *Точку Весов* моего тела вверх, в Красный Квадрат. Хорошо... Теперь нужно было медленно остыть, не теряя при этом состояния внутреннего парения. *Тин-Тонгу* реагировала безукоризненно. Ткань под воздействием её «фрук» стала менять величину ячеек, плотность и температура воздуха внутри «гнезда» стали падать.

Через некоторое время я выбрался, встал босыми ногами на пол и зашлёпал к капсуле.

- Вводи параметры, - сказал я, укладываясь в неё поудобней, приклеивая клеммы датчиков на виски и затылок.
- Система «Веретено», Фиолетовый Пояс Верхнего Предела, сорока восьми полосная плоскость в Четырёх Векторах, Период Пассивного Разрушения..., - *Тин-Тонгу* стала перечислять основные параметры места моей высадки, а я, привычно складывая всё в заветный уголок своего ума, стал думать о доме. Как сейчас там? Наверно, уже взошли над горизонтом спутники, Го шелестят на тёплом влажном ветру и жёлто-серое небо покрывается первыми признаками изморозей, никогда не доходящих до поверхности планеты... Затихает гомон детворы, прячут под тент вещи хозяйки в ожидании ночного ливня, а хитрые, но добрые нравом *Уюмы* уходят в лес на ночёвку, подёргивая хвостами... Детвора с ними уже наигралась, а еды на ночь глядя уже не выпросишь...
- Хум! – мягко и тихо ухнула в углу *Тин-Тонгу*.
- Хум! – проверив своё состояние, ответил я.

Она вскинула «голову», чтоб видеть мою руку, которую я поднял вверх. А затем я жестом, известным всем живым осознающим существам, начал отсчёт, разжимая кулак по одному пальцу.

- Ха! - резко закончила моя помощница, увидев мою разжатую ладонь, и сгенерировала импульс.

Моя раскрытая ладонь беззвучно упала в капсулу. Моё тело заснуло, а сознание продолжало подготовку к Прыжку уже на следующем тонком уровне, в осознанном сне. *Тин-Тонгу* ждала следующей команды, следя за мной там. Её регистр восприятия позволял ей свободно перемещать своё сознание в более широком спектре реальности, и поэтому она без труда переходила в ближние Смещённые Слои.

- С-и-и-и-и... - ухватил я звуковую составляющую тонкой нити свернутой кольцом Пружины Сна и осторожно потянул...

Медленно отступая, я растянул нить до краёв, и сам развернулся вдоль неё.

- Т'кх! – раздался сухой щелчок среагировавшей *Тин-Тонгу*, и я провалился в черноту, теряя по ходу ощущение смысла происходящего, своего «я», координацию в реальности... до тех пор, пока всё не погрузилось в Абсолютную Тьму.
 - «Вывертыш» в ноль– пять- и- семь!» - сообщила *Тин-Тонгу* в журнал окончание операции, и, проверив параметры капсулы, пошла вокруг Сферы обходить остальных.
- А в Системе «Веретено» раскрылась ещё одна «чёрная дыра»...

22.06.20...г.

Люди, выходящие из станции метро «Автово» и спешащие по своим делам, сегодня были вынуждены столкнуться с непредвиденным обстоятельством. Прямо на проходе, посреди круглого зала с колоннами, перед дверьми, выходящими на улицу, стояла довольно странная девушка в длинном чёрном пальто с накинутым капюшоном, загораживая всем дорогу. Несмотря на довольно тёплую погоду, её пальто было застёгнуто, и капюшон надвинут практически на глаза. Её лицо было неподвижно, как если бы оно было вырезано из мрамора. Зрачки замерли, уставившись в одну точку, и сверлили воздух куда-то сквозь двери на улицу, на другую сторону проспекта Стачек, пролегающего мимо станции метро, сквозь дома и заводы, стелясь над Финским заливом и далее в горизонт, не встречая препятствий. Люди выходили из метро сплошным потоком, наталкивались на неё и чертыхались, но, почувствовав за тонкой тканью пальто стальные мускулы, ворчали тихо и не оборачивались. Те, кто горел желанием взглянуть на нарушительницу порядка, встречался с ледяной пустотой её зрачков, и, смущённо отведя глаза, продолжал свой путь. Вы уже догадались - это была Ли.

Не имея возможности шелохнуться, направив все силы на поиск преследователя, который вот уже несколько часов тащился за нею, она оставила своё тело там, где её застало чувство присутствия врага. Она оставила команду ногам сохранять вертикальное положение тела, а сама мгновенно вывалилась в ближайший Смещённый Слой. Отсюда было яснее видно, как смутная расплывчатая тень медленно движется зигзагами по её следам.

Ли стала медленно втягивать в себя энергию помещения, в котором находилась, что делало возможным хотя бы частично слиться с окружающей средой. Большое количество людей усложняло задачу. И тень её заметила слишком рано и слишком далеко, чтобы Ли достала её одним ударом. Ей удалось только бросить в её сторону частично собранное в себе «помещение», и таким образом слегка сбить шпиона с толку. Мгновенное изменение обстановки немного замедлило реакцию противника. За это время Ли сумела в три прыжка преодолеть расстояние между ними. А затем отступила в нерешительности... Существо преобразилось. Скинув прикрытие, оно явило свою сущность. Перед Ли стояла на некоем подобии хвоста огромная кобра с птичьей головой. Раздув свой «капюшон» и по-птичьей вертя головой, она смотрела на Ли то одним, то другим глазом. По бокам её шевелились подобия коротких лап. Сверкающая чешуя, покрывающая всё её тело, была серебристо-голубого цвета и отполирована так, что казалась искусственного происхождения, как будто кто-то вздумал покрасить ртуть или полированную сталь.

- *Ти-га*, - с недоумением выдохнула Ли.

Tu-ga были существами бестелесными. Это были духи, скованные заклятием, обязательством выполнить какую-либо кармическую работу на своего хозяина. Чаще всего эта работа была охранного порядка. Сами по себе неагрессивные, без склонности нападать или разрушать, *Tu-ga* всё же были грозным оружием, ибо их свобода перемещения и природная магическая сила делали их самыми способными преследователями, сыщиками и телохранителями. Нередко на разных планетарных системах *Tu-ga* принимали за так называемого ангела-хранителя, ибо, по сути, это так и было. Одной из наиболее часто поручаемых им задач была охрана жизни того, к кому они были приставлены. Выполнив свою работу успешно, *Tu-ga* получали полную свободу и независимость, и обычно уходили обратно в пределы своего пространства. Их средой обитания были пограничные Слои Систем, там где порядок и логика форм вещей начинали уже приобретать свойства Хаоса, где любое другое существо наверняка сразу же лишилось бы рассудка. Они же чувствовали себя там как рыба в родном пруду, в абсолютной безопасности и полностью свободными. *Tu-ga* можно было захватить, только если она была выкинута из родной среды за определённые проступки, или по собственной глупости или любопытству.

Ли никогда не сталкивалась с ними воочию и теперь плохо понимала, что вообще делать.

- Хорошо, хоть ударить не успела! – подумала она.

Было сразу понятно, что сражаться с *Tu-ga* бесполезно. Её силы и возможности превосходили любого, имеющего хоть какое-то материальное тело, а панцирь, которым она сейчас являлась, будучи приведена в активное состояние, был практически непробиваем ни для каких воздействий.

- Кто послал? – не надеясь на ответ, спросила Ли на языке Тари. Этот язык понимали все, ибо он восходил своими корнями к Началу Развёртывания Систем.

- Игхуанэ, – ответила *Tu-ga*, делая ударение на последний слог с особым стуком.

- Сестра?? Моя сестра? Но зачем? – Ли всё больше недоумевала.

- Её Высочество беспокоится, - ответил дух.

Ли знала, что у *Tu-ga* есть порог разрешаемой к донесению вонне информации. Более того, что ей разрешено хозяином, она всё равно не сможет сказать, даже под возможными пытками. Но попробовать стоило...

- В чём суть её беспокойства? – Ли торопилась, ибо время хоть и шло медленнее в физически проявленной части реальности, но всё-таки оставлять надолго там своё тело в полной неподвижности и без защиты, среди местных людей, ей не улыбалось.

- *Уггрувы* ищут Вас, - дух бесстрастно прошипел из птичьей глотки.

Ли нахмурилась. Было ясно, что Игхуанэ не могла это сообщить ей, так как средства передачи информации между Системами не существовало. Лишь живой гонец мог донести это в себе.

- Они далеко?

- Пол вдоха планеты – и они будут здесь

- Примерно двенадцать суток по местному... Успеем! Много их?

- Достаточно для вас... А вы оставили своих друзей вне своей досягаемости.

- Глиук и Локи специально заблокировались, чтобы не спугнуть тебя. Они хоть и далеко отсюда...

- Но держат в руках нити Эфирного Коридора... - закончила за неё *Tu-ga*.

Ли осталось только кивнуть.

- Осторожней с пальцами, Принцесса.

Ли, действительно, совсем от волнения забыла, что она может случайно задеть палец о палец, и этот лёгкий шорох пошлёт мгновенную команду Глиуку.

- Я собрана и в порядке. Итак... трон?
- Ваша сестра думает, что да. Захватив вас или уничтожив, *угррувы* попытаются повлиять на исключительное положение монархии в королевстве.
- Глупцы всегда ищут виноватого в их бедах среди окружающих!
- Аоум, - *Tu-ga* склонила голову.
- Здесь говорят «Дао» в этих случаях, - усмехнулась Ли, и серьёзно добавила, - Ты можешь помешать мне при Прыжке.
- У нас свои пути. Я не воспользуюсь более вашими тропами.
- Но зачем тогда ты всё время мешала Проводнику?
- Грозы, Ваше высочество. Терра входит в область Гроз.

Это было новостью. Значит Земля (или Терра, как на более высшем языке назвала её *Tu-ga*) входила сейчас в район колебательных гроз, генерируемых местной звездой. Это могло серьёзно пошатнуть все их расчёты. Космическое пространство было ненадёжной составляющей всегда, но здесь, вблизи звезды, находящейся в Периоде Пассивного Разрушения, это ещё грозило и волнениями самого поля, а значит, грозами. Вот и получили...

- Как Проводник мог это упустить?
- Он впервые имеет дело с планетой такого низкого уровня Светового Спектра. Ничего не было бы страшного, если б не *угррувы*.
- Да, понимаю... Здесь бы мы и попались. Я благодарю тебя! – Ли поклонилась *Tu-ga*, хотя и понимала, что та не нуждается ни в одобрении, ни в благодарностях.
- Дао, - ответила *Tu-ga* абсолютно серьёзно. Ли улыбнулась. Она знала, что дух таким образом проявил свой юмор, хоть и не показал это внешне, в ответ на её глупую благодарность.
- Сколько у меня времени?
- Оборот планеты. Возможно, два. – *Tu-ga*, как и Ли, прекрасно знала, что планета никуда не вращается, но это было сейчас самым удобным способом расчёта, исходя из местных представлений.
- Это всё?
- Мне велено также донести до вас приказ вернуться в пределы королевства Хэ.
- Глиук мне поможет. И... мне пора возвращаться... моё тело...
- Я держу его. Идите, Ваше Высочество.

Ли усилием воли проснулась. Человек пять стояли вокруг неё и испуганно заглядывали в лицо.

- Девушка, вы слышите меня? – учтиво, но твёрдо спросил мужчина в военной форме.
- «Скорую» нужно, - прокряхтела старушка рядом.
- Не надо, - слабо сказала Ли, осторожно сдвинув глаза, - я в порядке уже. Что-то плохо стало...
- Как же... плохо... – проворчала старушка, сразу потеряв интерес к происходящему и отходя восвояси, - наркоманы чёртовы... Нанюхаются всякой дрянью...

Но военный более трезво оценивал ситуацию. Он с неподдельным интересом смотрел на Ли.

- Тренируетесь? – спросил он.
- Извините, мне нужно идти, - Ли мягко скользнула мимо.
- Как Вам будет угодно. Но если что, имейте в виду, у меня есть пара хороших мастеров по медитации...
- Вы весьма наблюдательны, - улыбнулась Ли, обернувшись, - но я как-нибудь сама... Так интересней...

- Ну, конечно, - весело, но с сомнением в голосе произнёс военный, косясь на шрам у неё под скулой, - прощайте! И осторожней...
- Спасибо, - бросила на бегу Ли, прыгая через ступеньки по лестнице в метро.

День Сии-маа, Сезон Лезвий.

Второй Барьер Сновидения – что может быть проще? Я настолько легко ввернулся в картину происходящего, как новый штопор в размякшую пробку. Ещё удар сердца назад я висел меж цветных всполохов в переходном тоннеле, а сейчас уже стоял посреди улицы, и высокие многоэтажные дома прикрывали мутное серое небо. Я отметил ещё в тоннеле нездоровые ярко-жёлтые оттенки с боков, что свидетельствовало о не самом лучшем состоянии моего здоровья. Тоннель Первого Барьера находился на теле в трёх пальцах выше переносицы, и эта точка так же давала исчерпывающую информацию о работе всех автономных систем организма.

- Ладно... Позже разберусь... – сказал я себе, уставившись глазами в землю. - Нужно пока освоиться, осмотреться... Улица оживлённая. В пределах видимости человек двадцать. Поднимаем глаза далее. Если пойти вправо, через дома четыре будет открытое пространство и даже вроде пахнет водой... Река, что ли? Пойду пока туда, а там уж дальше решу. Для верности я вызвал Эрабику.
- Всё в пределах нормы, - сообщила та после маленькой паузы, - Слой стабилен и зафиксирован. Не забывайте про глаза.

Проговорив всё скороговоркой, она свернулась, и её комариный писк над ухом исчез.

Конечно, я не забыл. В этом слое любой мог принять меня за местного обитателя, но только до той поры, пока не увидел бы мои глаза. В этой реальности они были безнадежно чёрного цвета. Ни зрачков ни белков. Сплошная чернота. Большинство местных спокойно относились к этому, зная про пришельцев, и имея частые контакты с ними. Но были и агрессивно настроенные существа, которые считали таких как мы порождениями Зла, предвестниками бед и несчастий. Фольклор, что поделаешь? Я надел очки, своевременно оказавшиеся в кармане (чтобы придуманная вещь обрела форму, здесь, всё-таки, нужно было хоть и короткое, но время), и зашагал в сторону предполагаемой реки. Я шёл не спеша, попутно рассматривая витрины магазинов. То там, то здесь мне попадались пожарные краны, торчавшие маленькими башенками посреди тротуара, и стенды с печатными изданиями. Подходить не было смысла, ибо увидеть в таком печатном листке можно было всё, что сам захочешь. Это были просто проекции, оставшиеся как воспоминания у тех, кто осел здесь на жительство после пребывания в физических телах. Здесь можно было встретить и просто внезапно умерших существ, которые не до конца осознали свой переход, и сущности, кормящиеся здесь воспоминаниями, и просто любителей пожить в условиях лёгкой фантазии. В целом, самое место для заядлых фантазёров и мечтателей. Но общими усилиями в этом Слое существовали отдельные островки реальности, которые были весьма стабильны, и напоминали настоящие города.

Я вышел к реке. Широкая и меланхоличная, она несла свои воды с лёгкой рябью по направлению к грузовым докам и порту, которые виднелись справа, на расстоянии трёх кварталов.

- Ба! Знакомые всё места! – с радостью отметил я, - Да ведь это Хрустальный Мост! Это я удачно попал...

В этом месте я бывал много раз. Никто не знает, почему тот или иной сновидящий попадает раз за разом в определённые места. Вероятно, это связано с прошлыми воплощениями или чем-

либо подобным... Насколько мне было известно, над природой этого явления до сих пор бились многие. Но самое главное - подобные вещи весьма упрощали навигацию по Слойам, ибо зазевавшийся «ныряльщик в сны» может в любой момент прыгнуть в такое известное ему место, которое неким странным образом служит ему щитом. Своего рода «домик». Вот и я ныне оказался практически у такого места.

- Тааак... Теперь можно сориентироваться. За портом река разделяется на два канала (эх, что там за мосты, резные и крутобокие...), а если через мост - можно попасть в нижние районы города с рынками и барами. Кстати, о барах... Зайти, что ли, мне кое к кому? Как кстати-то...

Был у меня там приятель. Странный тип, не особо приятной наружности. Держал маленькую таверну в полуподвале. Там всегда играла тихая музыка и можно было спокойно посидеть, собравшись с мыслями... Несмотря на внушительные размеры живота и обрюзгшую, покрытую множеством порезов, физиономию (видимо, расставаться с привычным образом ему не хотелось), Угава был, не сказать что добрым, но всё же порядочным человеком, и имел ко мне расположение. Его флибустьерская борода и крепкие выражения привлекали в заведение многих зевак, а если что – Угава мог и силу свою показать, благо ещё при физической жизни был не только силачом, но и упрямым, как бык (а ведь сила в этих местах зависела от воли человека). Я частенько тут сиживал ещё в годы своих первых путешествий по Слойам. А теперь и дельце наметилось. Кто знает... Может Угава что-нибудь подскажет?

Я подошёл к стеклянной остановке, сел в вагончик, откинулся на спинку сиденья и расслабился. Вагончик слегка завибрировал, и с нарастающим гулом поднялся слегка над единственной рельсой, по которой ходил. Затем в динамиках что-то буркнуло, и вагончик плавно заскользил через мост. Мост изгибался над рекой широкой дугой, и имел много полос движения. Стеклянные фермы моста и испускающие сиреневое сияние фонари на длинных изогнутых «удочках» мешали свободно оглядывать окрестности, что было весьма умно продумано, дабы никто не обращал особое внимание на панораму далёкого окружающего, которая была иногда очень даже зыбка. Я не успел даже рассмотреть толком вагончик (впрочем, как и всегда, когда мне доводилось на нём ездить), и вот уже буркнули остановку. Вагончик затормозил, остановился и осел на рельс. Пассажиры заспешили к выходу, и я, поправив на носу тёмные дымчатые очки с неопределённого цвета линзами, тоже сошёл на тротуар. Улицы здесь разделялись, и уходили вниз. Я привычно пошёл направо, спускаясь по узкому переулку, и вскоре был уже на месте. Толкнув дверь с колокольчиком, я вошёл в бар. Здесь почти никого не было, кроме пожилой пары, да странного вида трубкообразного существа, которое перемещалось между столиками, что-то изучая на их поверхности.

- Ага, старый друг пожаловал, - Угава первый меня заметил, пока я осваивался с переменной освещенности.

Я покосился на тёмную вертикальную трубку, шарящую по столам.

- Не обращай внимания, - добродушно заметил Угава, - этот, бывает, заходит к нам. Что-то исследует. Издалека, видать, каждый раз является. Надолго исчезает, да и нет у нас таких среди местных.
 - Вот и я смотрю – что-то новенькое, - успокоился я.
 - Он абсолютно мирный, - Угава жестом пригласил за столик, и сделал жест по направлению к официанту, - к тому же, помогает мне и ребятам.
 - ???
 - Будешь смеяться... Он до жути любит мыть посуду!
- Я еле сдержался, чтоб не захохотать. Атмосфера сразу «потеплела».
- Ну... разные бывают желания и предпочтения... - усмехнулся я.

- Вот и я о том же, - Угава сел, развалившись, и расстегнул на шее потную засаленную рубашку. Ты ж знаешь, у нас принято уважать чужие привычки и предпочтения. Такие места, такие нравы...
- И это очень хорошо, Угава.
- Я так и знал, что ты всё понимаешь. Ты – хороший человек.
- Слушай, Угава, я к тебе по делу одному.
- Ну? – Тот удивлённо поднял брови.

Подошёл официант и поставил на стол горячую дымящуюся тарелку передо мной. Угава, наклонив голову, хитро поглядел на меня.

- Как всегда, Локи.
- Помнишь... - я улыбнулся и покачал головой, - эх, хорошо здесь у тебя! – Я снял очки и положил их на стол.

Угава поморщился.

- Ты очки всё ж надень. Я из понятливых, но всё ж вид у тебя жуткий без глаз. А у нас тут всякие заходят, ты ж знаешь...

Я одел их обратно.

- У меня ведь глаза другие, Угава, по-настоящему то.
- Дык же... Угава не дурак. Всё понимаем... Дык тока зачем спрашивать лишнее?

Я подождал, пока официант отойдёт, и наклонился к пропахшему специями и потом хозяину бара.

- Ищем мы тут одного. Коли появился бы у вас, ты б наверняка знал. Он без скандалов не может, да силушкой своей всё не к месту меряется постоянно.
- У нас много странных колдунцов здесь обитает...
- Понимаю... Но этот из Высших. Корона у него.
- Король, что ли, какой? Это как же? В мантии и со скипетром? – Угава расхохотался.
- Ну, ты нимб видел когда-нибудь у людей? – я тоже улыбнулся, - Свечение вокруг головы?
- Только на картинках, да и то, когда твёрдым жил, ещё до этого... ну этого... до того, как сюда попал. Святые там... Все дела... Я помню... Вот у них над головой нимбы были.
- Вот это и есть корона. Обычный человек её как нимб видит, а на деле обруч то вокруг головы лежит.
- Дядьку с нимбом не видал, - удивлённо покачал бородой Угава, и почему-то погрузился сразу и насутился, - а вот девицу с чем-то похожим тут на днях видел.
- Ну? – настала пора мне удивляться.
- Да с три оборота назад дело было... Сначала гномы вошли. Ну, обычные гномы, ты знаешь, их тут много по окрестностям живёт. Да вот только в город они не часто носуют, ксявки, ты ж знаешь... А тут с топорами боевыми трое. Вошли, обошли оба зала... Я на них эдак с усмешкой гляжу, дай, думаю, походят... Мне-то чего? А они всё оглядели, да на улицу одного послали. Тот девку-то и привёл за собой. А у девки той, как ты говорил, обруч вокруг головы, да не простой. Светится, да не изнутри, а сам по себе. И мутно так светится, нездорово... не по себе как-то от него делается...
- И чего дальше?
- Дык вот тут-то всё и началось! Посидела она (гномы вокруг стола стояли), да пришёл к ней какой-то тип. Весь в фиолетовом. Плащ, шпоры на ногах, да не простые, а странные... (Для драконов наверняка, - отметил я про себя). Нос большой, да глаза тоже сиреневые какие-то... Вот он с ней что-то обсуждал сидел, а потом она вспылила. Давай

кричать на него. Тот побледнел, но сидеть остался. А девка разошлась, вскочила, глаза сверкают, да как шваркнет об пол кружку-то! Вдребезги, иб ту ю меме! Ну я и подошёл...

- И что?
- А что что... - насупился Угава, - с роду такой девки не видел, чтоб кулак мой выдержала.
- Не понял...
- Дык я ей по-хорошему, типа, дамочка, триетидрёный хряп твою, типа, нехорошо. Шо ж вы посуду-то? А она на меня какой-то тарабарщиной...
- Такой? – Я произнёс пару выражений на языке Тари.
- Шаман ты, аднака, - коверкая слова, нахмурился Угава, - откель знаешь-то?
- Учился...
- Ну разве что... - неуверенно покосился бородач, - дык я не привык, шоб на меня бабы-то орали... Ну я её за шкирку и на улицу, иб ту ю. А она, тля...
- Что она?
- Ну, перемахнулись мы чутка...
- Как? С бабой подрались?
- Дык хе... баба... Кабы другой на моем месте был – точно к праотцам бы отправился. Она ж тут ногами, что веер твой, махала. А каждый удар – что я, триетедрить, с дури злой кулаком вмажу. В общем, недолго я простоял, – Угава заметно был огорчён, - всего раз по ней и попал. Аккурат под глаз ей засветил под левый, - тут он довольно приосанился, - синяком не отделается... Только опосля этого ничего не помню.
- ???
- Да вырубил она меня. Я дык даже думаю, что не со зла она дралась, а так... поддавалась. А тут всерьёз я её пронял, – Угава откинулся на стуле, - да ладно, блин косой, её. Давай по кружечке вмажем, а? По масенькой, понимаю, все мы при делах...
- А баба-то как выглядела?
- Дык я и говорю – обруч на ейной башке, кожей вся серебристая, что рыба твоя... Да глаза как ёлки в лесу... Косоглазая слегка...

Тут меня что-то кольнуло в груди, но я так и не понял, что. Что-то знакомое было в этом описании, но я как ни напрягался, вспомнить не мог. А может память об этом хранилась в других Слых.

- Мда... Странные дела... – я тоже откинулся в знак окончания деловой части разговора, и отметил у себя внутри неприятный осадок от него, - ну да ладно, давай твоего элю махнём, да расскажешь, как сам тут...
- Вот это дело! – Угава сразу повеселел и щёлкнул пальцами официанту, - Эй, родня плюгавая, иб ту ю меме, принеси-ка молодцам, аккурат нам, по кружечке для веселию.

Я заказал закуску – нарезанный полосами пряный сыр, который здесь делали из чего-то наподобие торфа – и отхлебнул из принесённой официантом кружки. Напиток был хорош.

Немного терпкий, чуть горький, но в то же время сладкий.

- Иех! – крикнул Угава, оттирая усы. – Вот теперь можно жить! А я тут давеча тёр с одним калачом тему приглядную...

Он начал длинный монолог обо всех последних событиях, происшедших в городе, а я, блаженно щурясь на тусклый свет настольных ламп, стал размышлять над услышанным. Тип со шпорами явно был Лордом. Наверняка, при Дворе. А дамочка с обручем тянула на Высший Эшелон. Мда... Здесь пахло политикой. Ввязываться в подобные дела мне совсем не улыбалось. Нужно было перебраться в Замок и доложить. Такие особы просто так по Слям не шатаются, тем более так далеко от своих Пределов. Что-то им было здесь нужно...

И в который раз я осознал в себе щекочущее чувство узнавания чего-то...

- Слушай, а шрама над бровью у неё не было? – перебил я на полуслове Угаву.
- Дык не упомяну я... Да сдалась тебе эта баба... Ну вот я и говорю дале, дык ты шо, паскуда... - и он повёл свой рассказ дальше.

Что-то неуловимое и ускользающее от меня было в его описании этой дамочки, но что – я не мог вынуть из своей памяти никак. Вот если б кто придумал, как сохранять дальнюю память при переходах по Слоям – эх, сколько бы всего открылось... Что ж, будем считать, что здесь наш план провалился. Особа была явно не тем, кого мы искали. Информация, перенесённая при Прыжке сюда, и заложенная особым способом в моём уме, явила себя в наилучшем виде. Его Высочество Геен, неукротимый бунтарь и борец за свободу и равенство среди Нижних Пределов, всё ещё шастал где то здесь, надеясь переправить в руки невежд чертежи *виман*. Представить орду невежественных дикарей, оседлавших *виману*, было сложно. Что эти неандертальцы будут делать с межпланетным кораблём? Хм... Я не представлял. Но Геена по любому нужно было остановить. Чертежи могли попасть к кому угодно и нарушить естественный баланс Сил в Системе. Я подождал, пока Угава начнёт притормаживать свою речь, а затем, ловко выудив паузу между его повествованиями, вставил свои извинения и просьбу покинуть его на этой чрезвычайно интересной ноте.

- Ладно, ты хоть заходи почаще, - Угава поднялся из за стола, профессионально поглядывая на вошедших посетителей, - а то сброду здесь шатается много всякого, а поговорить по душам - редко кого встретишь.
- Не грусти, я буду захаживать, - я улыбнулся ему, - гостинца тебе привезу из стран заморских...
- Ну дык и хорошо, - Бородач погладил себя по животу и крикнул парню в фартуке, - Эй, триедрёный хряп, убери тут чистенько усё, сэр уже оставляет нас.
- А это тебе! – я протянул Угаве замшевый коричневый шарик.
- И что енто дык такое?
- Это в рыбе одной редкой произрастает внутри.
- В кишках, что ли?
- Ну, что-то типа... Кишок у неё нет вовсе. А вот шарики эти пищу её перерабатывают и живут в ней, пока та жива.
- А мне на кой ляд это?
- Энергии в них полно. Как со светом проблемы будут – стукни об пол шарик этот, и два-три оборота у тебя в заведении будет солнце местное своё сиять.
- Хе... – прищурился хозяин, - это нужная вещица... Мы её пока до поры в ящичек положим... Пригодится... За енто спасибо. Вещь заморская, цены немалой, а магия у нас в торговле, завсегда в ходу...
- Ну и хорошо, - я направился к выходу, - до встречи, Угава!
- Так будет! – по местному ответил Угава, и дверь между нами закрылась, прозвенев колокольчиком.

Я оглянулся. Здесь вечерело. И хоть небо здесь всегда было одного неопределенного серого цвета, но всё же заметно темнело на полуоборот планеты, что принималось здесь как «ночь». Убедившись, что в пределах видимости никого нет, я щёлкнул пальцами, дав команду. Инфразвук комариным пискom завис над ухом.

- Эрабика!
- Три возможных направления слежения. Вероятность совпадения встречи двух особ Королевских кровей – один к трём. – Механически протараторила та.
- Таак... Проработаем пока первый вариант.
- Гномы. Основной род занятий – переправка людей и грузов по Системе. Торговля.

- Понял. Наведаемся...

Я поправил очки на носу и двинулся обратно к реке. Нужно было попасть в порт и сесть на корабль, который проходил мимо ближайших поселений гномов... А это пол-оборота пути. Становилось прохладно, и звуки моих шагов стали как будто длиннее и громче. Видимо, многие жители уже легли спать, и поэтому стабильность реальности всё же немного размывалась. «Всего раз по ней и попал... Под глаз засветил под левый...» - всё вертелось у меня в голове. Я с удивлением отметил у себя раздражение. Ерунда какая-то... И что этой из Высших здесь нужно было?

26.06.20...г.

- Машина! – автоматом бросила Ли. Мы были уже близко. Совсем близко. Блуждающий Эфирный Коридор набирал уже заряд и приближался к Сосновому Бору, пригороду в паре часов езды от Петербурга. Мы уже забрались дальше Стрельны, но Стихии сбивались. Вектора направления тоже плясали как хотели. Грозы... проклятые Грозы! Как же я не догадался раньше?! Период Пассивного Разрушения же... Глупец!

Я поднял руку, голосуя. Мы огибали Широкую Кривую Лабиринта по касательной. Глиук переходил по дуге, с другого конца, чтоб на всякий случай создать лишний момент равновесия. Сейчас он был ближе, чем мы, но движение по воде было не столь скоростным, как у нас. «Успеет!» - утвердительно сказал я себе. У обочины затормозил жигулёнок. Номера 322 – отметил я.

- Куда? - открыв дверцу, спросил водитель.
- Прямо! – ответил я, показывая полтинник.
- Садитесь.

Я – на переднее, Ли – назад. Поехали. Молчим. Водитель включил радио.

«Во второй половине дня (322 – вспомнил я) сегодня произошёл пожар на улице Крыленко (крылья... птицы... Воздух... и Огонь – отмечал я данные). Пострадали двое. С ожогами третьей степени они были доставлены...» - радио заглушил проезжающий справа грузовик. Плохо... Грузовики стягиваются. Система не хотела отпускать нас ни за что.

- Что-то сегодня прям нашествие какое-то! – проворчал водитель.

Я молчал и спиной чувствовал, как сзади Ли сжала зубы. Я осторожно сбросил на пол под ноги две монеты по два рубля и три монеты по рублю.

- Грузовики прям колоннами идут... И шальные все какие-то... На пожар, что ли?

Я обернулся к Ли и подмигнул. (огонь – поняли мы команду)

- Что-то в салоне сзади дымом пахнет, вы не чувствуете? – Ли взялась за ручку дверцы.
- Даа?? Хм... Давайте остановимся, посмотрим... И в правду, что-то есть... - водитель прижался к обочине. Пока он обходил машину, мы выскочили и в мгновение ока были уже за 50 метров далее по направлению.
- Он! – я указал на приближающийся камуфляжный грузовик.

Номера 223. «Вот это скорость переворачивания! Мы совсем уже близко!» Я подхватил красный припасённый камешек из кармана, прихваченный ещё на Второй Касательной Лабиринта. Вот она, недостающая связка! (красный - огонь) Мозаика складывалась удачно.

- Железо! – крикнул я Ли.
- Какое?

- Любое!
- Нет у меня! – с ужасом отозвалась она.
- Должно быть! Ищи! Оно есть! Его не может не быть!

Ли судорожно стала рыться в пальто.

- Нету! Да нет же! – из кармана её пальто выскользнуло маленькое пёрышко. (а вот и воздух – облегчённо заметил я)

Грузовик приближался.

- Оно есть! Ищи!
- Есть! Скрепка! Есть! – Ли выхватила скрепку из кармана и кинула мне.

Я поймал её на лету и вместе с камешком бросил под колёса грузовика. Визг тормозов был нам ответом. Машина сдала назад, так как практически пролетела уже мимо нас.

- Подбросить, что ли? – высунулся молодой парень в военной пилотке. Ли уже полностью взяла себя под контроль, и, мило улыбаясь, подошла, не спеша, к кабине.
- О, рыцари, не могли бы вы помочь заблудшим двум скитальцам? Мы почти добрались до родного дома, а тут колонны грозных машин ... Что происходит?
- Залезайте! – парень принял важный вид и открыл высокую дверцу. Мы втиснулись против правил вчетвером на переднее сидение. (четыре - отметил я. Там где должно было быть трое – стало четверо). Водитель оказался тоже совсем молодым солдатом. Он уважительно и заинтересованно покосился на Ли, а я постарался скрыться как можно больше за её фигурой, прижавшись к дверце.
- К нам сегодня внезапно приказ прилетел. (воздух... воздух...) Всех гнать в Сосновку. Может, приехал кто... А может внеплановые учения какие... Наше дело – приказы выполнять... - ребята понесли хвастливую окоlesiцу, а я переводил дыхание.

Дорога под нами бежала, и сие было главное. Мы приближались. Тело почти уже вышло из под моего контроля. Захват был близко. Ещё немного, и я выйду за Внутренний Барьер Лабиринта. Ноги уже немели, и мышцы теряли контроль. Чужеродная Сила захватывала власть надо мной, проверяя по пунктам всё моё тело. Я старался расслабиться, откинувшись спиной на заднюю стенку кабины. Глаза остановились. Шла полная перепроверка всех органов и автономных систем организма. Невидимые щупальца кололи меня в точечные нервы. И вот уже палец руки описал независимо от меня в воздухе маленький круг, и совершил четыре коротких щелчка об другие пальцы. А затем я провалился полностью в себя и стал лишь наблюдать. Теперь моё тело целиком было под властью Узора. Я вывалил себя за границы Системы и больше не владел своей физической оболочкой. Наклонившись, «я» ударился лбом в ветровое стекло, чем привлёк к «себе» внимание, слегка ошарашив сидевших рядом.

- Что случилось? Тебе плохо, что ли? – напарник водителя наклонился ко мне. (захват!)
- «\|\|» - произнёс «я» на языке Тари. Напарник отвёл глаза и застыл в сидячей позе.
- Тогда хорошо... - промямлил он, и продолжал сидеть. Ли повернулась ко мне вопрошающе. «Я» кивнул. В глазах её отразился испуг. Её глаза спрашивали: «Что, уже?»
- «\|\|» - прошептал «я» ей.

Ли застыла. «Я» ухватил водителя, взяв под контроль все его эмоции, желания и импульсы. Грузовик летел, набирая скорость. И теперь я был в нём один, вытеснив всех остальных в ближайший Смещённый Слой.

Через сорок минут по местному времени мы въезжали на территорию Соснового Бора. Никто нас не задерживал. Никто не просил документов. Система отпустила нас и теперь старательно выталкивала за Внешний Барьер. Любое наше движение в ней теперь только нарушало её баланс. Планета старательно отрывала меня, как чужеродное тело, случайно попавшее в её организм. Время ускорило. Зрение превратилось в выхваченные кадры.

Внимания тела было недостаточно для того, чтобы целиком и полностью отслеживать операции Системы и Лабиринта. Поэтому, как несоответствующий скорости прохождения информации процессор в компьютере, моё физическое тело воспроизводило теперь только каждый пятый кадр из происходящего. Данные и параметры с бешеной быстротой менялись, открывая проход в защитном поле Системы. Код этот невозможно было просчитать ни одной созданной искусственно машиной, так как скорость раскодировки превосходила все возможные способности какого-либо существа или механизма. Моя память вскрывалась с методической точностью, следуя определённом порядку открытия «файлов». Где-то на подступах к берегу залива «я» мимолётом увидел подскочившего Глиука с ошарашенными глазами, который сунул мне какие-то штаны, которые я тут же одел (недостающий элемент – он захватил его на Правой Дуге Лабиринта), сунув свои в руку какому-то бомжу, который механически восхитился ими за 5 местных минут до этого. Всё сопоставилось. Всё занимало свои места. Мозаика почти собралась. Все вещи легли в свои пазы. Перед моим взором сверкал Лабиринт во всей красе. Теперь я помнил всё. Я вспомнил Глиука, верного советника Её Величества Эххенны, который был взят на службу после случая спасения дочери Королевы. Я вспомнил, как Глиук стал верным слугой, Учителем и советником спасённой им Принцессы Ли. Я вспомнил о государственном перевороте в Пределах Серебряных Ветвей, и о том, как мне было поручено решать проблему по выводу важных послов из их Системы. Я вспомнил, что много раз выполнял поручения, связанные с их Двором, и что я знаком с Глиуком очень давно и не только по работе. Я вспомнил, как мы с Ли стали друзьями, много времени проводя вместе. Как мы с ней ходили по Слоям и делились опытом и знаниями, будучи ещё подростками, после того, как познакомились у Махм-Атмы, и встретились потом на моем первом задании в отношении их Рода. И что именно поэтому я был назначен на эту работу Советниками Замка, как близкий друг Её Высочества. Я вспомнил и Игхуану, сестру Ли, вечно смеющуюся и весёлую, и такую испуганную, когда мне пришлось их уводить через Эфирные Коридоры от взбесившихся угрувов. И я вспомнил, что мы давно и крепко связаны, намного дольше и глубже, чем даже эта наша жизнь. Я знал, что Глиук и Ли это тоже вспомнили сейчас, но не могут даже жестом показать мне это. А ещё я вспомнил, что как только мы сейчас пройдем в Центр Лабиринта и совершим Прыжок, я всё это опять забуду. Потому что сработает защита Систем.

Десять – серия движений руками и выпаленная на бешеной скорости мантра. Девять – изогнувшись колесом, я прокатился участок, который не имел права пройти на ногах или на руках. Восемь – сцепление рук между нами, подтверждая команду «единое целое». Семь – наши три лежащие на земле тела образовали треугольник, голова к голове. Шесть – последний вдох в этой Системе и распределение внимания каждого на внутреннюю работу тела. Пять – начало звука, из ног... из паха... зарождается звук «а». Четыре – звук закручивается, воронка энергии внутри тел тоже. Три – тело включает «перезагрузку», звук склоняется к «о», переходя в «у». Два – звук пришёл в «ммм», полный выдох и замыкание всех внешних датчиков получения информации физических тел. Один – я мысленно даю команду, замыкая собой последнее пустое окошечко в общей картине Лабиринта. Всё собрано. Я даю команду и щёлкаю пальцами. Лабиринт всыхивает. Разряд.

Уши болели. Во рту стоял привкус крови. Оглушительный подавляющий гул растекался во все стороны, стремясь скрыться за горизонтом. Его высокое мерцание разваливалось, постепенно теряя целостность, и отдельные маленькие брызги звуков катились куда-то в высоту

подобно... ну, этому самому... ну, этому... чему? Что-то знакомое было для него в этом звуке. Звон чего-то стеклянного, нет, медного по... по чему? Гул утекал вниз, в землю, теряя свою плотность, и вот уже он не был слышен ухом, а лишь отдавался во всём теле дрожью, которая всё замирала. Амплитуда колебаний резонанса спадала, и уже можно было попробовать вздохнуть. Он осторожно попытался приоткрыть глаза. Это было нелегко. Глаза как будто склеились и сильно болели. Влажным жаром жгло веки. Разум медленно просыпался... Глаза осторожно открыли просвет между век.

- Э... а... собственно, где я? И главное...кто я?

Конец.